This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

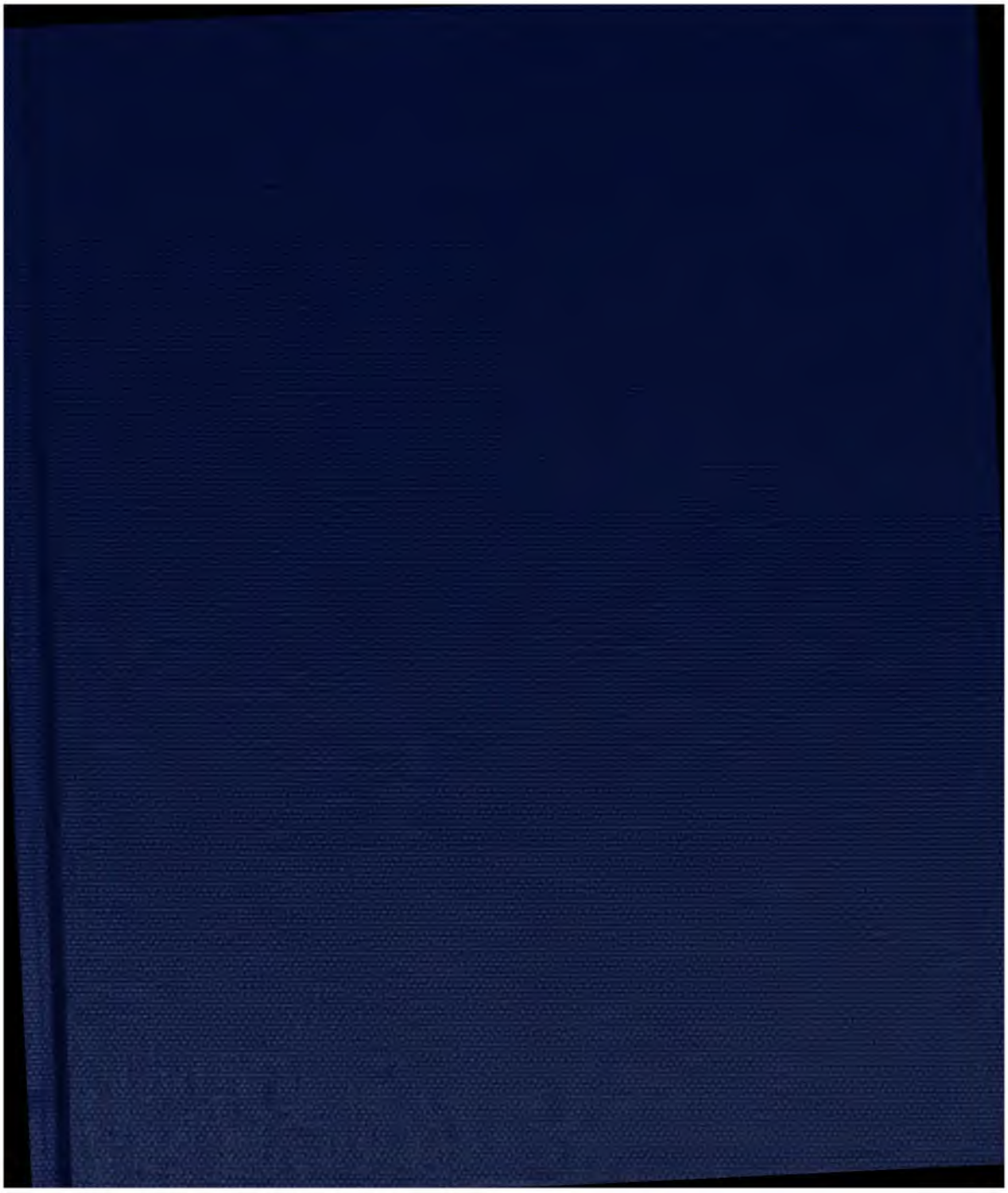
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Вас. Вл. Немировичъ-Данченко

Подъ горячимъ солнцемъ

(Разсказы о Кавказѣ).

1—Въ Дагестанѣ. 2—Въ Гуріи и на Чарохъ-Су. 3—Абхазское поморье и Пицунда.

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
Книжный Складъ Стремянная, 12
Книжный Магазинъ Невскій, 96

Дозволено цензурою СПБ, 20 мая 1908 года.

Типографія П. П. Сойкина. СПБ. Стремянная, 12.

In compliance with current
copyright law, LBS Archival
Products produced this
replacement volume on paper
that meets the ANSI Standard
Z39.48-1984 to replace the
irreparably deteriorated original.

1989

Copied from
Stanford University
Libraries Materials

I.

ВЪ ДАГЕСТАНѢ.

I.

Ночь въ горахъ. — Трагическій злодѣй Магомадъ-Оглы.

Пахнетъ съ утра жасминами.

Кажется, дышешь не воздухомъ, а ароматомъ горныхъ цвѣтовъ.

Глазъ устаетъ слѣдить за извивами ущелій, за гребнями горъ, за ихъ вершинами, то выступающими серебряными куполами на яркой синевѣ чистаго неба, то пропадающими вдали, чтобы, минуту спустя, опять замерещиться едва различаемыми контурами. Смотришь-смотришь, пока не сдѣлается больно, и долго идешь потомъ, зажмурясь...

Грохотъ ручьевъ справа и слѣва... Ручьи впереди, ручьи позади... Точно попалъ въ заколдованное царство текучей воды. Поневолѣ забудешь и неудобный ночлегъ въ горахъ, и недавнюю усталь, и неудачи на охотѣ за каменными баранами—турами.

Или во мнѣ совершенно нѣтъ инстинктовъ охотника, или я просто еще не усвоилъ себѣ всей прелести этой безпощадной травли—не знаю. Только какъ въ Лапландіи мнѣ жаль было бить дикихъ оленей, такъ и здѣсь рука не подымалась цѣлить въ эти красивые силуэты гордыхъ животныхъ, словно наслаждающихся съ высоты своихъ неприступныхъ скалъ громадною панорамою долинъ и ущелій, раскидывающихся подъ ними внизу. Говорятъ, что туръ по вѣтру не подпуститъ къ себѣ никакого охот-

*

ника, говорятъ, что, застигнутый врасплохъ, онъ «головою внизъ бросается въ пропасть и, ударившись лбомъ о камень, становится на ноги»,—не знаю. Охотники—лгуны по принципу, натуралисты имѣютъ слабость вѣрить имъ, ну, и Господь съ ними... Вѣдь, разсказывалъ же мнѣ мой милѣйшій спутникъ, Аду-Ника-Магомадъ-оглы, что жилъ у нихъ въ аулѣ нѣкто Ходжалъ-Махи, умѣвшій привораживать туровъ. Отъ одного взгляда этого дагестанскаго Немврода каменные бараны дѣлались неподвижными и подставляли грудь подъ пулю его ружья. Да и ружье у него было тоже заколдованное. Оно само поворачивалось дуломъ въ ту сторону, гдѣ находился туръ. Ходжалъ-Махи только и дѣлалъ, что спускалъ курокъ.

— Ну, а теперь у васъ такихъ охотниковъ нѣтъ?

— Нѣтъ... какъ русскіе пришли, ни одного не осталось. Перевелись всѣ. Теперь только Юнусъ-оглы и ходитъ на туровъ изъ нашего аула. Остальнымъ и дѣла нѣтъ... Молодежь—та тоже портиться начинаетъ... Недалеко время, когда горные орлы домашними курами станутъ, а мужи, вмѣсто женщинъ, дѣтей рожать начнутъ. А все урусъ!..

И Магомадъ печально покачалъ головою.

— Прежде,—горячо заговорилъ онъ,—у насъ судился народъ по адату или шаріату. Теперь русскіе своихъ судовъ понадѣлали... Тутъ недавно какое дѣло было. Мальчикъ Курбанъ-оглы засталъ мать свою въ полѣ съ Сулеймановъ, сосѣдомъ ихнимъ. Разумѣется, не добрымъ дѣломъ занимались они. Ну, а мальчикъ хорошей крови былъ, не вытерпѣлъ безчестія и убилъ Сулеймана кинжаломъ. Что-жъ-бы ты думалъ, вмѣсто того, чтобы оправдать его, какъ было-бы у насъ прежде, русскій судъ заперъ его въ тюрьму!

— А сколько лѣтъ убійцѣ?

— Тринадцатый только. Совсѣмъ напрасно пострадалъ, бѣдный!

— Неужели-же прежде у васъ такъ-бы и оставили это дѣло?

— Зачѣмъ такъ! Тоже совѣсть была! Родные Сулеймана стали-бы мстить. Правильно дѣло было-бы—кровь за кровь; молодежь смѣлость и удальство показать-бы могла... А теперь?.. Прежде народъ честь зналъ, за обиду кинжаломъ расправлялся. Мужи были, а теперь бабами стали. Чуть что—къ начальству бѣгутъ. Какого еще позора ждать? У насъ здѣсь есть одинъ такой, жену свою поймалъ въ купацкой съ гостемъ. Что-жъ-бы ты думалъ?—съ ужасомъ обратился ко мнѣ Магома.—Убилъ онъ ихъ?.. Нѣтъ—женѣ разводъ далъ, а на обольстителя ся, собачій сынъ, пошелъ жаловаться въ судъ. Просто и жить не стоитъ нынче... Кто говоритъ, всѣ мы въ молодости на эти дѣла ходили. Кровь играетъ, поневолѣ къ сосѣду залѣзешь жену воровать. А только мы знали, что голову свою за это несемъ, знали, что если оплошаемъ, такъ и совсѣмъ домой не вернемся!..

А ночь, дѣйствительно, выпала на нашу долю плохая.

Черною пастью лежала еще ввечеру передъ нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдетъ луна. Въ потемкахъ нечего было и думать пускаться на удачу. На первомъ-же поворотѣ тропинки и мы, и лошади свернули бы себѣ головы. Кое-какъ въ глубинѣ грота удалось развести костеръ. У входа темнѣла холодная мгла. Злобно шипя, колыхалось пламя, съ тихимъ свистомъ пробѣгало оно вверхъ по вѣтвямъ сухого орѣшника, и когда между ними попадался корень, узловатый и толстый—снопы золотыхъ искръ падали на черныя плиты. Вверху то клубился дымъ, то багровый отблескъ игралъ на сталактитахъ.

Костеръ погасъ скоро, только, тускло отторая, еще шипѣли смолистые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

— Теперь пора! Поѣдемъ!

Мы встали и вышли.

Высоко горѣли звѣзды въ ночныхъ небесахъ, разливая серебряный свѣтъ. Изъ мрака выступали утесы; вонъ одинъ прямо передъ нами, точно матово-бѣлая глыба.

Внизу, объятая туманомъ, долина, какъ пропасть, легла. Только какой-то огонекъ на самомъ днѣ ея то вспыхнетъ, то замретъ...

— Костеръ тоже, — пояснилъ Магома. — Тоже лупы ждутъ!

Вонъ бьется и плещетъ горное озеро, дробится въ огнистыя искры. Точно призраки, изъ расщелинъ ползетъ, растетъ и клубится мглистая тьма.

И вдругъ... Точно багровымъ заревомъ разомъ облило застывшую въ голубомъ блескѣ окрестность. Мѣсяцъ показался за Шайтанъ-горою. Далеко впереди зазмѣились извивы тропинки, массы горъ опредѣлились. Гдѣ прежде былъ однообразный фонъ, теперь легли оттѣнки ущелій и выступовъ. За пропастью налѣво, на склонѣ горы, засверкало нѣсколько огоньковъ. Это горный аулъ, еще незаснувшій... Лунный блескъ краснымъ заревомъ легъ на его плоскихъ кровляхъ, обдалъ багровымъ отсвѣтомъ круглую, съуживающуюся кверху башню минарета. Новый поворотъ дороги — и опять передъ нами пустынная мѣстность.

И мы тронулись впередъ... Въ убогихъ ущельяхъ насъ охватывала со всѣхъ сторонъ влажная тьма, теплымъ и нѣсколько душнымъ воздухомъ обдавало на скалистыхъ гребняхъ. Приходилось лѣпиться почти по отвѣснымъ скаламъ, ползти вдоль пропасти, такъ-что кони сплошь насѣдали на лѣвыя ноги, чуть дотрогиваясь до обрывистаго края тропинки правыми.

Словно черныя пятна на сѣрыхъ утесахъ выдѣлялись гроты. Нѣкоторые изъ нихъ искусственные. Одни высѣчены троглодитами въ незапамятную старь, другіе — въ позднѣйшія времена жителями окрестныхъ ауловъ, спасавшимися сюда отъ набѣговъ осетинъ валаджарскихъ. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвѣсныя стѣны, когда временное населеніе ихъ пещеръ раскладывало по ночамъ огни, когда на высотѣ воздушной сверкали эти щели, какъ пламенныя жерла, среди окружающаго мрака и безмолвія, надъ обезлюдѣв-

шими аулами мирныхъ долинъ. А на вершинахъ горъ одни за другими вспыхивали зловѣщіе костры, разнося далеко за десятки верстъ смутный слухъ объ опасностяхъ осетинскаго набѣга.

Всталъ и зашелъ мѣсяцъ. Поблѣднѣли яркія звѣзды. Вершины заалѣли подъ зарею... А мы все еще были на коняхъ.

Все доступное оку сверкало подъ заревыми лучами. На изломахъ утесовъ, въ серебряномъ дождѣ небольшихъ водопадовъ, въ водахъ спокойнаго горнаго озера блистали эти лучи. Огнистая вершина Халта-горы казалась алтаремъ, а вокругъ, какъ цари этого пустыннаго міра, сіяли подъ зарею своими горящими вѣнцами утесы и скалы въ безконечную даль уходившаго нагорья. Огневыми морями раскинулись на немъ ледники. А сѣрые туманы подъ блескомъ весенняго дня еще клубились въ глубокихъ долинахъ. Сквозь ихъ разорванный покровъ кое-гдѣ зеленѣли сады. Въ одномъ мѣстѣ надъ тучей, точно бирюзовая, голубѣла верхушка минарета, словно она плавала въ волнахъ этой медленно зыблющейся мглы.

Прелестно начался этотъ веселый день, привѣтствуя насъ, одинокихъ странниковъ, запахомъ жасминовъ и веселымъ говоромъ въ алмазную пыль дробившихся ручьевъ.

Тутъ-то то мой кунакъ и благопріятель Магома печаловался на растлѣніе современныхъ нравовъ въ Дагестанѣ.

— Все-таки прежде хуже жилось!—рискнулъ замѣтить я.

— Почему хуже?

Магома даже пріостановился.

— Убійствъ было много!

— Можетъ быть, ты и хорошій человѣкъ, да урусъ. У васъ у всѣхъ руки сильныя, да души воробьиныя. Развѣ мужу подобаетъ крови бояться? Развѣ не весело, когда кругомъ звенятъ шашки и порохомъ пахнетъ? Эхъ, было время!.. Для храбрыхъ людей не нужно было и повода, чтобы поработать кинжаломъ. Вотъ тутъ недалеко случай былъ: изъ-за плети триста человѣкъ зарѣзано.

- Это-же какъ?—невольно удивился я.

— А такъ, что прежде люди были, а не бабы. Сосѣдъ у сосѣда плеть взялъ, да забылъ воротить ее. Хозяинъ обругалъ его, онъ схватился за кинжалъ. А въ это время народъ изъ мечети шелъ. Весь аулъ на двѣ партіи раздѣлился. Одни пристали къ хозяину плети, другіе къ его сосѣду, и пошла «веселая игра». Триста мертвыхъ къ вечеру и подобрали... Было время!..

Я невольно пріостановилъ лошадь, чтобы на случай быть подалѣе отъ этого любителя «веселой игры».

Магома былъ человѣкъ совершенно искренній. Старикъ, нѣкогда непримиримый врагъ русскихъ, одинъ изъ самыхъ неукротимыхъ узденей Хаджи Мурата, а теперь старшина своего аула, онъ выросъ при такой обстановкѣ, гдѣ кровь не считалась ни во что, а жизнь человѣческая цѣнилась дешевле цыпленка. Представьте себѣ худое и длинное лицо, съ длиннымъ, клювообразнымъ посомъ. Сѣдыя космы усовъ и бороды совершенно скрываютъ ротъ, изъ-подъ далеко выдавшихся щетинистыхъ бровей неотступно смотрятъ на васъ грозныя очи недавняго мюрида, сотни разъ встрѣчавшія смерть и, навѣрное, неопускавшіяся передъ нею. Лобъ и щеки въ морщинахъ, и каждая врѣзана глубоко, точно остріемъ кинжала. Сухая грудь, сухія, узловатыя руки. На копѣ сидитъ — точно приросъ къ нему. Какъ будто въ противорѣчіе самому себѣ, тотъ же мюридъ Магома, повѣствующій о прелестяхъ «веселой игры» и предпочитающій запахъ пороха и крови благоуханію жасминовъ, — страстный любитель котятъ. Даже смѣшно было видѣть эту сумрачную, грозную фигуру, этого «трагическаго злодѣя», по-дѣтски забавляющагося съ котятами, которыхъ онъ себѣ укладывалъ и за пазуху, и на шею. Того же Магома, несмотря на все его величіе, ничуть не боялась аульная дѣтвора. Все это голое, толстобрюхое, но неизмѣнно выбритое потомство при каждой встрѣчѣ съ Магомою непремѣнно потребуетъ отъ него сказки или лабъ-лабы—мѣстнаго лакомства. И трагическій злодѣй возится съ ними, какъ съ котятами!

Судите послѣ того о человѣкѣ. Тотъ-же Магома, ради моего, напримѣръ, спокойствія, готовъ былъ сложить голову и искренно обидѣлся, когда я ему предложилъ вознагражденіе. А что я ему, спрашивается? Магома отличается мягкосердечіемъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, если по дорогѣ ползетъ какой-нибудь жукъ, трагическій злодѣй непремѣнно объѣдетъ его, чтобы не раздавить подъ копытами лошади. Если гдѣ-нибудь на проулочкѣ аула воетъ паршивая, голодная собаченка, Магома ее подыметъ, принесетъ домой и накормитъ. Тотъ-же трагическій злодѣй Магома славится своею игрою на чунгурѣ (родъ балалайки съ стальными струнами), на которомъ играютъ посредствомъ гибкой корочки черешневаго дерева. Магома сочинялъ сантиментальныя пѣсенки и зачастую плакалъ подъ звуки своей чунгуры. А про того-же сердобольнаго Магому разсказываютъ, напримѣръ, такой случай. Давно какъ-то случилось ему быть на одной сходкѣ внѣ его аула. Нѣсколько человѣкъ позволили себѣ посмѣяться надъ нимъ и, между прочимъ, намекнули на то, что жену его, Айшу-Мамаатъ-Кизы, видѣли какъ-то съ его двоюроднымъ братомъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ историческій рогоносецъ Менелай засталъ прекрасную Елену съ Парисомъ. Магома затаилъ злобу. Онъ на сходкѣ никому не отвѣтилъ ни слова, но, выѣхавъ изъ аула, притаился за первою попавшеюся по дорогѣ скалою. Ждать пришлось ему недолго. Одного за другимъ — онъ убилъ неосторожныхъ шутниковъ, вернувшись домой, зарѣзалъ Айшу и въ ту-же ночь покончилъ съ своимъ легкомысленнымъ кузеномъ. Десять лѣтъ послѣ того онъ скитался по Кайтагу, забирался и въ елисуйское султанство, — скитался больше по обычаю, чѣмъ избѣгая мести родственниковъ своихъ жертвъ. Наконецъ, во время «замиренія» ему удалось покончить съ «канлы» и вернуться домой. Тѣмъ не менѣе, понятно, что жизнь его виситъ на волоскѣ. Старыя обиды не забыты, и хотя Магома прочиталъ убитымъ молитву «фатиха» и уплатилъ ихъ близкимъ деньги, ему все-таки добромъ не кон-

чить! Магома былъ «тоувадакивти», т. е. принялъ присягу не пить опьяняющихъ напитковъ.

Вотъ еще случай для характеристики Магомы—трагическаго злодѣя.

Къ нему, какъ къ аульному старшинѣ, пріѣхалъ «пуберъ» отъ окружнаго начальника для взысканія штрафныхъ денегъ. Собрали па-скоро всѣхъ властей, другого старшину Юсупа, аульнаго «крикуна» (глашатая) Мухаммода. Явился и аульный писарь—тоже горецъ. При этомъ, какъ и слѣдуетъ властямъ, заспорили, откуда начинать, съ южнаго или сѣвернаго конца аула. Старики, Магома и Юсупъ, спорили истово, важно. Со стороны можно было подумать, что дѣло идетъ о судьбахъ цѣлаго населенія, о чьей-нибудь жизни; наконецъ, писарь рѣшилъ перебрать горцевъ, подлежащихъ штрафу, съ середины.

По узенькому переулочку, змѣившемуся вокругъ безпорядочно разбросанныхъ саклей, сборщики поднялись къ небольшой площадкѣ, на которой, у самой мечети съ круглымъ, съуживающимся кверху минаретомъ, стояла жалкая, убогая сакля перваго должника Курбанъ-оглы. Самого его не было. Вышла жена его, голодная, истощенная женщина.

— Съ твоего мужа слѣдуетъ три рубля!

Та только широко раскрыла глаза.

— Спаси васъ Аллахъ!.. Да у моего Курбанъ-оглы и денегъ такихъ никогда не было!.. За что?.. Что онъ сдѣлалъ?

Мотивы своихъ рѣшеній окружные начальники не объявляютъ и оправданій никакихъ не принимаютъ вовсе.

— Женщина, не говори лишняго!..

— Да сжальтесь-же надъ нами бѣдными, посмотрите, какъ мы живемъ!

Жили, дѣйствительно, ужасно.

Сакля вся состояла изъ мазанаго глиной плетневаго короба. Въ одномъ отдѣленіи его стоялъ волъ и корова, въ другомъ жилъ несчастный Курбанъ-оглы. На его женѣ были лохмотья. Голый ребенокъ, какой-то жалкій, напуганный, словно дикій звѣрекъ, выглядывалъ изъ-за дверей и поминутно прятался въ душную тьму своего жилья.

— Что тутъ время терять!—вступился пукеръ.—Гоните корову. Коли черезъ три дня не внесетъ штрафъ, продадимъ въ городѣ!

Несчастная даже не протестовала. Она только опустила руки, какъ-то разомъ поникла и помертвѣла вся, точно все внутри у нея осѣло, упало. Пока голодную коровенку выгоняли изъ хлѣва, слезы медленно струились по этому закостенѣвшему лицу. Только когда корову выгнали, она разомъ рванулась къ ней, схватила ее за шею и точно повисла на ней.

— Убить вы насъ хотите? Что вонъ тѣ малютки ѣсть будутъ, они, вѣдь, только и живутъ молокомъ. Больше у насъ ничего нѣтъ... Маци, Ахмедъ!..

Изъ сакли робко показался мальчуганъ, за нимъ едва переступала на маленькихъ ножонкахъ крошечная дѣвочка.

— У насъ корову отнять хотите...—рыдала мать.—За одно и ихъ схороните, все равно съ голоду умрутъ!

Магома по привычкѣ, совершенно безсознательно, досталъ изъ кармана лабъ-лабы и протянулъ горсть мальчику. А на лицѣ сохранялось все то-же начальственное выраженіе, и сумрачныя очи такъ-же грозно смотрѣли изъ подъ-сѣдыхъ, нависшихъ бровей.

— Вола можно взять!—заикнулся пукеръ.

— Волъ не ся. Волъ братнинъ!—замѣтилъ аульный крикунъ.

— Не хорошо!..—вдругъ вырвалось у Магомада.

Всѣ въ изумленіи оглянулись на него.

— Не хорошо!.. Въ самомъ дѣлѣ умрутъ... Ишь какіе маленькіе!

И жилистая рука легла на голову крохотной дѣвочки. Та даже присѣла отъ этой ласки.

— Намъ разсуждать нельзя,—объяснилъ пукеръ,—мы посланы... велѣно...

— Что такое говорите вы тамъ!—разгорячился Магома.—Кто васъ послалъ? Грабить хотите вы, что-ли? У бѣдныхъ дѣтей кормилицу отнимаете. Что они виноваты!

въ томъ, что отецъ ихъ Юсупу дерзость сказалъ? Виновата она, что-ли?

И Магомадъ подхватилъ дѣвочку, поднесъ ее къ самому носу ни въ чемъ неповинпаго и до сихъ поръ молчавшаго аульнаго крикуна — парня необычайно глупаго вида. Букашка въ сильныхъ рукахъ Магомы расбричалась.

— Что-же, ты за нее заплатишь, что-ли?—насмѣшливо спросилъ нукеръ.

— И заплачу. Гони корову назадъ!

— Плати, если богатъ!

Но роли благодѣтельнаго Провидѣнія Магомадъ не могъ выдержать до конца. Точно желая ослабить впечатлѣніе, онъ разорался на бѣдную женщину. Та, впрочемъ, обрадовалась и стала передъ нимъ, опустя голову, но уже съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Чего ты тутъ!—кричалъ Магомадъ.—Что ты за хозяйка... Дѣти голыя... Не бьетъ тебя мужъ, вѣрно!... Ишь ты, тоже плакать умѣетъ.. Приведи дѣтей вечеромъ—платье имъ дамъ да хлѣба велю своей Заза отсыпать вамъ!

И онъ опять заоралъ и затопалъ ногами.

Оказалось, что трагическій злодѣй является постояннo плательщикомъ за свой обѣдпѣвшій аулъ. Всѣ ему должны. Недостача хлѣба, другая какая необходимость—сейчасъ къ Магомѣ, и онъ, сохраняя то-же суровое выраженіе лица, поможетъ въ дѣйствительной нуждѣ. Да не такъ поможетъ, какъ помогаетъ, напримѣръ, нашъ деревенскій міроѣдъ, заставляя должника работать на себя, идти къ себѣ въ кабалу. Нѣтъ, Магомадъ именно давалъ такъ, чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Вотъ вамъ и трагическій злодѣй Магомадъ-оглы!

II.

Кай-булагская щель.—Фея духана.—Баба-яга—костяная нога.

Горный пейзажъ какъ-то разомъ померкъ. Стало все сумрачно, даже, пожалуй, грозно.

Представьте себѣ гору, которая треснула пополамъ. Щель, со стороны незамѣтная, блеститъ, какъ остріе ножа, когда тропинка поворачиваетъ прямо къ ней. Это даже не корридоръ, а просто трещина.

— Неужели дорога туда идетъ?

— Кай-булагская щель называется. Сказываютъ, давно тому назадъ, когда еще по всему Дагестану и уруса не бывало, когда «наши» жили, какъ горные орлы, на всей своей волѣ, одинъ богатырь проѣзжалъ здѣсь. Десять дней и десять ночей на конѣ оставался, усталъ страшно, а тутъ вдругъ крутая гора передъ нимъ. Ему-то ничего, коня ему жаль стало. Выпулъ онъ шашку и рубнулъ; съ тѣхъ поръ и явилась щель эта. Теперь такихъ богатырей нѣтъ!

По мѣрѣ приближенія къ трещинѣ, слышался грохотъ воды, точно сворачивавшей съ мѣста громадныя скалы.

— Что тамъ, потокъ?

— Хорошо, что дождя нѣтъ, а то не проѣхать-бы!

— Почему?

— А по всей щели, точно облако, вспѣненная вода бѣжитъ. Впизъ съ откосовъ ручьи стекаютъ, ну и вздуется, шалитъ. Разъ тутъ цѣлый джамаатъ нашъ сбросило, ни одинъ живъ не вышелъ. На серединѣ горы дождь ихъ захватилъ, ну, до выхода они и не успѣли добраться. Тѣла ужасно избило водой о скалы. Трудно узнать ихъ было. Сюда вотъ, въ эту долину, снесло. Съ тѣхъ поръ такъ и называемъ мы ее «мертвой».

Прямо у входа въ щель былъ духанъ. Плоская кровля его далеко выдавалась впередъ, образуя открытую галлерею. По столбикамъ, поддерживавшимъ выступъ крыши, ползли вверхъ виноградныя лозы, переплетаясь въ тысячи причудливыхъ арабесокъ. Сквозь эту зеленую сѣть ничего не было видно, за то когда, сойдя съ лошадей, мы вошли туда, какимъ чуднымъ уголкомъ показался намъ этотъ жалкій дагестанскій кабакъ! Сквозь виноградныя сѣти солнце играло на стѣпахъ дома изумруднымъ блескомъ. На полу, вездѣ, куда ни уходилъ взглядъ, колыхались и

вздрагивали тѣни отъ этой поэтической арабески. Солнечные блики ложились и на наши лица, и на темный коверъ, и на длинныя цилиндрическія подушки. Даже на бурдюкахъ играло оно зеленоватымъ блескомъ. Не хотѣлось сдвинуться съ мѣста,—такъ хорошо и пріятно казалось здѣсь. Тѣмъ болѣе, что вокругъ духана ложилась сумрачная окрестность безплодныхъ горъ и каменныхъ скалъ.

— Чей это духанъ? Должно быть, какой-нибудь армянинъ выселился сюда изъ Темиръ-Ханъ-Шуры или Кизляра?

— Еврей держитъ... Горскій еврей... Бенiогу называется...

Я сейчасъ-же вспомнилъ цѣлый рядъ интересныхъ этнографическихъ данныхъ, приведенныхъ тифлисскимъ ученымъ Іудою-Черныхъ объ этой оригинальной отрасли семитскаго племени, заброшенной на Кавказъ еще во время перваго существованія храма іерусалимскаго. Полагаютъ, что это — потомки евреевъ, выселенныхъ сюда Салманасаромъ. Названный мною путешественникъ находилъ между ними имена, употреблявшіяся Израилемъ еще во время странствованія въ аравійской пустынѣ, при судіяхъ и царяхъ, и несуществующія уже у другихъ евреевъ. Таковы, напримѣръ, мужскія: Мамра, Гамліилъ, Аминодавъ, Нахшонъ, Эльдотъ и женскія: Авигаилъ, Тунамитъ, Ісмина, Іоэлъ, Авишагъ и т. д. Вообще, только въ послѣднее время кавказскіе изслѣдователи пришли къ убѣжденію, что главный хребетъ, Карталинія и Кахетія нѣкогда, еще ранѣе Салманасара, были обитаемы какимъ-то семитскимъ племенемъ, не оставившемъ по себѣ никакихъ памятниковъ. Въ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ до сихъ поръ хранятся слѣды этихъ аборигеновъ. Слѣдуя свидѣтельству Пфафа, по коренному осетинскому праву братъ еще недавно былъ обязанъ жениться на вдовѣ умершаго брата; кромѣ законной жены, достаточные осетины держали наложницъ, дѣти отъ которыхъ назывались «кавдасардами», отъ того, что они рождались въ яслях—

вся это учрежденія чисто-семитскія. Наружность, жесты, говоръ осетинъ напоминаютъ евреевъ, обряды погребенія и жертвоприношеній во многомъ сходились съ древне-еврейскими. У коренныхъ осетинъ, по тому-же указанію г. Пфафа, сынъ, какъ и у семитовъ, остается всю жизнь при отцѣ и безпрекословно подчиняется какъ ему, такъ и всѣмъ старшимъ въ родѣ. У осетинъ встрѣчаются еврейскія имена мѣстностей. Что семиты были аборигенами Кавказа и поселились здѣсь ранѣе XV вѣка до Р. Х., доказывается тѣмъ, что племена горцевъ, смѣшавшіяся съ ними и усвоившія себѣ ихъ обычаи, вовсе не знаютъ закона Моисеева. Противъ теоріи заселенія древняго Кавказа евреями приводятъ обыкновенно неимѣніе въ существующихъ нынѣ языкахъ мѣстныхъ племенъ еврейскихъ словъ. Но кому неизвѣстно, что семиты, поселяясь въ данной странѣ, тотчасъ-же почти утрачиваютъ свой народный языкъ, почему и «лингвистика къ этнографіи семитовъ трудно приложима». Вѣдь, по изслѣдованію тогоже Іуды-Чернаго, оказывается, что позднѣйшіе, переселившіеся уже при Салманасарѣ сюда евреи утратили совершенно свой отечественный языкъ. Еще во времена пребыванія св. Нины въ городѣ Урбнисѣ, въ Карталиніи, она бесѣдовала съ мѣстными евреями на ихъ древнемъ языкѣ. Точно такъ-же она говорила и съ мцхетскими семитами. Но во время персидскаго владычества въ Закавказьѣ здѣшніе евреи усвоили себѣ древне-персидскій говоръ, называемый ими фарситскимъ и татскимъ. Въ смѣшанномъ жаргонѣ горскихъ евреевъ такъ мало древнихъ отечественныхъ словъ, что, напримѣръ, въ отрывкѣ, приводимомъ Іудою-Чернымъ, на шестнадцать строкъ ихъ оказывается только два. Евреи, несмотря на послѣдующее мусульманское владычество на Кавказѣ, остались и до сихъ поръ вѣрны древне-персидскому языку, хотя во всемъ остальномъ, разумѣется, кромѣ религіи, они совершенно отатарились. Даже самое имя хозяина духана, куда мы пристали, — Беніогу, дышало чѣмъ-то патріархальнымъ, семито-арабскимъ, и вовсе не напоминало нынѣшнихъ

Ицекъ и Срулей, такъ-же, какъ кавказскіе горные евреи вовсе не напоминаютъ своихъ цивилизованныхъ собратій въ Европѣ, являясь племенемъ въ высшей степени привлекательнымъ...

Мы привольно расположились на тахтѣ. Магомадъ безъ церемоніи собралъ нѣсколько ковровъ, уложилъ ихъ одинъ на другой и пригласилъ меня улечься поудобнѣе. Самъ онъ отправился поить лошадей. Солнце сквозь виноградныя сѣти свѣтило такъ ярко, откуда-то напоспло такой нѣжный ароматъ незнакомыхъ мнѣ цвѣтовъ, у самаго уха такъ задорно и громко щебетали птицы, что я было сталъ забывать и оригинальное племя, среди котораго находился, и историческія изысканія архиваріусовъ науки. Благодатный весенній сонъ на воздухѣ уже смыкалъ вѣки, здоровое спокойствіе, полное лѣни и нѣги, охватывало меня всего, какъ вдругъ я приподнялся отъ восторга и изумленія.

Изъ дверей сакли вышла дѣвушка, которую, право, можно было принять за фею. Будь здѣсь Гейне, попадись ему на глаза это очаровательное видѣніе—мы имѣли-бы прелестную горную легенду. Мнѣ самому стало совѣстно, что я разинулъ ротъ передъ красивой дикаркой. Представьте узкій овалъ лица, тонкаго и изящнаго. Крупные черные глаза миндалинами смотрятъ на васъ какъ-то робко и покорно. Это взглядъ восточной женщины. Черныя брови словно чуть-чуть наведены кисточкой — такъ правиленъ ихъ изгибъ; изящный носикъ съ тонкими розовыми ноздрями, слегка раздувающимися даже и отъ обыкновеннаго дыханія, и маленькій ротъ; нѣсколько припухшія ярко-алыя губки, верхняя чуть-чуть вздернута, не безобразно, а ровно на столько, чтобы показать мелкій жемчугъ зубовъ. А волосы хоть и скрывалъ уродливый шолковый мѣшокъ позади, но пряди ихъ выбивались надъ небольшимъ лбомъ и назойливыми, мелкими локонами обрамливали тонкія розовыя, сквозившія уши. Распустите по матовой, страстной смуглинѣ этого лица капли двѣ-три крови, настолько, чтобы слегка окрасить лишь щеки,

проведите по готовому очерку его также едва замѣтныя голубыя линіи жилокъ—и вы поймете, какъ пораженъ я былъ въ первую минуту. Желтая шелковая рубаха съ широкими руками, перехваченная въ поясѣ, позволяла разсмотрѣть покатыя плечи и талію стрекозы, разомъ почти переходившую въ широкія, роскошныя линіи сильно развитыхъ бедръ. Узенькая красивая кисть руки была такъ идеально хороша, что становилось поневолѣ досадно на голубыя бородавки выцвѣтшей персидской бирюзы, въ видѣ перстней сидѣвшія на длиноватыхъ пальцахъ еврейки...

Она заговорила что-то гортаннымъ, пріятнымъ голосомъ. Я, разумѣется, покачалъ головою. Насмѣшливая улыбка на одно мгновеніе скользнула по ея лицу и пропала... И снова робко и покорно смотрятъ эти выразительные глаза.

Увы! Встрѣченная нами фея кай-булагскаго ущелья была первой и послѣдней красавицей среди еврейскаго населенія Дагестана. Можетъ быть, другія мнѣ не попадались, но, по долгу добросовѣстнаго туриста, я долженъ повѣдать, что всѣ остальныя дамы воинствующаго Израиля были очень непривлекательны. Между ними, сверхъ того, попадаются настоящія татуированныя дикарки. И безъ того грубыя лица еще разрисованы разными фигурами, линіями, кругами, трехугольниками. Всего отвратительнѣе, когда эти знаки наведены ярко-красною краской. Точно кровью расписаны. Мнѣ пришлось даже встрѣтить старуху, не отказавшую себѣ въ удовольствіи провести по лицу нѣсколько черныхъ черточекъ, придававшихъ ей, по ея разумѣнію, особенное благородство и изящество. Щеголихи съ крашеными бровями и волосами очень не рѣдки. Въ послѣднее время, по персидскому обычаю, мѣстныя дамы въ нѣкоторыхъ аулахъ наводятъ багровые колера на старательно отрощенные ногти. Точно концы пальцевъ въ крови вымочены. Всѣ эти легкомысленныя Евы въ будни одѣты очень скверно; не говоря о бѣдныхъ, и богатыя щеголяютъ лохмотьями... Сверхъ

того, опѣ весьма грязны. Англичанинъ, измѣрявшій степень цивилизаціи количествомъ потребляемаго данною страною мыла, пришелъ бы въ ужасъ отъ горскихъ евреевъ.

— Махласъ, Махласъ!—послышалось извнутри сакли.

Красавица опять заговорила что-то на своемъ гортанномъ языкѣ, обращаясь къ дверямъ, и прошла мимо меня, потупивъ глаза. Потомъ оказалось, что Махласъ было ея имя. Выкрикивала его очень безобразная старушонка съ слезившимися глазами, вся сморщенная, точно всю ее выжимали и свертывали, какъ свертываютъ и выжимаютъ только что вымытое бѣлье. Старуха что-то очень долго говорила мнѣ на томъ же непонятномъ языкѣ, я сочувственно кивалъ ей головою, ничего не понимая. Потому, что она взмахивала рукою на дворъ и произносила имя Бсніогу, я догадался, что хозяина дома нѣтъ... Наконецъ, выкрикиванія старухи мнѣ надоѣли, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ словомъ она подходила все ближе и ближе, обдавая меня обильнымъ запахомъ чесноку. Надо было положить предѣлъ ея краснорѣчію, и я вдругъ съ апломбомъ разразился столь же продолжительною рѣчью на русскомъ языкѣ. Вѣжливость за вѣжливость. Старуха столь же внимательно выслушала меня до конца и не менѣе сочувственно покачивала головою.

— Шашлыкъ?.. Гохъ шашлыкъ?—задалъ я ей вопросъ въ заключеніе моей рѣчи.

Она быстро забормотала что-то и опять стала выкрикивать «Махласъ, Махласъ!»

Фея показалась, но съ выраженіемъ большого неудовольствія. Я все-таки понялъ, что дѣло идетъ о заказанномъ мною шашлыкѣ, и было успокоился, какъ вдругъ старуха налетѣла на дѣвушку и давай орать ей прямо въ лицо. Та тоже не осталась въ долгу. Брань посыпалась обоюдная. И та, и другая отчаянно размахивали руками, то налетая, то расходясь. Замѣчательно, что, бранясь, опѣ почему-то выгибались тѣломъ во всѣ стороны. Гвалтъ былъ страшный. Наконецъ, старуха схватилась за

мѣшокъ, въ который была упрятана коса красавицы, и, вопя, какъ зарѣзанная, кинулась изъ сакли, увлекая за собой не менѣе крикливую фею. Черезъ минуту дѣвушка вошла вся разгорѣвшаяся, мечя молніи точно округлившимися глазами и не умолкая ни на одну минуту.

Я рѣшился не обращать вниманія на ея крики и вынулъ записную книжку, чтобы внести туда нѣсколько замѣтокъ.

Только-что я взялъ карандашъ въ руки, дѣвушка разомъ смолкла и съ выраженіемъ крайняго любопытства уставилась на меня. Я сталъ писать—подошла, наклонилась. Вѣрно, и этого ей мало показалось—просунула голову между моей головой и книжкой. Положеніе было не изъ завидныхъ. Газовое сквозное ухо дразнило меня, а тутъ еще отъ головы пахнетъ какими-то цвѣтами, раздражающе пахнетъ. Сталъ я ей показывать рисунки—усѣлась рядомъ, глаза такъ и разгораются. Бинокль увидѣла—показываетъ на него; далъ я ей—возилась, возилась, чуть не заплакала, добиваясь, къ чему онъ служитъ. Я ей показалъ — захлопала въ ладоши и захохотала. Потомъ пенсне съ носу стащила, себѣ надѣла, да видно глаза заболѣли, какъ-то особенно уморительно заморгала и кинула прочь...

— Урусъ якши!..—повторяла она, безцеремонно роясь въ моей дорожной сумкѣ. Добралась до какой-то фотографической карточки... вдругъ отбросила ее прочь, точно та обожгла ей пальцы. На лицѣ страхъ, и такой искренній, что я засмѣялся опять.

Обиженно заболтала что-то по-своему, но рыться все-таки не оставила.

Будь это въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ, я, право бы, заподозрилъ ее въ желаніи сыграть со мною сценку изъ старой библейской комедіи жены Пентефрія и Іосифа-цѣломудреннаго. Щека ея такъ соблазнительно приблизилась къ моимъ губамъ, глаза такъ задорно за-

глядывали въ мои! Мнѣ нужно было все самообладаніе, чтобы остаться спокойнымъ и равнодушнымъ. А тутъ еще чуть не на колѣни сѣла ко мнѣ и красивая нога изъ-подъ шальваръ видна.

Что это, наивность или «цивилизація»

Скорѣй первое, потому ужъ очень оно непринужденно и безыскусственно дѣлалось. Ребенокъ сказывался въ этомъ.

Потомъ, дѣйствительно, оказалось, что Махласъ было только двѣнадцать лѣтъ. Какъ тутъ не стать втупикъ, глядя на вполнѣ развившійся станъ и задорныя алыя губы! Двѣнадцать лѣтъ! Но у нея былъ уже свой женихъ, и со дня на день ожидалась свадьба. Помолвлена она двухъ лѣтъ отъ рожденія и съ тѣхъ поръ, по мѣстному еврейскому обычаю, каждую субботу посылала своему жениху фрукты или лакомство. Женихъ ея отдаривалъ тѣмъ же. Нѣсколько разъ въ годъ Махласъ дарила ему арагчинь — изящно расшитыя золотомъ и блестками ермолки, за что тотъ посылалъ ей серебряныя серьги или такія же пуговицы къ бешмету, капаусу на платье и т. д. Всѣ отношенія ихъ между собою только этимъ и ограничивались.

Аруса (невѣста), встрѣтивъ жениха или его родныхъ, должна сейчасъ же присѣсть на корточки и закрыть лицо платкомъ, а за неимѣніемъ его—широкимъ рукавомъ рубахи. Арасъ (женихъ) долженъ разыграть ту же комедію и, увидя невѣсту, «застыдиться».

— Знаешь ли ты своего жениха?—спрашивалъ я потомъ Махласъ черезъ Магомадъ-оглы.

— А зачѣмъ мнѣ его знать? Я не хочу «быть масломъ въ водѣ». Зачѣмъ знать своего араса, когда другія невѣсты тоже не знаютъ своихъ. У насъ обычай такой!

— Да какъ же вы жить-то будете?

— У него триста барановъ есть! Каждый день—пловъ ѣстъ, супъ съ курдючьимъ саломъ. Жирный такой супъ. Каждый праздникъ зурначи (музыканты на дудкѣ) будетъ,

дамрука (барабанщика) позоветъ... Танцуй хоть всю ночь... Хинкалъ у него и въ будни бываетъ!

— Что это за хинкалъ?

— Ва... Вкуспая вещь! Лучше сахару! Вай-вай, неужели ты не знаешь хинкалъ? У васъ развѣ не умѣютъ дѣлать его? Да, впрочемъ, что же вы, русскіе, понимаете, если хинкалу не ѣдите... Вай-вай, какіе вы бѣдные... Куда-же вамъ, впрочемъ, и кушать такія вещи!..

И она съ искреннимъ сожалѣніемъ качала головою, гладя меня по лицу, точно утѣшая въ великомъ несчастіи незнакомства съ хинкаломъ.

Въ тотъ же день я узналъ, что хинкалъ для смертельно голоднаго человѣка дѣйствительно недурное блюдо. Это родъ похлебки. Въ мясномъ бульонѣ варятъ четырехугольныя клецки вмѣстѣ съ уксусомъ и чеснокомъ. Истинные гастропомы прибавляютъ курдючье сало, но это ужъ роскошь. Другіе довольствуются взваромъ изъ чесноку и мяса.

— А ты кутумъ любишь? — такъ же наивно обратилась она ко мнѣ.

Кутумъ—копченая, густо просоленная рыба.

— А что?

— Вай-вай, вкуспая вещь. Что лучше кутума! — И она задумалась.— Нѣтъ, шелковый бешметъ съ серебряными пуговками лучше! —совершенно неожиданно заключилъ свои признанія этотъ двѣнадцати-лѣтній ребенокъ— невѣста.

Какъ я досадовалъ на свое неумѣнье рисовать! Дѣвочка сама просилась въ картину. Каждое движеніе такъ граціозно и изящно, — тѣмъ болѣе граціозно, что объ этомъ не старались. Лѣнивыя, чисто-кошачьи потягиванія, пріемы, если можно такъ выразиться, округленные, и вдругъ — цѣлымъ каскадомъ сыплется дѣтскій хохотъ, и изъ недавней полной лѣни женщины разомъ дѣлается попрыгунья-стрекоза, не знающая удержу своимъ шалостямъ.

III.

Еврей-охотникъ, еврей-абрекъ. — Битва съ леопардомъ.

— Беніогу!.. — И Магомадъ привѣтливо поднялся на встрѣчу пришедшему.

Махласъ точно чѣмъ-то смело. За секунду была здѣсь, и вдругъ ея не стало. Будто провалилась, только въ воздухѣ еще пахло цвѣтами, украшавшими ея голову, и послѣднія отзвучія серебристаго смѣха полуребенка-полуженщины дрожали въ ушахъ.

Я поднялся въ свою очередь и, признаюсь, былъ удивленъ типомъ вошедшаго хозяина духана.

Несомнѣнно—еврей, но какія благородныя черты, какое выраженіе силы и мужества въ лицѣ, какія спокойныя, полныя сознанія собственнаго достоинства движенія! Если хотите, онъ даже былъ красивъ, несмотря на крупныя черты и сѣдые волосы,—красивъ именно юношеской красотой. Ни одной морщины на лицѣ, ни малѣйшей слабости во всемъ. Держится прямо, глаза сверкаютъ весело, задорно...

Разумѣется, особенному впечатлѣнію содѣйствовалъ и костюмъ Беніогу.

Ловко сшитая черкеска изъ верблюжьяго сукна плотно охватывала его стройную фигуру. Большой кинжалъ въ сафьяновыхъ ножнахъ у пояса, безъ малѣйшихъ серебряныхъ бляхъ и украшеній. За спиной — винтовка. На головѣ — папаха. Длинный шелкъ козлиной шерсти отъ нея двумя прядями обрамлялъ лицо.

Онъ съ достоинствомъ поклонился мнѣ и, проговоривъ что-то, подалъ руку.

— Благословляетъ твой приходъ въ сіе домъ, — пояснилъ Магомадъ-оглы. — Призываетъ милость Аллаха на твою голову!.. Будь здѣсь хозяиномъ... Шаломъ-алейхемъ (будь здоровъ)! Да исполнятся желанія твоей души!

Это въ духанѣ-то! Представляю себѣ, какъ бы отдалъ

все въ мое распоряженіе хозяинъ еврейской корчмы гдѣ нибудь на проселкахъ Могилевской губерніи..

— Тебя безъ меня принять не умѣли, — продолжалъ Беніогу.—Старуха моя изъ ума выжила, а Махласъ молода еще. Прости ихъ за невѣжество!.. Барухъ-габо!

И Беніогу, несмотря на усталость, взялъ самъ всѣ мои вещи и отнесъ ихъ въ саклю. Оттуда же онъ вытащилъ нѣсколько еще болѣе мягкихъ подушекъ и пушистый кубанскій коверъ.

— Такъ тебѣ лучше отдыхать будетъ. Не нужно ли обмыть ноги?

Я было не понялъ, въ чемъ дѣло.

Оказалось, очень просто. По словамъ Магомада-оглы, Беніогу принялъ меня за учепаго—хахама, которые пользуются здѣсь громаднымъ уваженіемъ, доводящимъ до изумленія, тѣмъ болѣе, что масса горскихъ евреевъ совершенно безграмотна. Потомъ уже изъ указаній Іуды Чернаго я узналъ, что церемоніалъ пріема хахама на Кавказѣ, въ еврейскихъ аулахъ, очень сложенъ. Израиль воинствующій чрезвычайно гостепріименъ, и гостепріименъ безъ корыстнаго разсчета. Впослѣдствіи случилось, что хозяева искренно обижались, когда я самъ предлагалъ въ пешкешъ деньги за ночлегъ въ ихъ саклѣ. Но когда случайно заберется сюда хахамъ, то самые богатые хозяева аула и равинъ спорятъ о чести принять его у себя. Хахама вводятъ въ саклю подъ руки, и пока для его отдыха приготовляютъ лучшій и удобнѣйшій уголъ, хозяинъ, а въ другихъ мѣстахъ и хозяйка, обмываютъ ему ноги. Вслѣдъ затѣмъ въ саклю собираются старшіе и почетнѣйшіе люди аула. Каждый подаетъ гостю руки, привѣтствуя его по-библейски:

— Шаломъ-алейхемъ, или барухъ-габо.

Гость такъ же церемонно отвѣчаетъ:

— Алейхемъ-шаломъ.

Бесѣда идетъ очень живо. Заставить гостя молчать—верхъ неприличія. Посѣтители смѣняются поминутно, и пока хозяинъ подаетъ угощеніе, остальные болтаютъ,

какъ сороки, выспрашивая у пріѣзжаго новости и, въ свою очередь, разсказывая ему всю подпоготную ауль-ныхъ дѣлъ. По свидѣтельству Іуды Черпаго, этимъ не ограничивается привѣтливость хозяевъ и аула. Если гость бѣденъ и нуждается въ помощи, общество помогаетъ ему денежнымъ пособіемъ, надѣляетъ его съѣстными припа-сами, и нѣсколько человѣкъ непремѣнно провожаютъ его до слѣдующей деревни.

Не успѣли мы устроиться поудобнѣе, какъ въ дверяхъ показались двое юношей, поразительно похожихъ на Мах-ласъ. Только лица серьезнѣе, сдержаннѣе пріемы и въ глазахъ какое-то печальное выраженіе, повсемѣстно свой-ственное семитамъ. Это скорѣе, впрочемъ, сосредоточен-ность, чѣмъ печаль. Юноши болѣе похожи на арабовъ, чѣмъ на пашихъ выродившихся евреевъ.

Они остались у порога, пока ихъ не позвали.

Беніогу былъ на охотѣ съ дѣтьми. Въ одномъ изъ самыхъ сырыхъ логовъ кай-булагской щели они застрѣ-лили джайрана и выслѣдили леопарда. Хищникъ, рѣдкій здѣсь, только ушелъ отъ нихъ въ трущобы окрестнаго чернолѣсья, гдѣ за чащей преслѣдованіе его становилось невозможнымъ. Джайрана охотники привезли съ собою, и я долго любовался на красивыя формы изящнаго живот-наго, безъ дыханія лежавшаго на плотно убитой землѣ веранды.

— Трудно встрѣтить джайрана внизу, еще труднѣе убить его!—замѣтилъ Магомадъ.

— Это ужъ четвертый въ эту весну!

И Беніогу толкнулъ ногою джайрана.

— Опять показались, значитъ?

— Да. Изъ Аваріи ихъ совсѣмъ выгнали!

— Кабановъ не встрѣчали?

— Много тутъ, въ сырыхъ мѣстахъ. Да намъ не съ руки бить ихъ!

— Русскіе дорого платятъ...

Беніогу слегка поморщился, но, взглянувъ на меня, сдержался, и лицо разомъ стало безстрастнымъ.

Изъ гостепріимства горскій еврей вынесъ все. Между русскими «ташкентцами»-чиновниками случались и такіе, что возили съ собою ветчину и колбасы, ѣли ихъ на посудѣ хозяевъ и жарили въ ихъ печкахъ. Евреи терпѣли и ни словомъ не протестовали противъ этого посягательства на ихъ религіозную совѣсть. Молчаніе ихъ вызывалось не раболѣпствомъ. Городской еврей, разумѣется, будетъ принижаться, но еврей горскій съумѣлъ бы отстоять свое достоинство. Горскій еврей молчалъ, чтобы «не оскорбить гостя», и рѣшался терпѣть изъ-за этого попошеніе. Восхвалявшіе наше русское гостепріимство допустятъ ли возможность такого же отношенія, напримѣръ, нашего старообрядца къ гостю, который наполнитъ «мерзостнымъ» курсевомъ всю горницу? Едва ли!..

— Откуда леопардъ забрался сюда?

— Изъ Кабарды, вѣрно!

— А развѣ тамъ ихъ много?

— Немного, но встрѣчаются!

Леопарды водятся по сѣверному и южному склону Кавказскихъ горъ; они наносятъ большой вредъ мѣстнымъ хозяевамъ, забираясь въ ихъ конюшни и хлѣва, похищая овецъ и козъ. Они до того обыкновенны здѣсь, что въ мѣстечкѣ Чалмасъ, верстахъ въ четырехъ отъ р. Улу-Кама, въ Карачаѣ, убили разъ леопарда просто палкой. Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ мѣстный урожепецъ.

«У входа въ глубокое и узкое ущелье жилъ карачаевецъ Исманлъ-Бегеюлъ-Улу. Сакля его, по здѣшнему обычаю, построена была изъ цѣльныхъ брусьевъ, составляющихъ срубъ, выведенный подъ земляную крышу. Карачаевцы — скотоводы, поэтому конюшни ихъ, находясь подъ одной кровлей съ саклей, отдѣлены отъ жилой горницы только стѣной, въ которой прорублена дверь. Въ конюшнѣ у Исманла-Бегеюлъ-Улу, сверхъ того, было двое воротъ, одни выходили на р. Улу-Камъ, другіе находились въ заднемъ концѣ. Вокругъ шла каменная стѣна, образовывавшая дворикъ, съ воротами также. Въ саклѣхъ двери запираются деревяннымъ клиномъ, вставляемымъ

извнутри въ дверной порогъ, для воротъ же употребляется не клинъ, а деревянный засовъ, для котораго по обѣимъ сторонамъ двери стоятъ столбы. Между столбами и стѣною и ходитъ засовъ, дѣлаемый изъ крѣпкаго и гибкаго дерева. Какъ-то почью, когда въ саклѣ уже спали, женѣ Исмаила послышался крикъ козленка. Она встревожилась и разбудила мужа.

— Вставай скорѣе! Въ конюшнѣ звѣрь ходитъ!

— Спи! Шайтанъ тебя задави! Какой еще звѣрь пройдетъ сюда!..

Крикъ повторился, и Исмаилъ поневолѣ всталъ. Но опять все смолкло. Хозяинъ, обругавшись, улегся.

— Конюшня точно крѣпость, а ты тревожишься по-пустому!

Жена его, тѣмъ не менѣе, вышла. Болѣе ста штукъ козъ лежало подлѣ заднихъ воротъ конюшни. Засовъ же оказался задвинутымъ не вполнѣ, а только на половину. Ворота показались ей подавшимися внутрь.

Луна свѣтила ярко. Серебряный блескъ ея сквозь окно точно курился надъ массою стада и бѣлыми стѣнами сакли.

Женщина подошла ближе къ воротамъ и только тогда увидѣла пеструю лапу, которая, высунувшись изъ-подъ порога, держала козленка. Толкнувъ ворота съ наружи, хозяйка прижала лапу, но она тотчасъ-же съ силою была выдернута вонъ. Отворивъ ворота, жена Исмаила увидѣла, что какой-то пестрый звѣрь идетъ прочь.

Воротясь обратно, она почти не задвинула засова.

— Тебѣ, должно, быть, привидѣлось!—заключилъ Исмаилъ, когда она разсказала ему обо всемъ. — Леопарды сюда еще не заходили!

Черезъ два часа въ конюшнѣ опять раздался крикъ. На этотъ разъ встревожился и Исмаилъ. Взявъ винтовку, онъ вошелъ въ конюшню, сопровождаемый женою, у которой въ рукахъ былъ пучекъ горящихъ лучинъ.

На этотъ разъ всѣ козы сбились въ кучу къ переднимъ воротамъ и, дрожа, посматривали на задній конецъ конюшни. Исмаилъ замѣтилъ тамъ пестрое тѣло звѣря,

лежавшаго надъ полузадавленнымъ козленкомъ. Свѣтъ отъ лучины, блеснувъ въ глаза леопарду, заставилъ его бросить добычу и отойти къ стѣнѣ. По ней онъ сталъ цѣпляться, ища выхода. Только что Исмаилъ приложился, чтобы выстрѣлить, леопардъ бросился ему прямо на грудь. Завязалась безмолвная борьба; ни человѣкъ, ни звѣрь не уступали. Винтовка печально выстрѣлила на воздухъ. У горца другого оружія не оставалось. Ему, наконецъ, съ большими усиліями удалось сбросить съ себѣ звѣря, готоваго опять на него кинуться. Не зная, что дѣлать, Исмаилъ направилъ дуло на хищника, который захватилъ его въ ротъ. Горецъ нѣсколько разъ ткнулъ изо всей силы въ горло, и звѣрь сталъ замѣтно смирнѣе, выпустивъ совершенно винтовку. Маневръ этотъ повторялся еще. Исмаилъ поднесетъ винтовку къ леопарду, тотъ схватитъ дуло въ ротъ, горецъ и давай заталкивать его въ горло. Наконецъ, леопардъ сталъ ловить зубами не конецъ ружья, а старался поймать его сбоку.

— Жаль ружья, совсѣмъ испортишь!—сообразилъ Исмаилъ и, бросивъ его, отыскалъ въ углу сакли деревянныя вилы, которыя отъ первыхъ двухъ-трехъ ударовъ разлетѣлись въ куски.

— Принеси дубину скорѣй!—крикнулъ онъ женѣ, безмолвно смотрѣвшей на эту сцену.

Та притащила первую попавшуюся палку, и она сломалась такъ же. Наконецъ, Исмаилъ увидѣлъ положенный поперекъ конюшни дрюкъ, которымъ и началъ кротить леопарда. Скоро звѣрь былъ убитъ, а на утро сняли съ него шкуру, которую потомъ показывали по всему Карачаю. Какъ оказалось, леопардъ, вторично подойдя къ воротамъ и стараясь вытащить изъ-подъ нихъ козленка, все сильнѣе нажималъ ихъ, вслѣдствіе чего засовъ выгибался, а между двумя половинами воротъ образовалось пространство, въ которое леопарду удалось понемногу протиснуться въ конюшню. Тотчасъ послѣ этого засовъ своею упругостью заставилъ ворота захлопнуться, такъ что звѣрь очутился въ западнѣ.

«Шкура этого леопарда,—говоритъ г. Петрусевичъ,—прекраснаго, свѣтло-желтаго цвѣта съ черными кольцеобразными пятнами. Отъ головы до конца хвоста онъ длиной въ три аршина съ четвертью; на кончикѣ же хвоста роговой наростъ, отличающій леопарда отъ другихъ особей изъ рода кошекъ».

— Всегда ли такъ безопасна встрѣча съ леопардомъ?—спрашивалъ я у Беніогу.

Тотъ только покачалъ головою:

— Леопардъ—страшный звѣрь,—пояснилъ Магомадъ.—Рѣдко удастся выйти цѣлымъ, если встрѣтишься съ нимъ. Это самый сильный изъ всѣхъ горныхъ шайтановъ!

— Охотятся здѣсь за нимъ?

— Беніогу охотился, а другіе нѣтъ. Опасно. Случится, что и выстрѣлить можно, а все-таки обойдешь его мимо. Не вяжись съ шайтаномъ — голова на плечахъ цѣлѣй будетъ...

— А Беніогу случалось уложить хоть одного?

— Бывалое дѣло. Разъ ему только звѣрь руку помялъ да плечо исцарапалъ. Онъ у насъ великій охотникъ, безстрашный человѣкъ!

Если это и исключеніе, то все-таки замѣчательное. Еврей—великій охотникъ, еврей—безстрашный человѣкъ!

Беніогу оказался тоже непримиримымъ врагомъ и кавказскихъ медвѣдей, которыхъ онъ бьетъ здѣсь десятками.

Во все послѣдующее время мнѣ уже не удавалось встрѣчать такихъ закоренѣлыхъ Немвродовъ между горскими евреями, но, по словамъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, Беніогу не единственное исключеніе.

Нашъ хозяинъ и не однимъ этимъ былъ славенъ въ окрестномъ населеніи.

Давно уже тому назадъ отецъ его убилъ какого-то табасаранца, задумавшаго похитить его дочь, красавицу, судя по ея брату. Воръ былъ пойманъ «съ поличнымъ», т. е. когда онъ перекидывалъ черезъ сѣдло связанную дѣвушку. Долго не думая, Уфтахъ (отецъ Беніогу) убилъ на мѣстѣ обидчика. Собрался джамаатъ, и Уфтахъ былъ

объявленъ канлы. Спасаясь отъ кровомщенія, еврей ушелъ въ другой округъ, гдѣ и сдѣлался абрекомъ.

Изолированное положеніе абрека, человѣка внѣ покровительства законовъ, ежеминутно преслѣдуемаго и поэтому преслѣдующаго, въ свою очередь создавало удивительные типы. Прежде его типъ рисовали слѣдующимъ образомъ: Абрекъ какъ будто объявлялъ весь міръ на военномъ положеніи. Для него уже не существовало узъ дружбы или родства. Онъ не щадилъ никого и самъ ни отъ кого не ждалъ пощады. Какъ шакалъ, онъ всю свою жизнь прятался по засадамъ, выглядывая оттуда жертву, чтобы самому не стать добычею другихъ. Обладая безумнымъ мужествомъ, онъ быстро дичалъ и часто становился ужасомъ на громадныхъ пространствахъ. Были абреки, десятки лѣтъ заставлявшіе трепетать окрестное населеніе. Казалось, что въ нихъ замирали всѣ человѣческія чувства. Онъ убивалъ ради наслажденія убивать. Для него не было женщины—и онъ поэтому не щадилъ женщинъ. На ребенка онъ смотрѣлъ, какъ на будущаго врага. Изгнанный своею родиной, онъ нигдѣ не находилъ ея. Одинъ изъ путешественниковъ по Аравіи описываетъ встрѣчу въ степи съ бедуиномъ, надъ которымъ тяготѣло изгнаніе и кровомщеніе, но тотъ бедуинъ былъ бы агнцемъ въ сравненіи съ дагестанскимъ абрекомъ. На лицѣ абрека не видали улыбки. Холодный блескъ глазъ, блескъ хорошо отточенной стали, выраженіе спокойнаго равнодушія къ чужому и своему страданію, изможденныя черты и вѣчная жажда крови, прорывавшаяся въ тѣ минуты, когда подъ вліяніемъ какого-нибудь волненія это напускное безстрастіе сбѣгало прочь, открывая постороннему тайники глубоко-оскорбленной и до конца измучившейся души. Нужно было пережить цѣлые годы отчужденія, по мѣсяцамъ не слышать человѣческаго голоса, предполагать вездѣ убійцъ, чтобы дойти до такого холоднаго звѣрства. Во время войны съ русскими, абреки обращались и противъ насъ, и противъ своихъ. Для нихъ были единственными союзниками такіе же изгнанники, какъ и они.

Человѣкъ, надъ которымъ не виситъ мечъ, человѣкъ, знающій, что его жизни не грозитъ ничего, на совѣсти не лежитъ никакого чернаго пятна—былъ врагомъ абрека. Абрекъ былъ волкомъ между людьми и человѣкомъ среди волковъ! Абрекъ и умиралъ, убивая...

И въ то же время, несмотря на установившійся типъ абрека, какіе великодушные порывы, какія чистыя побужденія прорывались въ этой ожесточенной природѣ! Тотъ же Уфтахъ, убивавшій, чтобы не быть убитымъ, помогалъ каждому, кто, въ правомъ дѣлѣ, обращался къ содѣйствію его сильной руки. Онъ воровалъ самъ дѣвушекъ для молодыхъ людей, которымъ отцы отказывали или которые не могли внести калыма. Онъ мстилъ за несправедливость, подставляя свою голову подъ ножъ или подъ пулю. Онъ разъ, безоружный, пріѣхалъ въ аулъ къ отцу убитаго имъ человѣка и потребовалъ гостепріимства въ его саклѣ. Зачѣмъ? Чтобы помочь старику, о нищетѣ котораго дошли до него слухи. Абрекъ чувствовалъ себя виновнымъ въ безпомощности его и, рискуя жизнію, отдалъ тому все, что имѣлъ самъ. Нынѣшній типъ абрека—видоизмѣнился. О немъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Беніогу былъ сыномъ абрека, абрека-еврея. Понятно, что впечатлѣнія дѣтства создали и въ немъ тоже мужество, ту-же горделивую смѣлость. Онъ-бы не задумался сцѣпиться грудь съ грудью съ обидчикомъ, не отступилъ бы передъ чужою угрозой. Въ немъ жили такіе порывы страсти, такая жажда сильныхъ ощущеній, какія были-бы по плечу развѣ средневѣковому рыцарю.

Откуда-то сильно пахло гіацинтами. За саклей звонко распѣвала Махласъ, перекликаясь съ братьями. Обѣдъ, къ которому была изжарена часть джайрана, приправляемый хорошимъ виномъ, пришелъ къ концу.

— Что-жъ, пора?—обратился ко мнѣ Магомадъ оглы.

— Куда-жъ торопиться? Развѣ тебѣ здѣсь нехорошо?

Старикъ прищурился на солнце, сверкавшее сквозь виноградныя сѣти. Зѣвнулъ.

— Вечеромъ можемъ выѣхать!

— Тогда придется заночевать въ пустомъ ауле!

— Въ какомъ это?

— Да тутъ по дорогѣ. Всѣ, кто жилъ въ немъ, выселились въ Турцію!

— Переночуемъ и тамъ!

Сѣрая ящерица быстро пробѣжала по земляному полу галерейки, оставляя за собою извилистый слѣдъ и какъ-то широко разставляя лапки. Еще быстрѣй мелькнуло мимо красивое лицо Махласъ, обдавъ меня на бѣгу цѣлымъ водопадомъ огневыхъ взглядовъ. Вонъ ея голосъ замираетъ уже гдѣ-то далеко-далеко. Точно какія-то музыкальныя ноты относитъ вѣтеръ въ сторону. А солнце еще ярче пропизываетъ колеблющуюся стѣну виноградныхъ лозъ, еще изумрудѣе...

Сильнѣе пахнетъ жасминами и гіацинтами.

Чувствуешь, какъ кровь приливаетъ къ вискамъ отъ этого одуряющаго запаха.

— Куда ты ѣдешь теперь? — обратилась ко мнѣ Махласъ.

— Далеко!

— Въ большіе аулы? А тамъ, должно быть, весело, въ большихъ аулахъ. Сказываютъ, дома тамъ до неба, а башни такъ выше неба.

— А тебѣ тоже хотѣлось бы туда?

— Еще-бы. Здѣсь скучно. Братья все уѣзжаютъ. Одна старуха тетка, да и та больше ругается да дерется!

— Вотъ замужъ пойдешь, тогда попроси мужа въ Тифлисъ тебя свезти.

— А что такое Тифлисъ?

— Большой аулъ!

— Оттуда къ намъ шелковыя платья возятъ? И кольца оттуда? Вотъ хорошо, должно быть, тамъ. Только въ большихъ аулахъ, говорятъ, и большіе начальники есть. Впрочемъ, бояться нечего. У меня мужъ будетъ богатый. Двѣсти барановъ у него!

Вскорѣ жара спала. Я простился съ гостепріимными

хозяевами и пустился въ путь. Махласъ долго провожала меня глазами.

— Какъ здѣшніе евреи ладятъ съ русскими? — спросилъ я Магому.

— Они горцевъ больше держатся. Русскіе хуже ихъ. Русскіе и деньги больше ихъ любятъ. Русскіе «расхаживаютъ теперь на нашей головѣ».

— Да развѣ вамъ при русскихъ хуже, чѣмъ прежде, что вы проклинаете насъ?

— Какъ тебѣ сказать? Прежде, положимъ, и не такъ безопасно было. Ни шамхалы тарковскіе, ни уцміи кайтагскіе, ни ханы казикумухскіе не обращались съ нами такъ. Но тѣ были орлы между орлами. Хоть и заклевывали, да все-же свои. А теперь вотъ солдатъ правитъ у насъ всѣмъ. Въ курятникъ сѣсть коршуна вѣдь не загонишь, хоть тамъ и проса вдоволь! Опять-же Аллахъ знаетъ, что у васъ на умѣ. Слыханное-ли это дѣло, чтобъ побѣдители такъ обращались съ покоренными? Вы насъ не грабите, не уводите дѣтей и женъ нашихъ въ плѣнъ— значитъ, еще что-нибудь болѣе страшное задумали. Значитъ, тутъ есть хитрость какая-то. Не дураки-же мы, чтобы не понять этого. Въ аулѣ всякій мальчишка знаетъ, что русскіе задумали какое-то дурное дѣло и хотятъ усыпить насъ теперь, чтобы въ расплохъ забрать! Теперь въ одномъ аулѣ хлѣба не хватило—русскіе хлѣба дали. Развѣ враги такъ дѣлаютъ спроста? Прежде аулъ разсѣялся-бы по всему Дагестану подаянія собирать, а тутъ на мѣстахъ остались. Нѣтъ, насъ этимъ не обманешь. Вы вонъ и «сихру» *) знаете. Вы, какъ древніе пираваны (фараоны), чудеса колдовствомъ дѣлаете. Неужелиже такіе «величайшіе грѣшники» на добро способны? Мы, разумѣется, будемъ жить мирно, пока вы своего хвоста не покажете. Оставьте намъ оружіе и не берите насъ только въ солдаты!

— А если и васъ станутъ въ войска записывать?

---

*) Сихра—наука, дающая средства все узнавать и все дѣлать.

— Всѣ уйдемъ въ Турцію. Мы любимъ свои аулы. На нѣсколько дней уѣдешь,—и то тоска беретъ, но если на насъ шинель надѣнутъ, мы уйдемъ отъ васъ!

Это я зналъ и безъ Магомада-оглы. Еще Хаджи-Мурадъ-Амировъ въ 1873 году разсказывалъ, что только одни слухи о запрещеніи носить оружіе и о рекрутскомъ наборѣ заставляютъ горцевъ массами переселяться въ Турцію, не смотря на ихъ рѣдкую привязанность къ родинѣ. «Въ ихъ глазахъ передъ солдатской службой самый адъ — ничто, хотя мухамеданское пекло похуже дантовскаго».

Вотъ какъ, напримѣръ, плакался одинъ переселявшійся въ Турцію:

— Меня не ждутъ тамъ богатство и радость, но еслибы и ждали, то и тогда я не былъ-бы счастливъ. Да и можно-ли быть счастливымъ, когда человѣкъ покинулъ родной аулъ, своихъ соотечественниковъ, друзей и родныхъ; когда не имѣешь возможности посѣщать могилы своихъ отцовъ въ пятницы и въ день великаго байрама и сидѣть въ кумаѣ на досугѣ!..

И, зная, что ихъ встрѣтитъ тамъ нищета, они все-таки уходятъ сотнями и тысячами.

IV.

Оставленный аулъ.

На окрестныя горы ложатся синія тѣни вечера.

По мѣстному еврейскому обычаю, Бепіогу отправилъ двухъ своихъ сыновей сопровождать насъ до ночлега.

Молодежь весело перекликается, забавляясь эхомъ, болтаетъ съ важнымъ и серьезнымъ Магомадъ-оглы и на скаку стрѣляетъ въ ласточекъ, закружившихся въ воздухѣ.

Мы едва пробираемся по дну Кай-булагской щели. Направо и налѣво, то стѣсняя насъ, такъ что мы проѣзжаемъ гуськомъ, то расширяясь, высятся почти отвѣсныя стѣны. Зелень треплется на нихъ рѣдкими пятнами,

горбины и плоскости камня изорваны черными трещинами, гдѣ гнѣздятся ящерицы, и до сумерекъ неподвижно держатся сѣрыя совы. Внизу, по самому дну щели, едва едва сочится вода, съ камня на камень, съ уступа на уступъ, чистая, холодная.

— Гдѣ-же это грохотъ воды слышится?—заинтересовался я.

— А другой большой рукавъ есть. Онъ вонъ въ ту косую щель ушелъ, тамъ и бурлитъ, ворочая камни!

Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось проѣхать сквозь небольшой каскадъ. Щель тутъ суживалась, такъ что издали казалось невозможнымъ пробраться въ это игольное ушко. Мы направились туда гуськомъ. Тамъ, въ этой скважинѣ, сверху внизъ обильнымъ дождемъ сыпался ручей студеной воды. Насъ обдало съ ногъ до головы, потому что свернуть было некуда.

— Какъ не отведутъ ручья куда-нибудь въ сторону?—замѣтилъ я.

— Христіане не позволяютъ. Захотѣли мы разъ очистить дорогу—столько шуму вышло!

— Это отчего?

— Да, говорятъ, св. Нина нарочно ручей этотъ пустила. Креститься не хотѣли здѣшніе евреи, ну, такъ она и сдѣлала чудо,—кто ни проѣдетъ, всѣхъ этою водою окреститъ. Хочешь, не хочешь, а брызнетъ. Поневолѣ! Прежде евреи этой дорогой вовсе не ѣздили. Горами шли.

— Это неправда! — вставилъ Магомадъ-оглы. — Дѣло иначе было. Окрестный народъ давно-давно креститься вздумалъ. Только рѣки не было такой, чтобы въ нее погрузиться могли. Ну, св. Нина и велѣла этому ручью выйти. Кто хотѣлъ крещенье принять, проѣзжалъ Кайбулагскою щелью. Святой ручей называется!

Христіанскія преданія живутъ еще въ этой давно омусульманившейся странѣ. Развалины христіанскихъ храмовъ встрѣчаются повсемѣстно, и окрестное населеніе относится къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Шамиль хо-

тѣлъ-было черезъ своихъ муллъ уничтожить эти развалины, но ни проповѣди, ни приказанія имама не могли побудить народъ разбросать уже нестройныя глыбы тесанаго камня, разбить слѣды алтарей и истребить кресты, оставшіеся на стѣнахъ. Народъ боялся мщенія Миріамъ и вѣрилъ, что, разоривъ остатки храмовъ, онъ озлобитъ горныхъ духовъ, живущихъ въ этихъ красивыхъ руинахъ. Какъ-бы ни была плоха погода, иди хоть проливной дождь, мусульманинъ не станетъ искать защиты подъ кровлями и сводами этихъ церквей. Мнѣ не удалось видѣть самому ихъ, но разсказы окрестныхъ жителей рисуютъ необычайно дикія картины горныхъ трущобъ, гдѣ таятся развалины. Въ нихъ только и находитъ убѣжище смѣлый разбойникъ, которому гораздо страшнѣе погоня пикеровъ, чѣмъ обители горнаго духа. Туда-же забираются молодыя пары, играющія свадьбы «уводомъ». Евреи относятся къ этимъ храмамъ съ меньшимъ страхомъ, но все-же трогать ихъ не рѣшаются. Вообще кавказскій горный еврей не питаетъ вражды къ христіанству. Невѣжественные равины его, поддерживая только обрядности Моисеева закона, чужды фанатизма и исключительности остальнаго Израиля. Кромѣ христіанскихъ храмовъ, особенно уважаются древнія священныя рощи. Въ ихъ заповѣдную глушь проникаютъ съ религіознымъ благоговѣніемъ. Тутъ царитъ вѣчное молчаніе, и громкій голосъ человѣка не осмѣливается рѣзко нарушать этого спокойнаго сна вѣковѣчныхъ великановъ, переживавшихъ цѣлыя племена, давно исчезнувшія съ лица Кавказа передъ нашествіемъ болѣе сильныхъ и мужественныхъ дружинъ. Въ тѣни этихъ великановъ нѣкогда воздвигались капища невѣдомымъ богамъ, потомъ древніе семиты до-Моисеевой эпохи совершали здѣсь свои таинственныя служенія. Наконецъ, тутъ-же царилъ культъ Молоха до тѣхъ поръ, пока эти священныя рощи не огласились гимнами христіанскихъ проповѣдниковъ, смѣненныхъ, въ свою очередь, проповѣдниками и вождями ислама. Такъ-же молчаливы, какъ тогда, такъ и теперь, заповѣдныя дубровы, и такой-

же покой царитъ подъ ихъ сводами. Солнце рѣдко проникаетъ въ сырыя чащи, гдѣ только шорохъ дикаго звѣря да робкое пѣніе мелкой лѣсной пташки оживляютъ безмолвныя могилы павшихъ религій и исчезнувшихъ народовъ.

Часто на днѣ Кай-булагской щели лежали громадныя скалы, сорвавшіяся сверху. Объѣзжать ихъ было трудно и не безопасно. Въ одномъ мѣстѣ недавно оборвавшійся утесъ стѣной перегородилъ дорогу. Пришлось спѣшиться съ лошадей, взять ихъ подъ уздцы и съ трудомъ, медленно переправить ихъ на другую сторону, рискуя на каждой пядени камня, и особенно при спускахъ, сломать ногу коню или себѣ — шею. А тамъ опять новый сюрпризъ. По вѣтру насъ обдало невыразимымъ смрадомъ. Магомадъ-оглы, и тотъ закрылъ носъ. Мнѣ трудно было дышать, но пришлось пересилить отвращеніе. Въ одной изъ тѣснинъ оказался разлагающійся трупъ лошади. Цѣлая стая воронья разомъ поднялась, точно вспорхнула, когда мы подъѣхали къ этому неожиданному препятствію. Сверху доносились къ намъ пронзительные крики потревоженныхъ хищниковъ, въ боковой тѣснинѣ выл голодный шакалъ, а впереди уже сгущались сѣрые клубы ночной мглы, заполоняя всю щель.

— Пожалуй, и ночь скоро?

— Да. Ущелью конецъ не далеко!

— Значитъ, еще засвѣтло доберемся!

Мгла становилась все гуще и гуще, рѣдѣя на болѣе широкихъ площадкахъ.

Евреи запѣли унылую пѣсню, странно гармонировавшую съ пустынной и мрачной обстановкой ущелья. Точно въ хоръ этому меланхолическому рокоту воды по дну тѣснины раздавался шелестъ вѣтра, лѣниво пробиравшагося сквозь кай-булагскіе дефилеи къ счастливой и только-что оставленной нами долинѣ.

Мои спутники—дѣти Беніогу—были изъ числа «образованныхъ евреевъ».

Здѣсь, гдѣ масса Израиля невѣжественна до крайности,

умѣніе читать уже считалось образованіемъ. По словамъ Іуды Чернаго, въ древности среди кавказскихъ евреевъ было много ученыхъ. Даже талмудскіе толкователи Нахумъ Гамабай, т. е. мидійскій, жилъ въ старой Шемахѣ въ Ширванѣ, и Симонъ Шафро, т. е. ученый, писатель, родился въ Дербентѣ. Въ то время народъ находился на гораздо высшей степени умственнаго развитія. Іудѣ Черному только въ Дербентѣ попался равинъ, знающій древне-еврейскій языкъ, остальные равины не имѣли о немъ и понятія.

— Умѣете-ли вы говорить по древне-еврейски?

— Моя амлаярецъ (я неграмотный)!—отвѣчали ему всюду.

Большинство евреевъ не знаютъ и мѣстной грамоты, почему они зависятъ отъ мусульманскихъ муллъ, которые пишутъ имъ письма и разныя бумаги. За это муллы получаютъ отъ общества годовое жалованье. Вообще ни евреи къ мусульманамъ, ни мусульмане къ евреямъ не чувствуютъ здѣсь никакой вражды. Они отлично уживаются другъ съ другомъ, причемъ татаринъ съ гораздо большимъ пренебреженіемъ относится къ христіанину, чѣмъ къ еврею. Солидарность, существующая между муллами и евреями, доказываетъ, что здѣсь неизвѣстно кагальное устройство, подтачивающее народное благосостояніе западнаго края къ выгодѣ тамошняго Израиля. Евреи на Кавказѣ, и именно горскіе—то, чѣмъ они должны были-бы быть вездѣ, не обособленная, въ исключительное положеніе поставленная община, а полноправные, сливающіеся съ общею массою населенія люди, полезные труженики и производители. У насъ еврей-земледѣлецъ — нѣчто вродѣ сіамскихъ близнецовъ, двухголоваго соловья и другихъ чудесъ. Тамъ евреи занимаются шелководствомъ, воздѣлываютъ фруктовые и виноградные сады, для чего не довольствуются собственными землями, но, расширяя свое хозяйство, арендуютъ участки у окрестныхъ владѣльцевъ. Они-же разводятъ низкіе сорты табака, выдѣлываютъ превосходное оружіе, а въ послѣд-

нее время въ широкихъ размѣрахъ запялись овцеводствомъ. Если хотите, и наши евреи занимаются тѣмъ-же, но черезъ рабочихъ крестьянъ. Черный трудъ имъ не по душѣ. Кавказскій еврей вездѣ работаетъ самъ, и съ заступомъ, и съ мотыкой, и съ киркой. Поэтому они и на видъ смотрятъ молодцами и красавцами, и окрестное мусульманство къ нимъ относится съ полнымъ уваженіемъ, и въ грязи страстей не гніютъ и ростовщичествомъ, и гешефтомъ не занимаются, въ виду болѣе производительнаго и честнаго труда. Не ясно-ли, какъ глупо упрекать Израиля, что высасываніе жизненныхъ соковъ изъ окрестной среды въ крови у него, что еврей—ростовщикъ и плутъ по природѣ? Такимъ онъ является только тамъ, гдѣ цѣлые вѣка его терзали отчужденіемъ, давили презрѣніемъ, сплачивая въ немъ искусственно страшную силу племеннаго эгоизма и прививая къ нему кагальныя добродѣтели. Тамъ, гдѣ евреи жили въ иныхъ условіяхъ, какъ, напр., на Кавказѣ, они являются и честными, и полезными людьми. Весь народъ дурнымъ не можетъ быть, а только дурные люди могутъ кидать тѣнь на массы.

Еврейскія училища здѣсь помѣщаются въ сакляхъ близъ синагогъ. Несмотря на незначительное число учащихся (по 15 на 200 домовъ), сакли и тѣсны, и грязны. «Равинъ сидитъ на землѣ и на коврѣ, а вокругъ всѣ мальчики. Вмѣстѣ съ своимъ учителемъ они киваютъ головой, читая молитвы или библію. Печатныя еврейскія азбуки у нихъ рѣдко бываютъ, большею частію равины рисуютъ на таблицахъ буквы, алфавиты, и дѣти учатся читать и писать съ этихъ прописей. Всѣ они пишутъ на колѣнѣ, по мусульманскому способу, къ чему такъ привыкаютъ, что на столѣ имъ работать и трудно, и неудобно. Самое большое училище находится въ Дербентѣ; оно и чисто и просторно. Оканчивающіе здѣсь курсъ получаютъ свидѣтельство на званіе равина или рѣзника. Остальныя-же школы въ Грозномъ, Хасавъ-Юртѣ, Темиръ-ханъ-Шурѣ и деревняхъ въ весьма жалкомъ видѣ».

Кай-булагская щель какъ разомъ началась, такъ-же разомъ и кончилась узкимъ выходомъ въ нагорную долину.

Мы оставили внизу густые туманы попизей и по узкой тропинкѣ поднялись на ближайшую вершину. Ясный мѣсяцъ уже стоялъ надъ плоскогорьемъ, серебрившимся вдали; серебрилась и мгла внизу, серебрились и скалы подъ его ласковыми лучами. Только глубокія долины казались черными падями тамъ, гдѣ туманъ не заполнялъ ихъ совсѣмъ.

— Хорошій аулъ былъ!

— Что, гдѣ?—опомнился я.

— Куда ѣдомъ... Большой аулъ былъ... Теперь пустѣетъ!

— Неужели никого не осталось?

— Ну! Кому и быть? Цѣлымъ джамаатомъ поднялись люди и пошли. Большая часть саклей разрушена теперь, другія сожжены.

— Кто-жъ ихъ жегъ,—горцы?

— Горцы?—И Магомадъ-оглы съ негодованіемъ оглянулся на меня. — Развѣ мы станемъ жечь колыбели нашихъ дѣтей и могилы своихъ отцовъ? Подъ этими кровлями росли мы сами, кто-жъ рѣшится уничтожать ихъ? Пусть вѣтеръ да дождь уничтожаютъ, пусть ихъ время рушитъ. Старость для всякаго есть, какъ для человѣка, такъ и для сакли!.. Нѣтъ... во время войны сожжено... Много ауловъ сожжено было... Аулы уничтожены, разрушены, сожжены... А тѣ, кто жилъ въ нихъ, давно на чужбинѣ, и ни слѣда отъ нихъ, точно ихъ и не было!

Только десятая часть выселившихся въ Турцію горцевъ осталась въ живыхъ. Все остальное погибло разсѣянное, изголодавшееся. Ни въ чьихъ преданіяхъ, ни въ чьей пѣснѣ не останется памяти объ исчезнувшемъ народѣ, и скоро, проходя мимо его могилъ, мимо этихъ безмолвныхъ и безлюдныхъ ауловъ, никто не будетъ знать, какая жизнь кипѣла на этихъ обрывахъ, подъ

этими плоскими кровлями, какія сердца бились тамъ, и какихъ суровыхъ драмъ были молчаливыми свидѣтелями эти раскидистые дубы и каштаны. А, между тѣмъ, легендой безъ словъ, духомъ легенды вѣютъ эти каменныя вершины, такъ красиво вырѣзавшіяся на лунномъ свѣтѣ, эти темныя и сѣрыя ущелья, эти заповѣдные лѣса. И только когда изъ массы дикой поросли вдругъ вырвется неожиданно благоухающій розовый кустъ, и ароматъ бѣлыхъ лилій встрѣтитъ васъ въ чащѣ боярышника и плюща,—вы поймете, что здѣсь когда-то жило цѣлое племя, сильное и мужественное, — племя, разомъ исчезнувшее съ лица земли, какъ исчезаетъ дымъ, разсѣваемый вѣтромъ, какъ исчезаетъ тѣнь отъ тучки, пробѣжавшей по небу, какъ исчезаетъ зыбь на морскомъ просторѣ. И тихо колышатся эти чудные цвѣты, и едва-едва шелестятъ ихъ листва, точно робко жалуется она вамъ на эту стихійную смерть, смерть цѣлаго народа.

Тропинка круто свернула направо—теперь намъ пришлось ѣхать въ тѣни. Лунный свѣтъ ярко билъ на обрывистый спускъ съ горы, вырывая его изъ мрака. Въ одномъ мѣстѣ онъ сдѣлался отвѣснымъ. Громадныя массы камня, точно сложеннаго здѣсь циклопическою стѣпою, падали впизъ вертикально, серебрясь и выступая на свѣтъ каждою своей выпуклиной, каждымъ угломъ и изломомъ. Отвѣсная стѣна скоро переходила въ выпуклую, она уже висѣла надъ долиною. Страшно было смотрѣть на эту горбину, думалось, — вотъ-вотъ, и она рухнется внизъ всею своею грузною, тяжелою массой. И вдругъ я пріостановилъ копя и съ чувствомъ, близкимъ къ восторгу, уставился на эту твердыню.

Прямо на ней, на этой горбинѣ, *висѣвшей* надъ долиною, точно гнѣзда ласточекъ, *висѣли* сакли. Кто и какъ ихъ прилѣпилъ сюда? Голова кружилась еще впизу, что-же должно быть тамъ, на этомъ словно вздрагивающемъ карнизѣ? Прямо съ отвѣса горы выступала плоская кровля и упиралась въ такой-же выступъ пола. Кровля поддерживалась деревянными столбами, полъ былъ

утверждены на балясинахъ, укрѣпленныхъ вкось въ расщелины скалы. Это была только галлерея, веранда, балконъ. И такихъ балконовъ были сотни—прямо изъ горы, прямо на отвѣсѣ. Самое жилье или выдолблено въ скалѣ, въ отвѣсѣ, или вровень со стѣною отвѣса возведено надъ карнизомъ. Ласточкины гнѣзда подъ кровлей колокольни, гнѣзда, свитыя на стѣнахъ развалинъ, жилье какихъ-то воздушныхъ существъ, птицы что-ли,—короче, что хотите, только не аулъ, не село, не обитель человѣка. Что-то волшебное, призрачное, одуряющее, что-то похожее на сонъ, далекое отъ дѣйствительности. А этотъ лунный блескъ, выхватывающій ласточкины гнѣзда изъ мрака, этотъ лунный свѣтъ, который точно курится на ихъ плоскихъ кровляхъ, свѣтъ, обращающій деревянныя жерди въ серебряныя колонны, расщелившійся камень—въ матовыя глыбы, свѣтъ, на которомъ только черными трещинами или зѣвами кажутся входы въ сакли и окна ихъ. А еще выше, надъ этимъ воздушнымъ ауломъ, надъ этими гнѣздами, унизавшими выдавшійся карнизъ, величаво дремлютъ голубоватыя вершины горъ, подернутыхъ серебряною пылью, крутыя, безлюдныя, скалистыя. Едва-едва ложатся на нихъ тѣни отъ впадинъ и склоновъ, но этотъ общій колоритъ безъ оттѣнковъ, однообразный, рисующій только ихъ профили, дѣлаетъ ихъ еще величавѣе, еще грандіознѣе.

Смотришь, — и тянетъ туда, и манитъ, и въ то-же время кружится голова, и замираетъ сердце. И чудно-очаровательнымъ кажется царство этой лазурно-серебряной ночи. И жаль дернуть уздечку, жаль ступить впередъ на шагъ, жаль потерять изъ глазъ этотъ поэтическій сонъ!.. Вѣдь знаешь, что съ новымъ поворотомъ такой же величаво-прекрасный пейзажъ развернется передъ тобою, но больно разстаться съ этимъ, къ которому привязалось сердце, какъ будетъ больно разстаться съ тѣмъ, который встрѣтитъ меня на поворотѣ.

— Что это?.. Какой аулъ?

— Тамъ ночевать будемъ.

— Значитъ, это-то и есть безлюдный, оставленный поселокъ?

Магомадъ-оглы кивнулъ головой.

Идти туда, въ эту могилу исчезнувшаго города? Да, это достойный памятникъ ему, грандіозный мавзолей эти гордыя, траурныя вершины!

И вѣдь нигдѣ ни звука. Точно притаилась ночь и ждетъ чего-то. Точно вся замершая отъ восторга, любуется окрестность на яркій мѣсяцъ, а мѣсяцъ, весь исходя лучами, любуется на нее. И смотрятъ они въ глаза другъ другу, и нѣтъ предѣла ихъ красотѣ, нѣтъ конца ихъ поэтическому счастью.

Прошелъ часъ,—мы все ѣхали, прошелъ другой—тоже! А аулъ все тамъ же лѣпится въ сторонѣ. Какъ-то мы доберемся до него, какъ?..

Ничего теперь ясно не помню. Точно сонъ видѣлъ и позабылъ его.

Представляется только мнѣ, какъ мы зигзагами подымались вверхъ по горѣ, то направо, то налѣво. Точно въ туманѣ видится впереди фигура Магомадъ-оглы, то сливающаяся съ контурами окрестныхъ скалъ, то вся выступающая на лунный свѣтъ, сгорбленная на малорослой горской лошаденкѣ, стукъ копытъ которой дробится въ ушахъ, одинъ нарушая мертвое безмолвіе пустыни, окружавшей насъ. Евреи давно отстали и вернулись домой; въ горахъ я былъ одинъ,—одинъ съ моимъ молчаливымъ спутникомъ, плотно завернувшимся въ бурку. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить, за то думалось и грезилось много.

Помню только, что по сторонамъ зіяли бездны; тамъ курился бѣлый паръ. Какое-то озеро блеснуло и опять снова покрылось тьмою, новые клубы мглы захоронили его. Чортъ знаетъ, что за скалы вставали передъ нами, точно сторожевые великаны, преграждавшіе путь къ сокровищамъ или заколдованнымъ долинамъ.

Подымались, подымались, и когда я опомнился, когда я оглядѣлся, оказалось, что аулъ, ласточкины гнѣзда,

дразнившія воображеніе тамъ, внизу, оказались далеко подъ моими ногами, далеко такъ, что ихъ и разобрать было трудно; только, напрягая зрѣніе, я различалъ плоскіе четырехъугольники кровель, блиставшіе точно серебряныя дощечки. Мы, слѣдовательно, зигзагами поднялись выше аула, выше тѣхъ скалъ, на которыхъ лѣпятся его воздушныя сакли.

Нужно было спуститься внизъ осторожно, медленно, соразмѣряя каждый шагъ лошади.

Крутизна была необычайная.

Конь почти сползалъ на переднихъ ногахъ, вытянутыхъ и упиравшихся на всякую неровность по дорогѣ. Онъ поминутно храпѣлъ и помахивалъ головою, точно предупреждая меня объ опасности. А дѣйствительно, промахнись тутъ только, — и костей-бы не собрать!.. Даже страшно было долго смотрѣть внизъ. Тутъ начинались откосы, о которыхъ говорилъ я, и пропасть, точно пасть какого-то чудовищнаго, сказочнаго звѣря, зіяла подъ нами, безпощадная, поджидающая, притаившаяся, оскалившая свои зубы—утесы, словно челюсти, расположенныя по ея окраинамъ. Теперь приходятъ сравненія въ голову, а тогда не до того было. Просто замерло все и упало внутри. Даже Магомадъ-оглы, на что ужъ человѣкъ привычный, а и тотъ уткнулся въ свою бурку и ни слова!.. Значитъ, и ему жутко стало, и ему, старому горному волку, не по-себѣ.

Наконецъ, мы поѣхали вдоль карниза.

Встревожили горнаго орла, мирно отдыхавшаго въ выбоинѣ стараго утеса. Поднялъ недоумѣло голову старый хищникъ и, подпустивъ насъ шаговъ на пять, медленно расправилъ крылья и грузно поднялся на ближайшую скалу, откуда долго еще провожалъ насъ его недовольный клекотъ.

Въ одномъ мѣстѣ тропинка разрывалась. По карнизу прошла трещина поперегъ его. Вотъ-бы тутъ въ туманѣ или когда туча на утесъ уляжется, спокойная и непроглядная, — бѣда! Трещина шириною аршина полтора,

внизу—пропасть. Конь подобрался и какъ-то бокомъ перешелъ ее. Я даже и не смотрѣлъ внизъ,—голова могла закружиться. Карнизъ-то, какъ оказывается, висѣлъ надъ бездной, выдвигаясь сплошнымъ, большею частью, плитнякомъ. Точно мы въ магометанскій рай пробирались по узкому, какъ остріе сабли, мосту. Наконецъ, прямо передъ нами блеснули мазанки и сакли оставленнаго аула, точно кладбище, безмолвныя и печальныя. Ни собаки, ни человѣка. Только въ камняхъ шуршитъ змѣя, да сброшенные копытами нашихъ лошадей камни пересчитываютъ всю неровность откоса, дробясь на тысячу сухихъ, словно щелкающихъ звуковъ.

— Смотри, не попади съ лошадью куда-нибудь въ саклю. Ненадежныя сакли-то. Кое-гдѣ устои расшатались. Пожалуй, еще рухнешь внизъ вмѣстѣ съ саклей!

Мы добрались до сравнительно широкой площадки. Посрединѣ была куча камней и мусора. Изъ нея приподымалась только половина разрушенной башни.

— Мечеть была,—сухо проговорилъ Магомадъ-оглы.—Ваши взорвали. Вонъ что осталось!—махнулъ онъ рукою на щебень и камни, сумрачно отвертываясь отъ меня въ сторону. Вѣдь во мнѣ все таки являлся передъ нимъ одинъ изъ исконныхъ враговъ его народа, одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ побѣдителей, что разрушили его мечети, истребили и сожгли его аулы, а братьевъ его изгнали на далекую, непривѣтливую чужбину. Этого и горское гостепріимство выдержать не могло. Понятно, что и Магомадъ-оглы, подъ вліяніемъ разомъ нахлынувшихъ впечатлѣній, не хотѣлъ говорить со мною.

Внизу и рядомъ лѣпились ласточкины гнѣзда—сакли... Вверху возносились въ недосягаемую высь гордыя вершины. А мы, точно мухи, цѣплялись по этимъ откосамъ.

Наконецъ, мѣсто для лошадей найдено, хоть имъ до утра придется довольствоваться только тѣмъ сѣномъ, которое было съ нами.

Ихъ нельзя было стреножить и пустить. Оборвались-

бы въ пропасть. Мы сами чувствовали себя не совсѣмъ бодро. Хоть гора эта и карнизы ея держатся цѣлые вѣка, но сообразивъ, какъ они висятъ надъ бездоннымъ проваломъ, я невольно задумался:

«А что, какъ сорвемся и съ этими ласточкиными гнѣздами, и съ этимъ ненадежнымъ пьедесталомъ аула?»

Мы, дѣйствительно, были уже въ оставленномъ аулѣ.

V.

Изгнанникъ.

— Богатый аулъ былъ, большой!.. Должно быть, Аллахъ прогнѣвался, что предалъ его въ руки невѣрныхъ!

— Да развѣ можно жить на такихъ кручахъ?

— Орелъ можетъ, а курицѣ, разумѣется, нельзя. Зачѣмъ вы выгоняли насъ отсюда? Вѣдь занять эти аулы вамъ и думать нечего, работать на тѣхъ горахъ, гдѣ работали мы, вы еще долго не будете, да и не умѣете. Неужели изъ одной злобы?.. Развѣ можно лишать человѣка отцовской могилы и колыбели его ребенка?

Меня поставило въ тупикъ расположеніе аула.

За той площадкой, гдѣ мы оставили лошадей, не было доступа въ сакли, примыкавшія задними своими стѣнами прямо къ горной породѣ. Сакли лѣпились по отвѣсу,— понятно, что переходъ изъ одной въ другую былъ невозможенъ. Сверхъ того, были сакли, построенныя на другихъ. Кровля нижней сакли служитъ поломъ для верхней, а эта, въ свою очередь, подпираетъ третью. Въ одномъ мѣстѣ было пять ярусовъ такихъ сакель. Были и не отдѣльныя, а четырехъ и трех-этажныя сакли, принадлежавшія одному хозяйству.

— Какъ-же тутъ проходили?

— А по кровлямъ!

Въ кровляхъ оказались большія отверстія, сквозь которыя проникали внутрь сакли. Въ саклях двухъ-ярусныхъ сначала нужно было попасть въ верхнюю, а оттуда уже сквозь дыру въ полу ея—въ нижнюю. Пере-

ходы становились еще болѣе сложными тамъ, гдѣ приходилось опускаться въ пятую саклю, перейдя всѣ четыре верхнія. Понятно, что только пѣшеходы могли попадать сюда. Это, впрочемъ, оказалось только предмѣстьемъ аула. Большая часть его разбросана внизу.

Отсюда можно было разсмотрѣть только силуэты двухъ круглыхъ башень и какія-то груды стѣнъ.

— Отчего-же туда мы не пробрались?

— Негдѣ.

— Во всякомъ случаѣ, тамъ удобнѣе.

— Молчи, ради Аллаха! Тамъ все выжжено, истреблено, уничтожено.

Дѣйствительно, на другой день мы проѣзжали мимо этихъ развалинъ, которыя уже захватываетъ обильная поросль въ свои задушающія объятія. Сквозь груды щебня пробивается боярышникъ, дикія лозы взбѣгаютъ вверхъ по башенкамъ сакель и опускаютъ внутрь, сквозь ихъ пробитыя кровли, своя цѣпкія, змѣистыя вѣтви. Кизиль, лавро-вишни и барбарисы подступаютъ все ближе и ближе изъ окрестныхъ лѣсовъ, словно враждебная армія, желающая захватить въ свое сплоченное кольцо жалкую и разоренную дружину противника — оставленные сады, гдѣ еще толпятся, сбившись въ кучу, хурма, инжиръ, черешня, айва и персики. Виноградныя плантаціи одичали кругомъ и заполонены сорными травами. На небольшихъ площадкахъ, отвоеванныхъ у горъ, хлѣбные посѣвы прежняго аула заглохли, и только остатки ирригаціонныхъ работъ еще попадаются порою, свидѣтельствуя, что здѣсь далеко не дикари жили, а трудилось и измышляло свободное племя, застигнутое нами въ періодъ его среднихъ вѣковъ. На восточномъ берегу Чернаго моря, у адыге, цивилизація стояла на гораздо низшей степени развитія, но и тамъ, напримѣръ, обработка земли нисколько не уступала нашей отечественной. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ путешественникъ: черкесы мастера обращаться съ своими полями. Обработанныя ими мѣста мудрено обработывать кому-либо другому. Они лѣпятся,

большею частію, на возвышенныхъ скалахъ, на которыхъ, казалось бы, и самая обработка невозможна. Конечно, обработка здѣсь только ручная, но и она была такъ тщательна, что черкесы не знали неурожаевъ. Орудія самыя своеобразныя, но они отличались прочностію и были хорошо направлены. Черкесы мастера дѣлать цаллы (мѣстные топоры). Пшеница убирается женщинами посредствомъ серпа, но онъ такъ малъ, что похожъ скорѣе на дѣтскую игрушку. Всѣ полевыя произведенія черкесы переработывали у себя дома: водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ они не знали, а размолъ производили на ручныхъ жерновахъ 8 вершковъ въ діаметрѣ. Замѣчательно хорошо они выдѣлывали крупу изъ гоми. За то въ Дагестанѣ мельницы превосходныя, хотя и нѣсколько своеобразнаго устройства.

Въ Дагестанѣ обработка земли была еще затруднительнѣе. Воспользовались карнизами горъ или, парочно изрывъ ихъ терасами, горцы свозили туда изъ долинъ плодопосную землю на ослахъ. Сколько разъ нужно было повторять эту экскурсію, чтобы образовать узкія полоски земли подъ посѣвъ! Потомъ сверху, пользуясь какимъ-нибудь ручьемъ, проводилась вода по всѣмъ терасамъ, такъ-что ни одна пядень земли не оставалась неорошенной. Затѣмъ уже сѣялся хлѣбъ, сверху впизъ. Такъ-же сверху впизъ производилась и уборка жатвы. Такія обработанныя терасы и теперь часто встрѣчаются тамъ, гдѣ горцы остались на своихъ мѣстахъ; остальныя представляютъ мерзость запустѣнія, отъ которой дѣлается тяжело на душѣ...

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, всякое оставленное поле, всякое заброшенное хозяйство вовсе не доказываетъ поступательнаго движенія прогресса! А такихъ полей и хозяйствъ здѣсь тысячи! Есть мѣста, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ приходилось по 3,000 человѣкъ на 1 квадратную милю, а теперь и по 30 не насчетишь.

— Куда-же мы дѣнемся на ночь?

— А вотъ сейчасъ выберемъ мѣсто. Погоди!

И Магомадъ-оглы пошелъ куда-то по кровлямъ ближайшихъ саклей.

Я стоялъ одинъ на карнизѣ—и странное дѣло, какъ-будто и не кстати, передо мною разомъ возникла картина изъ далекаго-далекаго прошлаго.

Громадная зала, вся заставленная большими черными столами.

Лампы низко висятъ надъ ними, озаряя головы, наклоненныя надъ книгами. Въ углахъ и у потолка сгущается мракъ. Черная ночь смотритъ въ окна. Мы всѣ, мальчуганы, сидимъ на табуретахъ, боясь шевельнуться, чтобы не попасть въ уголъ.

— Посторонними занятіями не развлекаться! У кого на столѣ будетъ не учебникъ — въ карцеръ! — свирѣпствуетъ воспитатель, маршируя по серединѣ залы, ровно и медленно, отъ стѣны къ стѣнѣ, какъ маятникъ тутъ-же висящихъ часовъ. То онъ выступитъ на свѣтъ, блеснетъ широкою лысиной, то снова спрячется въ сумракъ. Худощавая фигурка его напрасно хочетъ быть величавой. Тоненькія ножки старательно отбиваютъ темпъ: разъ, два; разъ, два.

Передо мной добросовѣстно развернутъ учебникъ Марго, но за то въ немного выдвинутомъ ящикѣ — одинъ изъ томиковъ кругосвѣтнаго путешествія Дюмонъ-Дюрвиля. Рядомъ однозвучно-назойливо кто-то долбитъ:

«Россіяне отличались изстари великодушіемъ и гостепріимствомъ, россіяне отличались изстари великодушіемъ и гостепріимствомъ, россіяне...»

Съ другой стороны слышится такая-же долбня: квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ...

Но мнѣ ничего не слышно... Столько-же мнѣ мѣшаютъ они, сколько муха, что жужжитъ около, сколько монотонные шаги дежурнаго офицера. Передо мной развертываются чудныя тропическія картины, вѣчно зеленыя пальмы смотрятся въ тихія воды бирюзовыхъ озеръ. Воздухъ полонъ аромата. Въ чащѣ лianъ притаился тигръ и зорко выглядываетъ оттуда, не покажется-ли около

стройный силуэтъ вѣтвисторогой серны. Вверху звенятъ невидимые хоры птичьихъ голосовъ. Ярко сверкая на солнцѣ, ползетъ громадная змѣя. И, словно змѣи, крадутся къ одинокому европейскому путешественнику нагіе дикари, готовя свои отравленныя стрѣлы.

И гдѣ эти казенныя бѣлыя стѣны, гдѣ эти черные столы; гдѣ эти долбящіе уроки товарищи?.. Дыханіе захватываетъ, жарко дѣлается, глаза горятъ, ощущеніе чего-то щекочущаго пробѣгаетъ по всему организму. Я самъ тамъ, съ этимъ европейцемъ-путешественникомъ, самъ стою съ ружьемъ и жду встрѣчи. И хорошо на душѣ, и поэтическіе сны роятся въ головѣ, и мысль далеко-далеко бродитъ, за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ.

Въ такомъ тридесятомъ царствѣ я былъ теперь и такъ-же жарко разливалась кровь по жиламъ, такъ-же порывисто дышалось... Совершенно тѣ-же ощущенія, тотъ-же неопредѣленный поэтическій восторгъ, только грезы становились дѣйствительностью, сны видѣлись на яву.

— Нашелъ одну саклю! — прервалъ мои мечты Магомадъ оглы.

Я послѣдовалъ за нимъ, съ кровли на кровлю. Какъ все это ветхо! На одной крышѣ нога моя провалилась внизъ, едва удер...ался на другой. Въ промежуткахъ между саклями чернѣли внизъ бездонныя ямы. Прежде здѣсь были переброшены мостки, теперь все это лежало далеко внизу, разрушенное, упавшее. Черезъ эти интервалы приходилось перепрыгивать.

Наконецъ, Магомадъ-оглы, шедшій впереди, провалился сквозь землю. Былъ—и нѣтъ его.

— Магомадъ!—крикнулъ я.

— Йо!... — послышалось, точно изъ погреба, внизу.

Пощупалъ ногой—отверстіе внизъ. Лѣсенка въ немъ. Ходъ въ саклю черезъ кровлю. Осторожно спустился туда. Тьма—хоть глазъ выколи. Добрался до пола. Что-то зашуршало мимо, хлопнулось объ стѣну, ударилось въ другую. Какія-то теплыя, точно шероховатою пленкой обтя-

нутыя крылья скользнули по лицу, скользнули внизъ вдоль груди. Опять два-три размета — и летучая мышь шарахнулась въ дыру кровли. Противное ощущеніе! На лицѣ точно зудъ. Даже холодный потъ выступилъ на лбу.

Щелканье огнива о кремень и брызги золотыхъ искръ въ черной, густой тьмѣ. Искры сыплются обильно. Запахло трутомъ, патертымъ порохомъ. Вонъ огонекъ рдѣетъ тамъ. Все ярче и ярче. Видно Магомадъ возится за нимъ.

— Да вѣдь у меня спички есть!—догадался я.

Зажгли топкую восковую свѣчку, бывшую со мной.

Голыя стѣны. Куча сора на полу. Что-то возится тамъ, только слышенъ шорохъ. Шорохъ и вдоль стѣнъ, въ которыхъ пустуютъ темными впадинами ниши. Склепъ, могила, только не жилье человѣка.

— Гдѣ-же тутъ спать?

Ни слова въ отвѣтъ. Магомадъ возится въ углу.

— Да чего ты ищешь тамъ въ углу, Магомадъ?

— Постой!

Что-то заскрипѣло, точно ржавыя петли..

Кунакъ мой отыскалъ люкъ.

— Это еще что за подземелье?

— Сюда пойдемъ!

И Магомадъ вторично провалился сквозь землю...

Я, разумѣется, послѣдовалъ за нимъ. Въ полу былъ входъ во вторую саклю. Когда я, въ свою очередь, провалился въ нее, свѣжій воздухъ пахнулъ мнѣ прямо въ лицо... Стѣна оказалась пробитой не окнами, а какими-то круглыми дырьями. Оттуда свѣтилъ сюда яркій мѣсяцъ, и ночная прохлада струилась вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ, курившимся въ долинахъ... Тутъ и на полу было чище, да и затхлость могильная не стѣсняла дыханія.

— Богатый хозяинъ былъ, хорошій человѣкъ... Кунакъ мой. Теперь умираетъ въ Турціи, должно быть...

И Магомадъ-оглы, насупившись, сѣлъ въ уголъ пустой сакли.

Тѣ-же пищи въ стѣнахъ... Днемъ тутъ, должно быть, филины да совы гнѣздятся... Ишь сколько перьевъ разбросано повсюду... Нѣжный пухъ мелкихъ пташекъ, вѣрно охотничья добыча ночного хищника... Свѣтъ лупы былъ такъ ярокъ, что мы затушили свѣчу. Какая-то черная тѣнь мелькнула въ окнѣ и исчезла... Вѣрно большая птица пролетѣла мимо... И опять тишина невозмутимая.

Я подошелъ къ бойницамъ... Эка ширь озаренная... Точно серебристый паръ заполонилъ весь этотъ просторъ... А все-таки жутко было при мысли, что вся эта скала можетъ разомъ рухнуть внизъ вмѣстѣ съ своимъ ненадежнымъ пьедесталомъ — карнизомъ изъ обвѣтрившагося гранита.

Тутъ вѣдь должна быть дверь... Вѣрно и балконъ есть... Въ одномъ мѣстѣ, дѣйствительно, что-то сквозило точно лезвіе. Оказался выходъ. Я осторожно пріотворилъ его... Мѣсяцъ ярко блеснулъ въ глаза и точно занавѣсъ приподнялся надъ всею этою окрестностью.

Признаюсь, впрочемъ, въ своей трусости. На балконъ ступить я не рѣшился. Можетъ быть, подпорки сгнили, долго-ли рухнуть! Все равно, и отсюда видны и разливы рѣки внизу, и бѣлыя стѣны аула, тоже оставленнаго горцами, и черные силуэты горъ, оставшихся въ тѣни, за свѣтомъ. Какая это чудная пустыня, какое поэтическое убѣжище... Право, вполнѣ становится понятно, что фиваидскіе отшельники не особенно должны были страдать въ своемъ добровольномъ заточеніи, гнѣздясь на вершинахъ скалъ среди пустыни.

Магомадъ-оглы упорно молчалъ.

Я завернулся въ пальто и рѣшился заснуть, не обращая вниманія на ящерицъ, если-бы имъ вздумалось скользнуть около...

Долго-ли продолжалось мое забытье—не знаю. Помню, что нѣсколько разъ открывалъ глаза, встрѣчая все туже яркую лунную ночь, и опять все мѣшалось передо мною... Будь тутъ снопъ камыша,—спатьбыло-бы удобно...

Но этотъ жосткій полъ давалъ таки себя чувствовать, особенно послѣ цѣлаго дня, за исключеніемъ двухъ-трехъ часовъ, проведенныхъ въ сѣдлѣ. Наконецъ, удалось заснуть.

— Кунакъ! Кунакъ!

Я открылъ глаза.

Надо мной наклонился Магомадъ-оглы. Мѣсяцъ билъ прямо въ лицо ему, и такое на немъ было странное выраженіе, что я разомъ приподнялся. Старикъ весь блѣдный, въ глазахъ не страхъ, а что-то растерянное, недоумѣлое...

— Что тебѣ?

— Уйдемъ отсюда, пожалуйста, уйдемъ!

Голосъ какой-то нервный сталъ...

— Это зачѣмъ еще?

— Шайтанъ здѣсь... Внизу шайтанъ есть!

Видимо, старается тише говорить, чтобы его никто не слышалъ. Едва уловишь звуки словъ.

— Вѣрно сова крикнула...

— Говорю тебѣ, что шайтанъ... Слышишь?

И онъ взялъ меня за плечо. Чувствую, какъ вздрагиваетъ его рука.

— Ничего нѣтъ!

— Постой!

Тишина полная, ни звука... Даже звонъ въ ушахъ подымается, какъ всегда, когда кругомъ царитъ непарушимое безмолвіе,—тотъ звонъ, что похожъ на отдаленное пѣніе стрекозъ въ жаркій лѣтній день подъ солнцемъ, среди застывшаго въ безвѣтріе зеленаго луга... Но вотъ... Что это?.. Дѣйствительно...

Я самъ замеръ... Страхъ-ли Магомада такъ заразительно подѣйствовалъ на меня, или дѣйствительно холодно стало, только меня проняла дрожь...

И опять ничего, и опять безмолвіе... полное, гробовое...

— Слышалъ?

Точно вѣтерокъ дунулъ въ ухо, такъ тихъ былъ голосъ моего товарища.

Я только кивнулъ головою... «Показалось», думаю. И опять... опять дрожь проняла.

Это не стонъ, не крикъ, а точно отголосокъ стона, отраженіе его... Шорохъ ящерицы по залитому лунным свѣтомъ пространству пола слышенъ, но тотъ тайный, легкій звукъ какъ-то прямо проходитъ къ сердцу, проникаетъ... Какъ онъ ни слабъ, но, казалось, если-бы мы даже кричали, шумѣли, ухо все-таки уловило-бы его... Точно вздыхалъ кто-то внутри горы, и вздохъ страдальческій, больной проходилъ сквозь камни невидимыми скважинами и трещинами въ оставленную саклю.

— Шайтанъ...

— Что за пустяки!—опомнился я.—Такъ что-нибудь!

Но тутъ мою руку схватила его рука, холодная, влажная. Чувствую, какъ пальцы его впиваются въ мою ладонь, и я вполнѣ понимаю его страхъ.

Стонъ слышится громче и на этотъ разъ уже не отголосокъ, а точно кто-то жалуется внизу... Такъ дѣти всхлипываютъ во снѣ...

Вѣдь и не вѣришь въ чертовщину, а волосы зашевелились на головѣ... На нервы дѣйствовало.

— Что-нибудь есть. Голосъ слышенъ именно снизу... Вѣдь не съ боку, не сверху, а снизу... Это—человѣкъ!

— Какой человѣкъ будетъ тамъ плакаться... Шайтанъ, говорю тебѣ.

— Магомадъ-оглы, есть внизу что-нибудь? Погребъ, яма, пещера, что-ли?

— Нѣтъ, такая-же сакля!

— И въ нее входятъ изъ нашей сакли?

— Вонъ оттуда!

Магомадъ тревожно указалъ въ уголъ.

— Такъ-же, какъ мы вошли сюда изъ верхней?

— Да.

— Тамъ что-нибудь есть... Это или женщина, или ребенокъ!

Магомадъ сталъ еще блѣднѣе и судорожно ухватился за меня.

— Ребенокъ... да... ребенокъ плачетъ... Бѣжать надо, слышишь... Скорѣй бѣжать... *Онъ* часто оборачивается ребенкомъ и плачетъ, а какъ сойдешь къ *нему*, зубами за горло схватитъ, прокуситъ и кровь выпьетъ... Да, это *его* плачъ, дѣйствительно что дитя всхлипываетъ...

— Магомадъ, твоя жена, должно быть, похрабрѣй тебя. Ты бы ужъ за одно бабьи шальвары надѣлъ. Вспомни, сколько тебѣ лѣтъ. Пристойно-ли старику, видѣвшему не разъ смерть лицомъ къ лицу, бояться призрака? Можетъ быть, тамъ мучится кто-нибудь, нуждающійся въ нашей помощи, такой-же путникъ, какъ и мы!

Старикъ нѣсколько оправился, но я видѣлъ, что на него надежда плоха. Даже равнодушіе его, съ какимъ онъ принялъ названіе «бабы», доказывало, что онъ сильно растерянъ. Въ другой разъ это не сошло бы мнѣ даромъ.

— Гдѣ входъ туда?

Онъ указалъ на уголъ, остававшійся во тьмѣ

Пришлось вздуть свѣчу. Пламя свѣтило тускло. Съ такимъ же скрипомъ приподнялась доска люка.

Каюсь, я не рѣшался войти туда. Точно устыдившись своего страха, Магомадъ-оглы приблизился и наклонился надъ отверстіемъ входа.

Это ужъ не стонъ... нѣтъ. Это слова слышны. Точно кто-то мечется въ недугѣ и усиливается говорить громче, когда мочи нѣтъ, и когда каждое слово его только вырывается изъ груди. Слушая этотъ ропотъ, такъ и представляешь себѣ, какъ должна судорожно подыматься и опускаться грудь, какъ вытягивается и выгибается шея несчастнаго прежде, чѣмъ онъ выдавитъ изъ нея хриплый звукъ.

Магомадъ уже совсѣмъ оправился. Онъ зорко смотрѣлъ внизъ и точно припоминалъ что то, бормоча про себя.

— Сандъ-ага!—крикнулъ онъ внизъ и прислушался. Стоны прекратились.

— Сандъ-ага!

Внизу кто-то заговорилъ, но такъ тихо... Этого, впрочемъ, довольно было Магомаду, и быстрѣе, чѣмъ я думалъ, онъ опустился внизъ. Я постоялъ-постоялъ и рѣшился туда-же отправиться, «провалиться».

Провалился и—остолбенѣлъ.

Куча соломы, должно быть, принесена недавно. Лунный свѣтъ сквозь дыру въ стѣнѣ такъ и бьетъ туда, выхватывая изъ мрака лицо трупа,—трупа неподвижнаго, синяго, но съ яркими, живыми, воспаленными глазами... Черные круги легли вокругъ нихъ, оттого они словно глядятъ изъ рамокъ, сосредоточивая свою силу. Горбатый носъ какъ-то заострился и поспѣлъ у ноздрей. Губы, землистыя, сморщенныя, едва видны изъ-подъ свалявшейся космами сѣдой бороды. Голый черепъ, угловатый, неровный, такъ и свѣтится. Въ первую минуту только черепъ да глаза и были различены мною.

Какая костлявая грудь! Лунный блескъ скрадывалъ впадины между ребрами. Выдѣлялись однѣ кости, точно скелетъ лежалъ передъ нами. Глазъ даже обманывался. Словно кости грудной клѣтки подымались и опускались судорожно. Видно, что старику трудно дышать было... Что-то хрипѣло у него внутри. А это развѣ не рука скелета? Вѣдь ни мускуловъ, ни жилъ не замѣтно. Ноги уходятъ въ темный уголъ.

— Сандъ-ага!

Онъ повернулся, и на минуту взглядъ его остановился на Магомадъ-оглы. Ни искры сознанія. Видно, что не узнаетъ его вовсе.

— Кто это?—спрашиваю.

Спутникъ мой молчитъ, пристально разглядывая лежащаго.

Поперегъ полосы луннаго свѣта, точно трепетавшей на полу, черная линія посоха и сума... А тамъ далѣе, въ тѣни, еще два глаза... Еще силуетъ... Неподвижно, опасливо выглядываетъ чье-то лицо.

Я взялъ за руку Магомада и кивнулъ туда.

— Айша!

И онъ подошелъ къ женщинѣ. На минуту лицо ея выдвинулось на свѣтъ, точно она хотѣла показаться Магомаду, и опять спряталось. Но совершенно достаточно было и этого, чтобы разсмотрѣть другой трупъ, другія закостенѣвшія черты... Только онѣ какъ-то дико выдѣляются изъ-за сѣдыхъ прядей волосъ. Лохмотья едва закрываютъ тѣло...

Какъ хрипло говоритъ она... Магомадъ кажется сильно взволнованнымъ. Неужели слезы, у него, у этого стараго дагестанскаго волка?

— Умирать вернулись сюда! — прерывисто сообщаетъ онъ мнѣ.—Умирать пришли изъ Турціи... На отцовскія могилы... Саидъ-ага большой человѣкъ былъ... Пять ауловъ у него подъ рукой считалось... А это Айша—жена!

И онъ опять распрашивалъ женщину.

— Тайно шли... по ночамъ. Боялись, что не пустятъ въ старый аулъ. А имъ только и всего — умереть на родной землѣ. Старикъ недѣлю ужъ боленъ. Жена ему помогаетъ.

— Отчего-же они не зашли сначала въ аулъ къ вамъ? Могли-бы отдохнуть тамъ.

— Вай-вай! Твоя голова да будетъ здорова. Что это говоришь ты? «Возьми свои мысли въ руки». Да ихъ-бы тамъ сейчасъ русское начальство остановило, и вмѣсто того, чтобы умереть здѣсь, они умерли-бы въ тюрьмѣ...

Саидъ-ага, не желая покориться русскимъ, выселился отсюда, со всѣмъ аломъ, въ Турцію. Здѣсь онъ былъ богатымъ человѣкомъ. У него ходили по лугамъ табуны копей, стада барановъ паслись въ окрестностяхъ. Вокругъ сакли его, внизу тамъ, на цѣлую версту раскидывались фруктовые сады. Виноградники сходили къ самой рѣкѣ, переливаясь съ полями пшеницы и посѣвами кукурузы... Онъ бросилъ все. Продавать землю, домъ, имущество было некому и некогда; ему не вѣрилось, что оставшихся заставятъ перейти на другія мѣста и построиться въ казацкихъ станицахъ. Саидъ-ага собралъ, что было, что можно взвалить на лошадей и ословъ, и

съ нѣсколькими вьюками отправился въ Турцію, уводя за собою дочерей и сына... Прошло восемь лѣтъ, и онъ возвратился назадъ, оставивъ дочерей въ гаремѣ какого-то паши, а сына зарѣзаннаго курдами, въ придорожномъ рву негостепріимной чужбины. Старика тянуло назадъ. Тамъ, среди малоазійскихъ равнинъ, ему грезилась постоянно родина, ея снѣговыя горы, ея благоуханныя долины. Только бы взглянуть на все это еще разъ—и умереть, умереть у себя, лечь тамъ, гдѣ легли цѣлыя поколѣнія его нѣкогда славнаго и могучаго рода... И вотъ онъ, словно травленный волкъ, прокрался сквозь кордонную линію, черезъ ахалцыхскій уѣздъ, вступилъ въ Закавказье, прошелъ Гурію, Карталинію, съумѣлъ проскользнуть назамѣченнымъ черезъ Тифлисъ, и все-таки пѣшкомъ, едва ступая своими старческими ногами, добрался до Дагестана. Воображаю, какъ шли сюда эти путники, мужъ и жена, старцы, опираясь о свои посохи, сгорбясь, шагъ за шагомъ. Сколько мѣсяцевъ должно было пройти прежде, чѣмъ они увидѣли эти скалы, эти полувоздушные карнизы, эти ласточкины гнѣзда, прежде, чѣмъ онъ остановился здѣсь на высотѣ, съ печальнымъ восторгомъ оглядывая окрестности, гдѣ нѣкогда онъ былъ властелиномъ и куда теперь возвращается безправнымъ нищимъ, хоронясь отъ свѣта Божьяго, отъ взгляда людского!..

Не такъ-ли загнанный, раненый звѣрь забирается по дальше въ свое логовище, чтобы молча, безъ стона, умереть на спокоѣ, не видя за собою погони, не слыша злобнаго лая остервенѣлой своры и безумнаго гиканья забрызганнаго кровью хозяина.

Говорилъ одинъ Магомадъ. Больной только хрипѣлъ; жена его молчала, опустивъ голову, точно она потеряла языкъ. Видно, что словъ не было передать всю тоску, всю муку своего сердца... Видно, что закостенѣла она отъ этой боли... Плакала-бы, да слезъ нѣтъ... Высохли давно, и внутри все жжетъ.

Сталъ сй Магомадъ про своихъ разсказывать, про род-

ныхъ, знакомыхъ,—и головы не подняла Видно, все въ ней замерло.

— Ахъ, вы бѣдные, бѣдные... Мой аулъ недалеко... Нужно перенести къ себѣ... Саидъ-агѣ не долго жить!.. А какой уздень былъ! Какъ мы съ нимъ вашихъ били! Въ пяти набѣгахъ вмѣстѣ участвовали. Съ Шамилемъ на Тифлисъ выходили... Да, было время! Точно солнцемъ въ голову ударитъ, какъ вспомнишь прежнее... Точно заслѣпитъ тебя... Великъ Богъ и Магометъ пророкъ его. Они знаютъ, для чего испытываютъ свой народъ!..

Глаза мои нѣсколько привыкли къ темнотѣ, и я различалъ, почти всю, женщину, сидѣвшую въ углу: голова ея какъ-то ушла въ плечи, приподнятыя вверхъ, руки сжаты были между колѣнями. Какъ должны были изголодаться они!..

Магомадъ-оглы далъ ей было мяса. Она только посмотрѣла на него и опять поникла...

— Абрекомъ былъ, всегда у Санда прятался... Могучій человѣкъ!.. Рабовъ у него были сотни... Три жены въ гаремѣ сидѣло... Самъ Шамиль (да успокоитъ Аллахъ святую душу его въ раю!) уважалъ Санда... А теперь— вонъ... Солома... Точно шакалы его оборвали кругомъ... Ай, Саидъ, Саидъ!.. Зачѣмъ мы еще живемъ, зачѣмъ Азраилъ не возьметъ насъ отсюда?.. Лучше бы насъ въ бою убили, чѣмъ такъ кончать!..

Я понялъ, что мое присутствіе, какъ бывшаго врага, не совсѣмъ удобно и непріятно дѣйствующимъ лицамъ послѣдняго акта этой потрясающей драмы изгнанія и смерти... Поднялся на верхъ, только до самаго утра не могъ заснуть. Передо мною возникалъ образъ этого умирающаго старика, жизнь, полная поразительныхъ контрастовъ. Приволье горскаго узденя, богатство, безшабашная жизнь смѣлаго воина газавата—и потомъ нищенство въ малоазійскихъ деревушкахъ, страдальческое паломничество на родину и безмолвная смерть въ оставленномъ аулѣ, нѣкогда кипѣвшемъ жизнью и силой, а теперь молчаливомъ, разрушающемся..

Умрутъ здѣсь старики, умрутъ въ саклях, гдѣ они выросли, гдѣ шумѣли ихъ дѣти, гдѣ умерли ихъ отцы...

Такой-же бродяга-туристъ, какъ я, случайно, черезъ нѣсколько лѣтъ, забредетъ сюда и на сгнившей трухѣ соломы найдетъ чьи-то разбросанныя кости... И никто ему не разскажетъ о величавой эпопеѣ страданій, совершившихся здѣсь, въ этихъ голыхъ, разваливающихся стѣнахъ ласточкины гнѣзда... И сколько такихъ костей разбросано по Дагестану, въ оставленныхъ аулахъ земли Адыге на восточномъ берегу Чернаго моря... Ростся въ нихъ голодный шакалъ... выклевываетъ мертвыя очи хищный воронъ и, словно торжествуя, каркаетъ съ высоты на весь просторъ этой грандіозной долины...

И только старикъ чугурчи, перебирая свою двухъ-струнную балалайку, вспомнитъ, что былъ когда-то великій уздень Саидъ-ага, и передастъ о немъ вольнолюбивой молодежи!..

Магомадъ только утромъ вышелъ изъ подвала. Онъ даже не взглянулъ на меня...

Спустя полчаса мы спускались внизъ. Надъ нами висѣлъ карнизъ оставленнаго аула. Въ солнечномъ блескѣ орлиными гнѣздами чернѣли сакли... Вонъ тамъ, сквозь эту черную продушину окна, смотритъ теперь умирающій... Голубое небо свѣтитъ ему... Вѣтерокъ заноситъ ароматы горныхъ цвѣтовъ въ его келью... И, въ агоніи, онъ станетъ вызывать свои дружины, что давно лежатъ въ горныхъ могилахъ, воинственный крикъ газавата въ послѣдній разъ надорветъ его грудь и, улыбаясь ангелу смерти, замретъ старикъ, воображая, что кругомъ звенятъ шашки, и льется кровь, что онъ бѣшено мчится впереди своихъ узденей, развѣвая по вѣтру священное знамя пророка!..

Молчаливо, покорно, безъ видѣній и грезъ сойдетъ за нимъ въ могилу Аіша... Развѣ-развѣ примерещутся ей ласковые голоса дѣтей, разсѣянныхъ на чужбинѣ... Пахнетъ благоуханіемъ тѣхъ розъ, которыя давнымъ-давно насадила она въ своемъ садикѣ... Такъ тоскнетъ по-

слѣдній лучъ заката, такъ медленно замираетъ далекая пѣсня!..

— Аллахъ этого не забудетъ!.. Неужели не исполнилась мѣра гнѣва его!—въ глухомъ, безвыходномъ отчаяніи шепталъ про себя Магомадъ-оглы, взбираясь на крутой гребень скалистой горы...

А яркое небо безоблачно; весело шумитъ потокъ, сбѣгая въ долину, еще веселѣе свищетъ птичка въ тутовомъ деревѣ.

И опять пахнетъ жасминами...

VI.

Еврейскій аулъ.

Дальше... грохотъ ручьевъ справа и слѣва.

Медленно подвигаемся мы по дну ущелья, слѣдуя за капризными извивами какой-то рѣченки. По ней въ эту пору вполнѣ безопасно прошла-бы курица, но шумитъ она такъ, что я порою вижу только, какъ мой Магома ротъ открываетъ, а словъ его не слышу вовсе. Попадаетъ въ русло камень, обломокъ какой-нибудь скалы—рѣченка пыжится непомѣрно, взмыливается вся, перебрасывается черезъ него громучими струями и, обѣжавъ препятствіе, долго еще злится и ворчитъ, вымещая свою досаду на мелкихъ кремняхъ, на золотистомъ пескѣ, наконецъ на насъ, неповинныхъ путешественникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, это ужъ становится невыносимо. То-и-дѣло обдаетъ мелкою водяною пылью или хлещетъ въ лицо крупными брызгами. Не знаешь, куда дѣваться. Попробовалъ я было взобраться на откосъ, но конь мой оттуда торжественно сползъ вмѣстѣ съ осыпавшимися глыбами земли и вслѣдъ за ними и я, и они очутились въ самомъ руслѣ. Тутъ и растительность была чахлая; только въ трещинахъ камня зеленѣли какіе-то кусты съ ярко-красными цвѣтами, отъ запаха которыхъ кружилась голова, да точно голубая эмаль по золоту, на

ярко освѣщенныхъ солнцемъ плѣшкахъ желтаго камня ласково улыбались намъ знакомыя сѣверныя незабудки.

— Что-жъ, скоро?—спрашиваю я у Магомы.

— Аулъ?.. А если я тебѣ скажу, развѣ ближе будетъ?—философствуетъ сумрачный горецъ.

— Должно быть, ты и самъ не знаешь?

— Пять поворотовъ, а тамъ долина. Изъ долины дорога вверхъ пойдетъ. Вверху и чулъ.

— Чулъ? Что это такое?

Деревни свои такъ называютъ евреи.

— Отчего же здѣсь такъ пустынно? Ни одного аула нѣтъ.

Хмуро оглянулся Магома.

— Не тебѣ спрашивать! И тутъ былъ аулъ,—взмахнулъ онъ на вершину довольно пологой горы, по откосамъ которой были разбросаны великолѣпныя купы орѣшниковъ и ясеней;—и тамъ аулъ стоялъ,—показалъ онъ головой на темное ущелье вправо, сплошь заросшее одичавшею чащею черешней и яблони. — Назади три пустыхъ аула оставили. Спроси у горнаго вѣтра, гдѣ ихъ жители. По чужбинѣ въ одиночку блуждаютъ, точно также-же, какъ чекалки бродятъ въ ихъ оставленныхъ жилищахъ. Вонъ этому шайтану привольнѣе и лучше, чѣмъ такому джигиту, какъ Сандъ-агѣ...

— Какому шайтану?

— Не видишь!

Прямо надъ нами словно повисла какая-то большая птица, широко разбросивъ крылья, серебрившіяся на солнцѣ. Большіе, круглые, золотые глаза смотрѣли на насъ и, вѣрно, ничего не видѣли. Встревожилъ-ли его кто изъ сырого и теплаго убѣжища въ нишѣ сѣрой скалы, или самъ онъ поднялся въ ущелье въ неурочное время? Магома нехотя вытащилъ ружье, до сихъ поръ мирно болтавшееся за спиною. Небрежно, словно не глядя, навелъ его—и тотчасъ-же загремѣли вокругъ пробужденныя нами окрестности. Направо и налѣво, впереди и позади — точно сотни выстрѣловъ. Гулко перехватываетъ.

Каждая скала, каждая гора отразила ихъ; въ каждую пещеру, слѣдуя по ея извилинамъ и постоянно повторяясь, ворвался этотъ грохотъ. А на пескѣ вздрагивалъ громадный филинъ-пугачъ, переводя маховыми крыльями и поминутно раскрывая клювъ, точно ему дышать было нечѣмъ. Еще болѣе неудомѣло-пристально смотрѣли на насъ его палитые золотомъ глаза. Даже и вѣки не смежались.

— Зачѣмъ ты это?

— Его жалѣть нельзя. Ты знаешь-ли, кто онъ?

— Птица!

— Какая! Тутъ прежде, давно это было, злое племя по горамъ сидѣло. Съ шайтаномъ дружилось, всякаго, кто попадалъ къ нему, живого въ огнѣ жарило и пожирало. Закли это племя не знало вовсе. Что звѣри, голое по лѣсамъ шлялось, а внизъ, въ долины, сходить не смѣло, потому что наши муллы заклялн его!

— Было у него оружіе? — заинтересовался я горною легендой.

— Нѣтъ. Дубьемъ дралось, камнями. Что наши мальчишки—изъ пращи. Стало намъ тѣсно, внизу мѣста не хватило, муллы велѣли въ горы идти. Пошли, только каждый кусокъ земли намъ съ бою доставался!

— Да вѣдь какъ-же они дрались, не камнями-же остановить васъ могли?

— Силы непомѣрной были. А главное—шайтанъ помогалъ имъ. Сегодня выстроимся, а ночью онъ, поганый, завалитъ аулъ каменьями. Навеземъ снизу земли для садовъ—червей пошлетъ или всю ее пескомъ занесетъ. Наконецъ, стали мечеть строить. Что за день сдѣлаемъ — ночью все рухнетъ!.. Самые умные муллы думали — ничего придумать не могли, пока не пришелъ одинъ ходжи, побывавшій въ Меккѣ. Ну, тотъ все сразу понялъ. Велѣлъ найти такого ребенка, за которымъ грѣховъ нѣту, да чтобы онъ единственный былъ у матери, да чтобы его отецъ святой жизнью былъ извѣстенъ, да чтобы на груди у ребенка луна, въ видѣ роднмаго пятна,

означалась. Десять лѣтъ искали — не нашли. Наконецъ, услышали отъ проѣзжаго еврея одного, что есть такая семья и ребенокъ такой, далеко-далеко, въ Кабардѣ самой. Что было дѣлать? Сказали ходжи. «Непремѣнно добудьте его», посовѣтовалъ. Пошли паши набѣгомъ. Много крови пролилось, сколько тысячъ человѣкъ убили—одинъ Аллахъ да Магометъ, пророкъ его, сосчитать развѣ могутъ. Разорили сто ауловъ, а мальчишку живьемъ добыли. Привезли къ ходжи. «Ну, теперь, говоритъ, начинайте строить мечеть, только внизу яму выройте». Вырыли. «Посадите туда мальчика, чернаго пѣтуха и бѣлую кошку». Посадили. «Заложите ихъ камнями сверху». Жалко было, да что-жъ дѣлать—заложили. «Теперь, говоритъ, выводите стѣны—прочно будетъ». И вѣрно! Прошла ночь—все цѣло, слышно только было, какъ шайтанъ по горамъ да по ущельямъ до утра плакалъ, что власти у него нѣтъ, что царство его отошло.

— Ну, а ребенокъ что-же?

— Ребенку что! Его душа—прямо въ рай. Люди видѣли, какъ черезъ три дня изъ этихъ самыхъ камней, которыми яма была заложена, вылетѣла зеленая птичка и прямо въ небо взвилась. Откуда ни возьмись, кинулся за ней черный коршунъ, — это шайтанъ былъ,—только съ неба его громомъ ударило, такъ и не удалось ему зеленую птичку добыть. Ну, вотъ, какъ достроили мечеть— и аулы начали въ горахъ ставить, шайтанъ уже ничего не могъ намъ дѣлать. Только дикое племя этого самаго святого ходжу поймало, сжарило и съѣло. Жирный былъ! Тутъ и случилось чудо великое. Всѣ, кто ѣлъ его или былъ при томъ, разомъ въ филиповъ обратились, и положено имъ плакать каждую ночь, такъ чтобы всѣ правовѣрные слышали, какъ они казнятся. Всей остальной твари повелѣно самимъ Аллахомъ ненавидѣть и убивать ихъ; оттого они днемъ ничего не видятъ. Выйди ночью въ садъ—не заснешь, какъ начнетъ плакать этотъ шайтанъ надъ тобою. До утра проплачетъ, проклятый. Вотъ здѣсь какое чудо было, и вотъ отчего въ горахъ такая

скверная слѣпая птица завелась! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ—пророкъ его!

Сообщивъ мнѣ горную легенду, Магома точно самъ испугался, что говорилъ такъ много. Брови нависли еще ниже, лицо стало еще сумрачнѣе, и точно закаменѣлъ человѣкъ — ни слова. Наконецъ, Магома мало-по-малу вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія.

— Ты меня прости! — извинялся онъ. — Много ужъ тутъ накопилось,—показалъ онъ на сердце. — Сюда подошло! — И онъ провелъ пальцемъ поперегъ горла. — А всего обиднѣе, что и между нашими отступники показались. Подъ урусомъ, видишь, жить спокойнѣе. Точно орелъ горный курицей сталъ!.. Такіе люди появились между нами, что за барана «могилу матери своей продадутъ и въ бороду мертваго отца плюнутъ». Вотъ какіе люди! Видно, на нихъ по ошибкѣ мать надѣла папаху, а не платокъ. Не даромъ у насъ поютъ про нихъ: «у кого шашлыкъ есть, у того вы работники; у кого есть буза, у того вы гости; у кого есть дѣвушки, у того вы просители. Не дадутъ ихъ—только плакать станете. Ой, вы, собачьи рты, саранча голодная! Папаха ваша—тряпка мельничная, ружья на плечахъ—стебли кукурузные!.. Когда другіе воевать пдутъ, вы за жирнымъ пловомъ сидите, дочери блудницъ!..

— Какіе люди нынче стали — срамъ сказать! — жаловался Магома. — За послѣднее время только одинъ племянникъ мой, Джафаръ, настоящимъ человѣкомъ оказался!

Я заинтересовался, что, по понятіямъ Магомы, соединяется съ представленіемъ о настоящемъ человѣкѣ. Оказалось, дѣло очень оригинальное. Джафаръ никогда и ничего не проситъ. Если что нужно, отправится тайкомъ въ чужой аулъ и самъ добудетъ оттуда. Ночью-ли, съ оружіемъ въ рукахъ, хитростью — только никакъ не съ согласія хозяина. Пить бузы Джафаръ можетъ, сколько угодно, и пьянъ не будетъ, потому что настоящій человѣкъ всегда долженъ быть трезвымъ, хоть-бы онъ цѣлый

бурдюкъ русской водки выпилъ. Враги всегда завидуютъ «его дыму», онъ храбрый молодецъ, и никто до сихъ поръ не рѣшался вызвать его на доказательства такой храбрости, потому что помнятъ, какъ онъ одинъ-на-одинъ горнаго медвѣдя взялъ. Посватался онъ за одну дѣвушку, да родные спѣсивы были. «Намъ, говорятъ, не надо бѣдняка. Пусть сначала пять коровъ купитъ», да и дѣвушка, говорятъ, другого любила. «Баба подлая тотъ, кто обращаетъ вниманіе на это».

— Вотъ тебѣ и на!—не удержался я.

— А по-твоему какъ: другого любитъ, такъ и уступить? Такъ можетъ сдѣлать только тотъ, на котораго «еще недавно шальвары надѣты!»

Джафаръ, оказывается, поступилъ какъ-разъ по рецепту трагическаго злодѣя Магомадъ-оглы. Онъ подобралъ трехъ сорванцовъ и среди бѣлаго дня, не выходя изъ аула, схватилъ несчастную дѣвушку на улицѣ. Пока сбѣжались на крикъ ея сосѣди и родные, онъ съ нею бросился въ ближайшую саклю. Хозяинъ ея, по горному обычаю, хотя-бы и не сочувствовалъ такому поступку, не смѣетъ отказать «храброму молодцу» въ пріютѣ и защитѣ, если не хочетъ прослыть «собачьимъ ртомъ» и «трусливою чекалкой». Двери заперли. Родные дѣвушки и знакомые стрѣляли въ саклю, старались выломать двери, орали во все горло, мать царапала себѣ лицо, рыдала, но «храбрый молодецъ» въ это время насиловалъ спокойно свою жертву, предварительно связанную его друзьями, такъ-что потомъ она поневолѣ должна была сдѣлаться его женою. Воображаю положеніе родныхъ, слышавшихъ отчаянные вопли дѣвушки... Ночью друзья «храбраго молодца» Джафара съумѣли его съ дѣвушкой припрятать. Черезъ нѣсколько дней на аульной площади зарѣзали нѣсколько быковъ, доставленныхъ Магомадомъ, угостили весь джамаатъ, а спустя двѣ недѣли отпраздновали свадьбу Джафара... И просто, и скоро!

— А если-бы дѣвушка и послѣ этого не вышла за него?

— Не можетъ этого быть! — рѣшительно оборвалъ Магомадъ.

— Какъ не можетъ?

— Очень ясно... Ты, какъ курица, что ночью во снѣ таракана видѣла, а, проснувшись, не понимаетъ, куда онъ дѣвался!.. Кто женится на обезславленной дѣвушкѣ? Кто рѣшится?.. Джафаръ-бы надъ нимъ всю жизнь смѣялся. «Я де полакомился медомъ, а ты ѣшь воскъ».

Таковъ идеалъ «настоящаго человѣка» Джафара.

— Въ прежнее время онъ-бы мюридомъ сталъ, у самаго-бы Шамиля былъ! А теперь такъ, даромъ пропадаетъ малый!.. Никакого ему дѣла по душѣ нѣтъ. Не все же чужихъ коней угонять. Настоящей «веселой игры» нѣтъ нынче, вотъ въ чемъ бѣда; не по обычаю живемъ. «Въ свой родъ чужого хозяина пустили», ну, и должны терпѣть, что онъ за собой и корову свою привезъ туда!» Да! Очень вы обидѣли насъ, очень! И зачѣмъ мы вамъ? Воевали-бы, какъ прежде, что-же это за война, что-же это за удалая потѣха, когда вы у насъ колыбели наши и могилы отцовъ, землю горскую забираете?

Миновали мы и пять поворотовъ, и наверхъ взобрались .. на хорошо протоптанную тропинку попали. Какая-то скрипучая арба медленно ползла впереди съ духтаръ-эмберъ-гухчеги, еврейской красавицей, старательно закрытой со всѣхъ сторонъ коврами, полагаю, что не отъ чужого взгляда, а скорѣе отъ солнца, потому что когда мы поравнялись съ этимъ Ноевымъ ковчегомъ, поставленнымъ на колеса, еврейская красавица выглянула оттуда, поразивъ насъ какимъ-то клювообразнымъ носомъ, сросшимися бровями и черными глазами, весьма не выразительными, въ видѣ двухъ коринокъ, вкрапленныхъ въ бѣлое тѣсто. Разумѣется, виски около глазъ черной щеголихи были разрисованы шариками и черточками... Удовлетворивъ свое любопытство, она исполнила горный обычай, опустивъ на лицо платокъ.

— Это вторая жена знакомаго еврея здѣшняго!—объяснилъ Магома, считавшій неприличнымъ кланяться женщинѣ.

— Какъ вторая? Да развѣ у евреевъ по нѣскольку женъ?

— Чего же ты удивился? По три есть!

Я, разумѣется, не повѣрилъ, зная, что многоженства у европейскихъ евреевъ не допускается, но потомъ самъ убѣдился, что горные кавказскіе евреи (законъ Моисеевъ не запрещаетъ этого) имѣютъ зачастую по три и по двѣ жены, въ чемъ, несомнѣнно, сказалось вліяніе племенъ, среди которыхъ врѣзались еврейскіе аулы.

— Одно у нихъ дурно,—соображалъ Магома,—наши жены мирно живутъ между собою, а у горскихъ евреевъ постоянныя ссоры. Потому мужья и стараются по разнымъ ауламъ разселить бабъ, и всю жизнь проводятъ, переѣзжая изъ одного аула въ другой. Нѣсколькими хозяйствами живутъ.

Мы пастигали мелкорослыхъ яшаковъ съ вязанками дровъ и хвороста; гналъ ихъ черномазый оборванецъ, громадная папаха котораго, несомнѣнно, была больше его самого. Тѣмъ не менѣе, у пояса болтался кинжалъ, а громкій голосъ мальчугана раздавался такъ самоувѣренно и смѣло, что даже Магома сочувственно улыбнулся, если можно счесть улыбкою какое-то вздрагиваніе сѣдыхъ усовъ.

— Настоящій мужъ будетъ. А между нашими такихъ мало.

— А это кто-же?

— Еврей.

— Съ чего онъ такой громадный кинжалъ надѣлъ?

— Это сынъ одного кунака моего, Мамре... Ты не смотри, что онъ малый... Этимъ самымъ кинжаломъ онъ разъ отъ волка отбился. И на дерево лѣзть не захотѣлъ, потому что у него орлиная душа. Стыдно бѣжать тому, у кого на головѣ не платокъ, а папаха, если у него въ рукѣ есть кинжалъ... Выростетъ — большой храбрецъ будетъ!

Еврейчикъ почтительно пріостановился, выждалъ Магомадъ-оглу и тихо привѣтствовалъ его словами: барухъ-

габо (да будетъ благополученъ вашъ пріѣздъ). Несмотря на самоувѣренность и мужество мальчика, въ глазахъ его просвѣчивалось грустное выраженіе, общее всему племени семитовъ,—что-то серьезное, недопускающее громкой шутки и слишкомъ безцеремонной веселости. На одномъ изъ осликовъ болталось ружье, вскинутое туда пастухомъ. Ослы ступали мѣрно, плотно вбивая копыта въ твердую землю и звонко позвякивая колокольцами. Яшаки эти были очень жирны, такъ и лоснились. Видимо, у хорошаго хозяина въ рукахъ. Дойдя до самой верхушки гребня и увидавъ внизу аулъ, они, точно предварительно спѣлись, словно по камертону, разомъ заорали на весь просторъ. Оглушили даже, такъ-что Магомадъ сплюнулъ въ сторону. Одинъ изъ этихъ пѣвцовъ былъ украшенъ лентами, кусочками алаго и желтаго сукна и множествомъ бубенчиковъ. Онъ шелъ впереди, служа для остальныхъ, такъ сказать, путеводителемъ. Зачастую, выйдя изъ лѣса, пастухъ пускаетъ такимъ образомъ стадо, и оно само, слѣдуя за вожакомъ, добирается до дому.

Добрались и мы, наконецъ, до вершины холма.

— Что это?—невольно воскликнулъ я, пріостанавливая лошадь.

Весь противоположный склонъ былъ загроможденъ саклями. Между ними—ни площадей, ни клочка сада. Одни узкіе переулки сплетаются, разбѣгаются и пропадаютъ въ кучахъ безпорядочно разбросанныхъ саклей. Сады и хорошо обработанныя поля точно рамкою окружали этотъ аулъ снизу. Глазъ не зналъ, на чемъ остановиться. Холма не было видно подъ этимъ муравейникомъ, кишѣвшимъ тысячами жизней и оглушавшимъ насъ могучимъ гуломъ громкихъ голосовъ. Какая разница съ татарскими аулами! Туда подъѣзжаешь — тишина полная. Тутъ точно каждый обитатель жалкихъ мазанокъ считаетъ своею обязанностью орать на весь этотъ зеленый просторъ. Словно золотыя пластинки, блистали подъ солнцемъ, уже заходившимъ, плоскія кровли саклей, выстроен-

ныхъ изъ камня, на грязи или на глинѣ вмѣсто цемента. Словно дырья, въ этихъ мазанкахъ чернѣли окна, лишенныя рамъ и стеколъ, только ставни болтались иногда на одной петлѣ... Груды камней взбирались однѣ на другіе, точно школьники, когда какой-нибудь шалунъ заоретъ: «мала куча!» и на опрокинутаго имъ мальченка валится, сломя голову, цѣлый классъ. Однѣ сакли точно перелѣзаютъ черезъ другія. Тутъ нѣсколько мазанокъ лѣстницей — маленькія на большихъ, а сверху ужъ совсѣмъ микроскопическія. Внизу даже не разсмотришь, точно ложкою размѣшанное мѣсиво. Цѣлое море плоскихъ кровель. И какъ все это людно! На улицахъ бѣгаютъ пестрыя толпы, женщины группами сидятъ на крышахъ, точно подъ страхомъ смертной казни запрещено имъ пребываніе дома. Румяные отблески заката, обливая багрянцемъ и золотомъ эту кипѣнь людного аула, еще болѣе жизни и красоты придаютъ ему. А тамъ дальше, за аломъ, маревомъ лѣснымъ идетъ зеленая понизь, и только розовой змѣей, блистая на излучинахъ своихъ расплавленнымъ золотомъ, вьется узенькая рѣченка, пропадая тамъ, гдѣ и лѣса кажутся какими-то сѣроватыми облаками... А еще дальше, только въ сторону, стали грандіозные силуэты главнаго хребта, вершины котораго огнистыми коронами и пламенными кострами сверкаютъ надъ закурившимися уже вечернимъ туманомъ долинами.

— Что-же это, неужели тутъ и мусульмане живутъ? — съ недоумѣніемъ указалъ я на минаретъ пестрой, точно желтыми и голубыми изразцами покрытой мечети.

— Нѣтъ. Это ихняя мечеть, еврейская.

— Синагога?

Оказалось, что горные евреи всѣ свои синагоги строятъ такимъ образомъ. Ихъ не отличишь издали отъ мусульманскихъ мечетей. Иногда онѣ и расписаны въ татарскомъ вкусѣ.

Еврейскій аулъ, куда мы столь торжественно всту-

пали, принадлежалъ еще недавно къ числу «немирныхъ». Онъ держался Шамиля, и между мюридами этого властелина кавказскихъ горъ было не мало храбрецовъ отсюда.

Магомадъ-оглу навстрѣчу слышались привѣтствія. Мусульманинъ, презирающій городского еврея, ненавидящій русскаго, съ видимымъ уваженіемъ относился къ горнымъ евреямъ. Вообще окрестное населеніе нисколько не отличаетъ себя отъ нихъ. Случились даже и невѣроятныя сближенія. Горцы отдавали дочерей своихъ замужъ за евреевъ, а зачастую и сами евреи, по мѣстному обычаю, силкомъ увозили красавицъ изъ мусульманскихъ ауловъ. При такихъ обстоятельствахъ иногда начинались безконечныя «канлы» съ убійствами, грабежами, преслѣдованіями; чаще-же враги мирились, и «прекрасная Елена» какого-нибудь горскаго аула оставалась въ саклѣ у похитившаго ее Париса изъ племени израилева.

Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ гуще была шумная толпа.

Подъ конецъ, не доѣзжая полуверсты до аула, мы двигались, точно подхваченные волною. Нельзя было повернуть ни вправо, ни влѣво; со всѣхъ сторонъ сплошная стѣна любопытныхъ, быстро переговаривавшихся съ Магомадъ-оглы. Сообщительность горныхъ евреевъ изумительна. Они сами выспрашивали насъ обо всемъ и, въ свою очередь, разсказывали свѣжія сплетни своего аула. Все это дѣлалось такъ добродушно, что не тяготило насъ! Эта болтливость была безъ назойливости. Интересовались они всѣмъ. Правда-ли, что турецкій султанъ истребилъ гяуровъ по всему лицу Порты оттоманской, правда-ли, что въ «Тыплизѣ» женщины перестали носить шаровары, а облеклись въ какіе-то широкіе зонтики? Правда-ли, что гдѣ-то въ теченіе трехъ дней видѣли звѣзду съ тремя хвостами, а бѣлая собака заговорила по-человѣчьи и войну провозвѣстила? Правда-ли,

что въ виду войны урусъ всѣхъ евреевъ заберетъ въ солдаты и заставитъ ихъ принять христіанскую вѣру? («Еще-бы не правда, — подтверждаетъ сосѣдъ: — самъ мулла Ибрагимъ сказывалъ!») А знаютъ-ли «многочтимые хахамы» (это—мы!) о томъ, что въ ихъ ауле́ нѣкая Шуманита только-что родила тройню, по мѣстному обычаю, лежа на землѣ. «И всѣ мальчики!» восторгались болтуны. Хозяинъ (т. е. мужъ) по этому поводу зажегъ у себя свѣчи и развѣсилъ по стѣнамъ золотыя бумажки съ именами разныхъ ангеловъ, которые и новорожденныхъ, и мать будутъ охранять отъ козней дьявола. Черезъ нѣсколько дней допустятъ къ ней женщинъ, и тогда «мы сообщимъ вамъ остальное!» успокаивали насъ евреи, точно судьба трехъ новыхъ гражданъ аула насъ интересовала въ одинаковой степени съ ними.

— Хозяинъ, вѣрно, позоветъ хахама на торжество обрѣзанія!—додумывались съ одной стороны.

— Онъ богатый. Куръ и гусей подадутъ вволю!—прибавляли съ другой.—Можете ѣсть сколько хотите!

— Мать два раза землю съ могилы пила!

— Не два раза, а одинъ.

— Ну, ты мало знаешь. Мнѣ сестра разсказывала!

Если роды очень трудны, то берутъ землю съ недавней могилы, разводятъ въ водѣ и даютъ выпить страдалицѣ. Не унимается боль—повторяютъ то-же средство, только еще глубже берутъ такую-же землю.

— Не знаете-ли вы, помогаютъ-ли отъ лихорадки перья бѣлаго пѣтуха?—добивался какой-то старикъ.

— Да развѣ они персы, чтобы лечить больныхъ?—возражали ему.—Ты-бы старухъ своихъ спросилъ!

— Да онѣ ужъ лечили. Не помогаетъ.

— А колдунъ аульный что-же?

— Двухъ барановъ требуетъ, безъ того не йдетъ.

— Ай-вай, двухъ барановъ! Чтобъ душа его бабки подавилась ими на томъ свѣтѣ!

— Чтобъ ему никогда не ѣсть курятины!

— Вотъ ужъ собачій ротъ, воронье брюхо. Чтобы сакля его отца обрушилась на его голову!

— Подожди, персы пріѣдутъ, они вылечатъ!

Магома потомъ мнѣ объяснилъ, что сюда въ горы пріѣзжаютъ своеобразные аптекари—персидскіе брадобрѣи, которые за одно продаютъ и лекарства. Впослѣдствіи уже я узналъ изъ записокъ Іуды-чернаго, что цирюльники эти пріѣзжаютъ изъ Персіи и открываютъ на аульныхъ базарахъ публичную продажу лекарствъ и снадобій, приготовляемыхъ изъ разныхъ травъ. Вся ихъ аптека заключается въ большомъ мѣшкѣ. Каждый медикаментъ завязанъ отдѣльно въ грязную тряпку. Относясь къ нимъ съ полнѣйшимъ довѣріемъ, кавказскіе горные евреи ни за что не обратятся къ окружному медику, подозрѣвая, что въ русскія лекарства подмѣшана свинина или что-либо трефное. Персидскіе медики-цирюльники, какъ разсказывали мнѣ въ аулѣ Гемейды, имѣютъ средства противъ всѣхъ недуговъ и несчастій. Они излечиваютъ безплодныхъ женъ и даже неспособнымъ мужьямъ возвращаютъ утраченныя силы. Злыя бабы могутъ быть укрощаемы настоемъ изъ травы, предписываемымъ цирюльникомъ, отчаянные пьяницы начинаютъ чувствовать отвращеніе ко всему хмѣльному, когда такой магъ и волшебникъ скажетъ имъ какія-то три магическія слова на ухо. Если мужъ подозрѣваетъ свою Пенелопу въ измѣнѣ, ему стоитъ только принять лекарство, и во снѣ онъ увидитъ всѣхъ ея любовниковъ; если жена, въ свою очередь, имѣетъ основаніе думать, что Менелай украсилъ ее рогами, стоитъ только прыснуть на спящаго водою, проданной персомъ, чтобы горный Донъ-Жуанъ въ бреду назвалъ имя разлучницы. Если супруги хотятъ имѣть именно мальчика, а не дѣвочку, персъ и тутъ посодѣйствуетъ таинственными чарами; къ нему-же обратится юноша, потерпѣвшій фіаско въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ, и т. д. Вообще персидскіе цирюльники здѣсь соединяютъ въ своихъ особахъ всѣ свѣдѣнія медицинскаго факультета, съ прибавленіемъ разныхъ волшебствъ,

которыя оставили-бы далеко позади популярную у насъ въ Петербургѣ дѣвицу Александрину.

Волна подхватившаго насъ народа внесла и коней, и всадниковъ въ узкій переулокъ аула. Тутъ зрители потѣснились, но навстрѣчу высыпали новые. Полныя любопытства лица мѣшались въ какое-то марево, такъ что у насъ головы заболѣли отъ устали. Можно было поручиться, что все населеніе жило постоянно на улицѣ. Тутъ мѣстный башмачникъ выдѣлывалъ чевяки, тамъ сердобольная мать откровенно подмывала своего ребенка. Въ сторонѣ на виду спалъ яшакъ, а у самаго брюха его столь-же апетитно похрапывали двое погонщиковъ. Въ переулкахъ, вливавшихся, подобно притокамъ, въ главную улицу, виднѣлись группы громко оравшаго и размахивавшаго руками народа. Если-бы я не былъ предупрежденъ уже, я-бы могъ подумать, что здѣсь случилось какое-либо необычайное событіе. На площадкахъ сидѣли кучи болтуновъ—и то-же оранье доносилось оттуда. Въ аулъ мы опять прошли сквозь строй вопросовъ, отъ которыхъ никуда не уйдешь, никуда не спрячешься. Магомадъ-оглы, сохраняя спокойствіе, невозмутимо отвѣчалъ, когда его спрашивали, не видѣлъ-ли онъ въ сосѣднихъ аулахъ шайтана, который, говорятъ, сбѣжалъ съ Мадлисской горы туда; не портитъ-ли этотъ шайтанъ бабъ по ночамъ, и что-же смотрятъ муллы: пора-де нечистаго возвратить опять на старое мѣсто жительства.

Въ открытыхъ лавкахъ засѣдали такія-же болтливыя толпы разнаго люда. Обыкновенно, когда не хватаетъ новостей и мѣстныхъ сплетенъ, горные евреи разсказываютъ другъ другу сказки о томъ, какъ Надиръ-шахъ во время оно разорялъ ихъ, какъ въ такую смутную пору еврейскаго настроенія являлись многоученые и добродѣтельные раввины, ради которыхъ Богъ спасалъ отъ гибели горское населеніе. Разумѣется, при семъ удобномъ случаѣ не обходилось безъ чудесъ. Острыя сабли персовъ отскакивали отъ священнаго пятикнижія, устра-

шенные небесными знаменіями враги отступали отъ синагогъ, не нанося вреда народу, запершемуся въ этихъ убѣжищахъ. Но вотъ нашло съ юга видимо-невидимо полчищъ Надиръ-шаха. Особенно персы ненавидѣли израиля, и народу божьему пришлось отъ врага жутко. Ихъ даже, и въ плѣнъ не уводили, а убивали. Что было дѣлать? Кала-чирахскій еврейскій джамаатъ думалъ, думалъ, да и рѣшился выселиться вонъ. Бросили свои сакли, свои сады, оставили кладбища, гдѣ лежали ихъ отцы и дѣды. Совсѣмъ опустѣлъ край. Задолго послѣ того мѣстный ханъ вздумалъ дворецъ строить. Чѣмъ тесать вновь камни да украшать ихъ выбивкой арабески, гораздо лучшимъ показалось ему воспользоваться надгробіями еврейскаго кладбища. Такъ и сдѣлали. Въ три дня и три ночи воздвигли ему громадное кала-чирахское Тюильери; краше этого дворца не было, ножалуй, ни въ Багдадѣ, ни въ Мосулѣ. Развѣ у падишаха въ Стамбулѣ да у Московъ-царя есть лучше дворцы. Да и то едва-ли!—сомнѣваются еврейскіе сказочники. Торжествовалъ ханъ это событіе три мѣсяца и, наконецъ, перебрался въ новыя палаты. Но тутъ ужъ начались такія чудеса, о какихъ ни одна душа не слышала. Разскажи хахаму — такъ и онъ, пожалуй, не повѣритъ, потому что ни въ одной книгѣ чудесъ такихъ не найдешь. Каждую ночь стѣны дворца оглашались рыданіями. Плакали камни! Мало этого, со всѣхъ ограбленныхъ кладбищъ еврейскихъ приходили сюда плакать мертвецы, лишенные своихъ надгробій. Кто проходилъ ночью, тотъ видѣлъ, какъ бѣлыя фигуры становились каждая у своего камня и, прислонясь головой къ нему, причитала до утра. Вѣтеръ разметывалъ во всѣ стороны ихъ волосы, разбрасывалъ бѣлые саваны, но не могъ заглушить ихъ отчаяннаго вопля. Наконецъ, черезъ недѣлю умерли ханскія дѣти. Ни одного въ живыхъ не осталось; послѣ нихъ умерли его жены; въ пятомъ актѣ этой горской мистеріи умираетъ самъ ханъ, всѣ его приближенные; все, что дышало въ этомъ дворцѣ,—все погибло. Не осталось ни одного коня, ни одного пса, даже

несчастныя кошки подохли. Послѣ того и мертвецы перестали посѣщать это гибельное для всего живого мѣсто. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ здѣсь попробовали вновь поселиться люди—и опять вымерли.

Развалины, говорятъ, стоятъ и до сихъ поръ, мрачныя и безлюдныя. Татары мимо нихъ и ходить боятся. Смѣльчака, пожалуй, мертвецы задушатъ, какъ задушили они хана, не пожалѣвъ ни жены его, ни дѣтей, ни садовъ, ни осла, ни всякаго скота его. Легенда объясняется очень просто. Камень на могилы употребляется здѣсь ноздреватый. Въ немъ, можетъ быть, сохранились испаренія отъ гніющихъ подъ тонкимъ слоемъ земли труповъ, и первые обитатели сказочнаго дворца въ знойное лѣто погибли всѣ отъ зараженнаго воздуха этого горскаго Тюильери.

Вотъ круто внизъ сбѣгаетъ узенькій проулочекъ. По правую и по лѣвую сторону его журчатъ ручьи по каменьямъ. Вездѣ сакли съ лавками и мастерскими. Оттуда гремятъ молоты, слышатся татарскія пѣсни, популярныя въ средѣ горскихъ евреевъ. Голые до пояса работники выскакиваютъ поминутно на улицу, поболтаютъ съ сосѣдями и опять за дѣло. И все это стремглавъ, все это сгоряча, точно надъ ними рушится крыша или земля проваливается подъ ногами. Переулокъ оказался, къ удивленію, вымощеннымъ, но не на радость намъ. Изъ сакель выливаютъ сюда всякую неподходящую жидкость. Поэтому спускъ до того скользокъ, что моя лошаденка раза два разъѣзжалась, широко раздвигая ноги. Наконецъ, толпа, сопровождавшая насъ, помогла горю. Нѣсколько человѣкъ уцѣпились за хвосты лошадей и въ то время, какъ послѣднія скользили внизъ, живые тормазы тянули ихъ за хвосты назадъ. Шествіе это было столь комично, что я нѣсколько разъ принимался хохотать, потѣшаясь надъ серьезною важностью Магомы, принимавшаго помощь сановито и благосклонно, какъ нѣчто достойное и неизбѣжное. При этомъ «носители хвоста» оглушали насъ криками, подобныхъ которымъ мы нигдѣ

не слышали. Я думаю, что отъ этихъ воплей другая, не горская лошадь давно-бы стремглавъ кинулась внизъ, оставивъ хвостъ, какъ трофей побѣды, въ рукахъ у нечистовыхъ горлановъ.

Чтобы понять оригинальность этой картины, представьте себѣ пестроту народа, горячій свѣтъ уже заходящаго солнца, обливавшій и насъ, и нашу свиту, и сѣрыя мазанки, и зеленую лѣсную долину внизу, и молчаливые силуэты туманныхъ горъ по сторонамъ.

А ночь ужъ наступала и, по мѣрѣ того, какъ гасла рѣка, какъ контуры лѣса теряли своеобразныя формы и сливались въ одно синевато-сѣрое море, какъ изъ-подъ нашихъ глазъ въ синія сумерки уходили узкіе переулки людnаго аула, какъ на западѣ розовая полоса все узилась и узилась, — смолкали и говоръ толпы, и бряцаніе бубенцовъ на ослахъ, шлявшихся на улицахъ, и пѣсни молодыхъ дѣвушекъ, ткавшихъ на кровляхъ своихъ сакель пестрые снурки, производствомъ которыхъ славятся еврейскіе аулы горнаго Дагестана... Скоро изъ тихаго, словно ползкомъ разбѣгавшагося гула громко выдѣлялся стукъ отъ копытъ нашихъ лошадей да гулъ рѣченки въ порогахъ. Толпы, провожавшія насъ, поотстали. Каждый торопился домой.

Сумерки сгущались... Чѣмъ ниже спускались мы, тѣмъ становилось сырѣе и прохладнѣе. Тутъ уже подымался туманъ... И вмѣстѣ съ туманомъ донеслось къ намъ благовонное дыханіе азалій, смѣшанное съ дивнымъ ароматомъ кавказской дафны... Скоро направо и налѣво сакли стали порѣже; мы выѣзжали на край аула, гдѣ жилъ кунакъ Магомадъ-оглы.

Вотъ въ туманѣ сверкнулъ огонекъ, и кто-то взялъ подъ уздцы мою лошадь.

— Барухъ-габо!..

— Шеломъ-алейхемъ...

Чувствую, что кто-то держитъ стремя; пора-бы съ лошади сойти, а голову такъ и клонитъ, глаза смыкаетъ дрема... Должно-быть, страшно затомился за весь этотъ

богатый впечатлѣніями день, да и запахъ цвѣтовъ душилъ до одури; а тутъ еще откуда-то только-что распустившимся миндальными деревьями нахнетъ!.. Или, можетъ быть, лавровишни зацвѣли... это ихъ густой ароматъ.

Послѣднее впечатлѣніе—какое то бородатое лицо внизу да крупная золотая звѣзда въ вышинѣ темно-синяго ночного неба... Потомъ унылая, за сердце хватающая пѣсня, но слышалъ-ли я ее дѣйствительно, или во снѣ приснилась—хоть убейте, ничего уже не помню.

VII.

Израиль воинствующій у себя дома.

Удивительно замираетъ мысль въ царствѣ горныхъ вершинъ.

Кругомъ все такъ громадно. Въ гордомъ величіи стоятъ эти гиганты, блистая снѣговыми коронами и подпирая недостигаемыя голубыя выси. Безпросвѣтною глушью лѣсною одѣты ихъ крутыя подножья. Вѣчно зеленые остролисты заполонили ущелья. Въ ихъ сыромъ и молчаливомъ сумракѣ мелькаютъ вѣтвисторогія головки красивыхъ козуль. Съ нагорныхъ скалъ гремятъ неугомонные водопады, неизвѣстно сколько тысячелѣтій долбя вершины сѣрыхъ утесовъ внизу, и бѣгутъ дальше кристальными ручьми. Вьется такой ручей по сырому лѣсу, пробивается сквозь массы гніющихъ вѣтвей бурелома, опрыскиваетъ холодною влагой громадные оранжевые грибы, точно шапки чьи-то, разбросанныя по мягкимъ низинамъ. А въ миндальную рощу попадаетъ—весь розовыми цвѣтами усыплется. И не видать чистыхъ струй подъ этимъ благоухающимъ слоемъ лепестковъ, свѣянныхъ тихимъ вѣтромъ съ вѣтвей, тутъ-же чуть-чуть вздрагивающихъ надъ ними. А тамъ, дальше, гдѣ миндальнымъ рощамъ конецъ, цѣлое море фіалокъ. Зайдешь сюда — спрячутся за раскидистыми вершинами обступившихъ тебя каштановъ гор-

ныя выси—и снова работаетъ мысль, снова чувствуетъ она свою мощь! И любо ей среди зеленаго царства, и привольно ей подъ этими тѣнистыми сводами.

Проснулся я рано, и первое впечатлѣніе было — эти чудныя горы съ каменнымъ великолѣпіемъ ихъ утесовъ, съ смутными призраками тумановъ, цѣплявшихся, мѣняя свои очертанія, за темныя скалы съ густою синью ущелій. Тянуло туда. Эта заманчивая синь особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на душу, она неизвѣстностью своей околдовываетъ. Вѣдь, знаешь, что и тамъ такіе-же плоскокровельные аулы, а чудится все-таки что-то сказочное, зовущее, невѣдомое. Тутъ точно все извѣдано, все опостылѣло, а настоящее поэтическое, ласковое, обязательное—тамъ, именно за этою таинственною синью.

— Хахамъ, хахамъ!..—послышалось позади.

Въ окно смотритъ кудлатая голова, за нею Магомадъ-оглы.

Въ саклѣ уже горѣлъ каминъ, и въ огнѣ его пыхтѣлъ и ворчалъ маленькій котелокъ. Точь-въ-точь лапландская тупа; изъ грубаго камня сложено устье камина, глиняная труба доходитъ до крыши. Закрываютъ ее также доской, придавливая ее камнемъ. Одно неудобство въ этихъ сакляхъ: въ нее не входить, а вползать приходится. Дверь низенькая. А изъ комнаты въ комнату еще и того хуже: какія-то норы, звѣриныя лазейки. За то чисто очень. Стѣны, видимо, смазываются часто известкой, глиняный полъ убитъ плотно, и на немъ нѣтъ никакого сора. Разная посуда такъ и блеститъ на полкахъ, высокіе кувшины по угламъ съ изящной рѣзьбой. Есть и серебряные, тѣ на виду красуются, вмѣстѣ съ громадными мѣдными подносами, на каждомъ изъ которыхъ легко могла-бы помѣститься одна изъ семи тучныхъ коровъ, видѣнныхъ во снѣ Фараономъ. И зеркала даже есть, но вродѣ пашихъ деревенскихъ, показывающія два носа вмѣсто одного, какое-то строфокамилово яйцо вмѣсто глаза и что-то вродѣ колосальнаго ежа вмѣсто кудлатой головы нашего хозяина. Вокругъ зеркала—шашки, писто-

леты, ружья, кинжалы, даже два турецкихъ ятагана. Пистолеты въ серебряной оправѣ съ чернью, ружья съ серебряной насѣчкой. Постели до потолка и сундуки одинъ на другомъ довершаютъ убранство комнаты. Кровля поддерживается деревянной балясиной, вродѣ очень не изящной колонны. Она вся увѣшана оружіемъ. Тутъ цѣлый арсеналъ. Горные евреи столь-же гордятся этими смертоносными орудіями, сколько гордятся ими чеченцы и лезгины. Оборванецъ изъ этого израиля воинствующаго, поражающій васъ невозможными лохмотьями, откровенно выказывающими всѣ прелести его сильнаго, хотя и не совсѣмъ краснваго тѣла, непремѣнно щегольнетъ парою пистолетовъ съ окованными въ серебро головками или великолѣпнымъ кинжаломъ съ сплошь унизанною бирюзою рукоятью. Тутъ, въ горницѣ, кунацкой, даже очень красиво было. Свѣтъ яркаго дня билъ прямо въ открытыя окна и выхватывалъ изъ сумрака пестрые разводы шелковыхъ матерій, развѣшанныхъ по стѣнамъ, пурпурныя наволочки круглыхъ цилиндрическихъ подушекъ, одѣяло изъ ярко-зеленой мови, и въ тысячи искръ дробился, скользя по цѣлому арсеналу разнаго оружія. Какая-то бабенка съ завѣшаннымъ лицомъ внесла и разослала кубинскій коверъ.

Если-бы я былъ настоящій хахамъ, т. е. еврейскій ученый, для моего пріема хозяева исполнили бы цѣлый рядъ церемоній. Цѣлый день меня осаждали-бы посѣтители толпами. Вся подноготная аула раскрылась-бы передо мною въ ихъ разсказахъ, потому что «гостю не должно быть скучно ни подъ какимъ видомъ». Въ свою очередь, и я бы долженъ былъ разсказать тысячу разъ, зачѣмъ, куда и откуда ѣду, и что я встрѣчалъ на пути, какіе народы видѣлъ, и какихъ обычаевъ эти народы держутся, сообщить всѣ новости видѣнныхъ мною странъ, разсказать о своей семьѣ и своемъ городѣ все, что знаю, толковать о политикѣ Фиренгистана, о коварствѣ инглиза, объ ученыхъ муллахъ, къ которымъ, несмотря на свою вѣру, евреи относятся съ величайшимъ уваженіемъ. Нель-

зя точно опредѣлить, къ кому они чувствуютъ больше почтенія — къ раввину или муллѣ, который пишетъ имъ всевозможныя бумаги, даетъ имъ совѣты, служитъ для нихъ чѣмъ-то вродѣ мирового судьи, посвящаетъ ихъ въ таинства магіи и чародѣйства. Хахама, если онъ бѣденъ, надѣлятъ деньгами и хлѣбомъ и проводятъ до слѣдующаго села, такъ что ученый раввинъ можетъ пропутешествовать по всѣмъ горнымъ ауламъ израиля воинствующаго, не истративъ ни копѣйки. Напротивъ, еще съ собою привезетъ небольшія деньги.

Хозяинъ мой оказался человѣкомъ очень недюжиннымъ. Это былъ настоящій типъ воинственнаго горца. Магомадъ-оглы рекомендовалъ его, какъ храбреца, не разъ во время оно схватывавшагося съ нами. Въ самомъ дѣлѣ, Мамре-ага (почему мой проводникъ произвелъ его въ «аги» — не знаю) изъ молодежи своего аула, въ отвѣтъ на призывъ Шамиля, составилъ небольшой отрядъ, который сильно безпокоилъ русскихъ. Къ этой отчаянной шайкѣ примкнули нѣкоторые окрестные мусульмане, вовсе не считавшіе позоромъ подчиниться вождю изъ племени израилева. Мамре-ага былъ не только воинственнымъ горцемъ, но и ловкимъ шпіономъ считался, — разумѣется, для своихъ. Явится, бывало, въ русскія войска подъ видомъ торговца, высмотритъ все, не упуститъ случая съ выгодой распродать барановъ или битую дичь, а ночью — руководитъ набѣгомъ и самъ во главѣ своихъ узденей вихремъ врывается въ успѣвшія построиться и ощетинившіяся штыками колонны. На лбу и на щекѣ у Мамре до сихъ поръ громадный рубецъ багровѣетъ — слѣдъ отъ сабельнаго удара лихого кубанца, который, впрочемъ, самъ попался ему въ плѣнъ и цѣлую недѣлю высидѣлъ у него въ ямѣ подъ саклей. Нужно было посмотрѣть на яму, чтобы убѣдиться, какъ скверно здѣсь было плѣнному. Земляныя стѣны, окно сверху, если считать окномъ дыру какую-то, — ничѣмъ не лучше бухарскаго клоповника. Сверху въ дождь льетъ, а вздумается хозяину или остервенѣвшимъ бабамъ закрыть отверстіе доской — хоть за-

дохнись тамъ, среди невыносимаго смрада и безпросвѣтной тьмы.

— Ну, а потомъ что-же было?

— Заболѣлъ, совсѣмъ съ лица опалъ: заговариваться сталъ. То пѣсни поетъ, то плачетъ,—ну, и пожалѣли его!

— И умеръ?

— Нѣтъ, мы его взяли оттуда. Вывели, въ саклѣ жилъ. Только на цѣпи. Потомъ Гаджи Мурату продалъ его!.. Пять тумановъ взялъ.

И все это совершенно равнодушно, точно онъ медвѣдя поймалъ, подержалъ его на цѣпи, а потомъ и сбылъ выгодно любителю.

— Зачѣмъ-же больного-то на цѣпь сажать?

— Да развѣ онъ баба?.. Онъ мужчина. А мужчину только цѣпью въ плѣну удержишь. Не обрѣжь орлу крылья, выше облаковъ подымется, такъ и «настоящій человѣкъ»!—изумлялся моей недогадливости Мамре-ага.

Я сталъ было ему объяснять, что за границей плѣнныхъ освобождаютъ на честное слово.

— Вотъ еще что выдумалъ!.. Это не мужи, это бабы, только они по ошибкѣ папахи надѣли. Имъ бы канаусовые шаровары, да замужъ ихъ отдать!.. Что они, развѣ курицы? Въ курятникѣ и свободно, только ястреба тамъ не удержишь. Только для курицы въ курятникѣ довольно мѣста. Воробью отвори клѣтку—и онъ вылетитъ на свободу!

Мамре-ага славился особеннымъ искусствомъ устраивать засады. Тутъ по всѣмъ окрестностямъ у него не было соперниковъ. Разсказывали про такіе случаи, гдѣ не зналъ я, чему удивляться, дерзости этого израильскаго кондотьери или его мужеству. Во главѣ пяти-шести человѣкъ ему удавалось пробираться за русскую цѣпь, въ районъ, занятый отрядомъ, и тамъ, высиживая по десяти, двѣнадцати часовъ въ кустахъ или въ травѣ, выхватывать нѣсколько жертвъ. Разъ, такимъ образомъ, онъ выцарапалъ чуть не изъ середины лагеря какого-то юнаго офицерика, который, впрочемъ, не долго былъ въ горахъ.

Повторилась исторія «Кавказскаго плѣнника». Русскій бѣжалъ изъ аула въ сопровожденіи одной изъ мѣстныхъ красавицъ.

— Одно скверно, когда ваши съ собаками приходили. Тогда нельзя было. Собаки все вынюхаютъ.

— Этакая собака одна цѣлаго отряда стоитъ!..—прибавилъ Магомадъ-оглы.—У нея сердце и мозгъ — человѣчьи!—философствовалъ онъ.

— Она не только въ бою, она и такъ выискиваетъ горцевъ, слѣды открываетъ, за версту его чувствуетъ.

— А когда до драки дѣло дойдетъ, собака впереди. Прямо за горло хватаетъ. И любили-же ихъ ваши солдаты! Раненыхъ изъ бою выносили, лечили въ лазаретахъ своихъ. Холодно—подъ шинелями держали. Съ солдатами собаки эти спали вмѣстѣ, ѣли изъ одной чашки. Разъ мнѣ удалось живьемъ захватить такую въ одномъ набѣгѣ. Привезли домой, думали къ себѣ пріучить. Нѣтъ! Ничего не ѣстъ, только воетъ все, а подойдешь—зубы скалитъ и въ горло вцѣпиться норовитъ. Застрѣлили. Что съ ней дѣлать было иначе?

Я думаю, впрочемъ, что собаки эти могли бы ѣсть и изъ одной посуды съ израильтянъ воинствующимъ. До чего неопрятны здѣсь евреи горные—представить себѣ нельзя. Я остановился въ саклѣ зажиточнаго человѣка, но и у него ни котлы, ни подносы, ни тарелки не были вымыты вовсе. Запахъ отъ всего отвратительный, такъ что ѣшь поневолѣ, не желая обидѣть хозяина, который считаетъ оскорбленіемъ отказъ гостя отъ скверно и неряшливо-приготовленной похлебки. Къ тому же, и чесноку во все они валятъ сверхъ мѣры. Вина вамъ подадутъ — и стаканъ найдется, но въ стаканѣ этомъ грязи, мухъ, гадости всякой цѣлыми слоями налипло. Вымойте—на васъ посмотрятъ съ удивленіемъ, какъ на большого чудака и брюзгу. Вотъ-де охота человѣку возиться напрасно! Пожалуй бы, обидѣлись даже! Деревянные кружки, на которыхъ подаются рыба, рисъ и т. д., насквозь жиромъ пропитаны; еще остатки вчерашней трапезы, насохшіе на

нихъ, не отскоблены, а хозяйка преравнодушно валитъ новое варево. Притомъ, не менѣе отвратительный обычай, по которому передъ началомъ обѣда глава семьи собственноручно рветъ чуракъ (хлѣбъ) на куски и кидаетъ эти куски присутствующимъ. Тѣ ихъ ловятъ на-лету.

— Дай тебѣ Богъ всякаго благополучія! — отвѣчаетъ гость и сейчасъ-же проглатываетъ такой кусокъ. Я это дѣлалъ, стараясь не смотрѣть на руки своего амфитріона, который, повидимому, страдалъ водобоязнью, а объ мылѣ и помину нѣтъ.

— Примите, дорогіе гости!..

Вы оглядываетесь; за вами цѣлая процессія бабья разнаго, притомъ прегнуснаго вида, со всевозможными яствами, отъ которыхъ разитъ и прогорклымъ масломъ, и лукомъ. Тутъ и баранья похлебка, гдѣ курдючьяго сала больше, чѣмъ навара, и пловъ опять съ неизбѣжнымъ курдючьимъ саломъ, и мясо съ чеснокомъ, и вареныя въ сахарѣ яблоки и сливы. Послѣднее не совѣтую пробовать. Въ это «сладкое» евреи обильно прибавляютъ того-же универсальнаго курдючьяго сала. Больше всего въ ихъ обѣдѣ понравились мнѣ удивительно-ароматическія травы, которыя ѣдятъ съ хлѣбомъ.

Удивительно, сколько можетъ съѣсть еврей во время праздничнаго обѣда, какимъ считается обѣдъ, устраиваемый по поводу пріѣзда гостя. Куда нашимъ извощикамъ на постоялыхъ дворахъ! Тутъ — безъ конца. Пять разъ обнесутъ пловомъ, по три разъ за хинкалъ принимаются. На кутумъ насядутъ—все уничтожатъ, что подано, а въ антрактахъ, для разнообразія и возбужденія аппетита, головки лука и чеснокъ — нещадно истребляются! А тотъ-же еврей въ будни у себя за столомъ, кромѣ чурека да чеснока, ничего не видитъ и сытъ, и доволенъ бываетъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что такихъ растяжимыхъ желудковъ ни у кого нѣтъ.

Большое вниманіе и особенная честь со стороны хозяина, если онъ самъ, собственными своими пальцами, разорветъ для васъ вареное мясо на куски или точно

такимъ же порядкомъ предложитъ вамъ копченую рыбу... Еще странный обычай. Встрѣчая евреевъ въ Россіи, и особенно въ западныхъ губерніяхъ, вы привыкли къ ихъ умѣренности. Народъ трезвый; пьяный еврей—рѣдкость. Нравы израиля воинствующаго не таковы. Вино они пьютъ до остервенѣнія. Тосты провозглашаютъ одинъ за другимъ.

Право, подумаешь, что это наша братья славяне.

— Здоровье твоего дѣда! — обращается къ вамъ хозяинъ, когда весь наличный составъ болѣе близкихъ родныхъ истощенъ.—Хорошій человѣкъ былъ! — заключаетъ онъ, точно очень близко знакомъ съ нимъ былъ.

— Большой джигитъ!—прибавляетъ другой, думая, что все это вамъ доставляетъ особенное удовольствіе.

Пьютъ всѣ, желая здоровья вамъ и мирно почившему предку вашему. Вы пробуете объяснить, что «большой джигитъ» давнымъ-давно въ землѣ сырой. «Ну, все равно, *тамъ* ему будетъ лучше»!..—И они благочестиво возносятъ очи горѣ.

— За кунаковъ кунака твоего! За братьевъ друга твоего!

Пьютъ.

— Чтобы пистолетъ твой никогда не далъ осѣчки!

— Чтобы въ полѣ у тебя кукуруза всегда родилась!..

— Пусть Господь пошлетъ ангеловъ въ сады твои!

И за ангеловъ пьютъ.

— На посрамленіе твоихъ враговъ!..

— Чтобы подъ ними лошадь всегда спотыкалась!

И по поводу враговъ выпили.

— Чтобъ твоя папаха дольше носилась!

Бываютъ очень не подходящіе тосты, весьма скабрезнаго содержанія, недоказывающіе, чтобы израиль воинствующій былъ особенно на языкъ воздержентъ.

Только за женщинъ не пьютъ. Большой нескромностью считается о женщинахъ говорить или интересоваться здоровьемъ жены, дочерей, сестеръ... И рады вы, когда, наконецъ, пирушка заключается послѣдними тостами, и охмѣлѣвшіе, но неизмѣнно хранящіе восточную солид-

ность гости или расходятся, или похрапываютъ у стѣнъ, опираясь на мягкія подушки, до тѣхъ поръ, пока сыновья не растащутъ ихъ по домамъ. Дѣлается это въ сумерки, потому что горецъ ни за что не покажется на улицахъ своего аула пьянымъ среди бѣлаго дня. Это считается большимъ позоромъ. «У него соломенныя ноги!» говорятъ про такого.

Подъ вечеръ, когда синимъ сумракомъ окутало окрестности, и вся гора уже засвѣчивалась огоньками, робко еще боровшимися съ послѣдними отсвѣтами отгорѣвшаго дня, у дверей сакли послышалось громкое ржанiе коней и говоръ многихъ голосовъ. Видимо, совершалось что-то важное, потому что бывшiе въ саклѣ встрепенулись и зашептались.

— Должно быть, наши пріѣхали!.. Съ погони!..

Въ саклю почтительно вошло четверо молодыхъ людей. Красавецъ къ красавцу—точно на подборъ. Вотъ бы питерскимъ барынямъ показать! Черты тонкія, красивыя, складъ тѣла сильный, но стройный. Плечи широкія, талія въ перехватъ.

— Ну, что, выслѣдили?

— Нашли... Лисица показала хвостъ!

— Что-жъ вы ее не поймали?.. А еще молодцами называетесь! Вамъ бы у аульной печки хлѣбы печь съ бабами да сплетничать съ ними, да мѣрять, у кого шаровары шире... Ой, вы!.. Еще жениться собираетесь. Да васъ бабы иголками обидятъ, и жаловаться вы на нихъ побѣжите своей бабушкѣ или матери... Безсовѣстные!.. Васъ бы посадить на яшаковъ, лицомъ къ хвосту, да и провезти такъ по аулу. Дѣвки блудливыя!..

Молодежь молчала.

— Или она васъ хвостомъ напугала, лисица эта?

— У лисицы лисенятъ много...

— Что-жъ, они шайкой одной?

— Вмѣстѣ всѣ. Два дыма было, а за каждымъ дымомъ по шести человѣкъ сидѣло. За подмогой вернулись!

Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Оказалось потомъ, что

украденную дѣвушку отбивать собирались. Похитители прятались въ окрестностяхъ. Преслѣдователи натянулись на нихъ, да спасовали. За двумя кострами двѣнадцать удальцовъ оказалось.

— Что-жъ, она плачетъ?

— Какое,—смѣется! Поди, говоритъ, скажи роднымъ, что не хотѣли отдавать по согласію, я и такъ обошлась!

— Говорили отцу?

— Нѣтъ... «Арисъ» (жепихъ законный, отъ котораго она бѣжала) въ аулъ послалъ. Совсѣмъ потерялъ голову, бѣдный!

— Чего-же вы сюда-то сунулись?

— Да вашихъ храбрецовъ звать пришли!

Двое племянниковъ хозяина вызвались ѣхать. Понятно, что и я не могъ пропустить этого зрѣлища, тѣмъ болѣе, что оно скорѣе походило на оффенбаховскую оперетку, въ который недремлющіе стражи порядка, messieurs les carabiniers, проходятъ мимо самаго носа разбойниковъ, великодушно ихъ не замѣчая, чѣмъ на настоящую трагедію съ воплями и стонами, съ кинжальными ударами, кровью и чадомъ пожарищъ... Дѣло должно было окончиться неизбѣжно миромъ. Погоня была формальностью. Только слѣдовало попытаться отбить украденную родственницу, которая недѣли черезъ три, все равно, сама явится. Да и всякій изъ преслѣдователей при подходящемъ случаѣ сдѣлалъ бы то же самое.

Когда мы вышли садиться на лошадей, ночь уже зажгла въ темныхъ небесахъ миріады своихъ неугасимыхъ лампадъ, и вой чекалокъ уже замиралъ въ глуши окутанныхъ мракомъ ущелій... Было свѣжо, хорошо, пахло скабіозами, лошади бодрились и постукивали копытами о землю. Въ аулѣ блистали огоньки... Гдѣ-то слышалась гортанная пѣсня, и какія-то струны трепетали медлительно и нѣжно. «Другъ мой, другъ далекій, вспомни обо мнѣ!» такъ и хотѣлось крикнуть прямо въ лицо этой холодѣющей ночи...

VIII.

Оффенбаховскіе разбойники и еврейская самокрутка.

Ахъ, какая это была чудная ночь...

Наши кони, сторожко храпя и потряхивая головами, поднимались въ горы. Путь былъ крутъ, такъ что лошади буквально цѣплялись за каждый выступъ камня передними ногами, упираясь въ твердую почву задними. Сучья съ благовонными цвѣтами хлестали въ лицо, и немудрено: среди этого теплаго мрака тропинка казалась черною щелью. Не различишь, гдѣ нагнуться, гдѣ нѣтъ. Ни одной звѣзды вверху, потому что вершины деревьевъ переплетались въ непроницаемые своды. Тамъ слышался порою тихій шелестъ, хотя вѣтра и въ поминѣ не было. Точно размахъ какихъ-то мягкихъ крыльевъ порою мимо ушей. Разъ что-то теплое, мягкое, бархатистое ударило мнѣ прямо въ щеку и съ тихимъ писком шарахнулось въ сторону. Противное ощущеніе — должно быть, летучая мышь. Въ черной чащѣ порою бриллианты, изумруды и яхонты вспыхивали, смѣшиваясь съ золотистымъ блескомъ желтаго топаза и краснаго рубина. То по одиночкѣ, то кучками, точно въ воздухѣ дрожатъ и мерцаютъ головные уборы лѣсныхъ сильфовъ. Посвѣтитъ, посвѣтитъ, перемѣнитъ нѣсколько цвѣтовъ и вдругъ потухнетъ, точно водою вспрыснутая искра. Одинъ поворотъ тропинки—и новая чудная деталь этой великолѣпной картины. Тихо журчитъ лѣсной ручей, сонно, медлительно, словно спать ему самому захотѣлось, словно эта молчаливая ночь унимаетъ его шаловливыя серебряныя струйки. Надъ нимъ вьются нѣсколько свѣтляковъ, и отраженіе ихъ зыблется въ водѣ; ни позади, ни впереди ручья не видно, только одинъ этотъ лоскутокъ...

Тропинка все круче и круче. Приходится, чтобы не тянуло назадъ, нагибаться къ самой шеѣ коня.

— Сойти съ лошадей надо!—говоритъ мнѣ увязавшійся за нами Магомадъ-оглы.

— Зачѣмъ?

— Трудно... Вонъ впереди всѣ уже пѣшкомъ идутъ. Только подъ уздцы возьми!

Такъ и сдѣлали.

Наверхъ, дѣйствительно, трудно было подыматься, тѣмъ болѣе, что подъ ноги совались постоянно, должно быть, узловатые, свившіеся, какъ змѣи, корни деревьевъ. Натянешься и летишь лицомъ въ сочную траву. Да и подозрительное шуршаніе какое-то по сторонамъ слышится. Не змѣи-ли, не даромъ самая гора называется Змѣиной?

— Что, развѣ тутъ змѣй много?

— Прежде было... Царь ихній жилъ на этой горѣ. Въ пещерѣ...

— Кто-жъ его видѣлъ?

— Никто. Только и до сихъ поръ въ этой пещерѣ золотыя кольца да битую посуду, изъ которой ѣлъ онъ, находятъ... Могучій царь былъ. Могъ всякій образъ принять на себя. И волкомъ, и лисицей, и чекалкой, и медвѣдемъ. У него на головѣ три короны блистали: одна рубиновая, другая яхонтовая, а третья алмазная... Большой былъ царь. Каждый день ему по три мальчика и по три дѣвочки приносили, за то змѣи не трогали никого. Ваша Миріамъ (Богоматерь) помогла. Дочь одного священника должна была идти на съѣдѣніе змѣиному царю. Ну, отецъ молиться сталъ. Миріамъ приняла ея образъ и вмѣсто нея пошла къ змѣѣ. Какъ увидѣлъ ее змѣиный царь, дрогнулъ и въ самое нутро горы вползъ со всѣми своими подданными. Изъ пещеры въ «сердце» горы жила тянулась. Ну, тогда Миріамъ заклята змѣй, чтобы онѣ вышли изъ своей тюрьмы только тогда, когда кто-нибудь на этой горѣ храмъ ея разрушитъ...

— А развѣ здѣсь есть церковь?

— Древняя стоитъ... Пустая давно...

— Магомадъ-оглы, будь другомъ, покажи...

Въ моемъ воображеніи такъ и возникла разомъ поэтическая картина развалины въ темномъ царствѣ этого дремучаго лѣса.

— Послѣ... Вотъ догоннмъ невѣсту, а тамъ видно будетъ.. Да они далеко еще, развалины эти. Ну, какъ закляла Міріамъ змѣй, ни одна не показывается здѣсь. Только какъ заночуешь на горѣ, такъ ночью слышится, какъ внутри, далеко, далеко подъ землею, что-то шуршитъ, и стонетъ, и шикаетъ, и свищетъ. Это онѣ... Это царь змѣиный ищетъ выхода, да не находитъ его и шипитъ отъ злости. А то волкомъ въ горѣ завоетъ или, какъ ребенокъ, плакать начнетъ. Тоже на свѣтъ выйти хочетъ. А то у него тамъ дня нѣтъ, все ночь, хоть и живетъ онъ въ алмазныхъ палатахъ, гдѣ чудесныя звѣзды горятъ...

Иногда по сторонамъ болѣе зловѣщіе звуки слышались. Что-то тяжелое, грузное, массивное шарахнулось отъ насъ въ чащу, такъ что долго послѣ того трещали сучья, все тише и тише, и замиралъ шорохъ встревоженнаго звѣря. Хорошо еще, если такимъ образомъ кабана вспугнешь, а то вѣдь въ эти горы зачастую и тигръ жалуетъ, а про леопарда и толковать нечего—постоянный гость. Выхватить же изъ насъ любого и труда особеннаго нѣтъ... Оружіе за спиною, бредемъ черезъ силу, темно, и не увидимъ даже, какъ не досчитаемся товарища. Положеніе скверное. Даже передовые остановились, видно переговариваются, что дѣлать?..

— Въ прошломъ году также мохнатый чортъ унесъ Абдулъ-Рахима. Потомъ только обрывки платья, папаху да кости нашли!

— А помнишь, какъ здѣсь звѣрь русскаго чиновника попортилъ?

Толковали, толковали и не нашли ничего лучшаго, какъ зажечь сучья какого-то сильно пахучаго смолистаго дерева и съ этими импровизированными факелами идти впередъ. Всѣ остановились на нѣсколько минутъ. Слышимъ, какъ ломаются вѣтви. Лошади пугливо храпятъ, а ночь еще чернѣе, еще непроглядиѣе...

Вонъ вспыхнуло ярко-красное пламя. Другой огневой языкъ выхватилъ изъ тьмы сѣрые стволы какихъ-то су-

мрачныхъ великановъ; третій еще дальше загорѣлся, освѣтивъ какое-то бородатое лицо, сіяющее самой беззавѣтной дѣтской улыбкой. Чертвертый прямо передъ понуренной мордой вороного коня. И трещатъ сучья, и раскидываютъ по сторонамъ снопы яркихъ искръ. Вмѣстѣ съ свѣтомъ послышались шутки. Кое-гдѣ смѣхъ, громкій, откровенный. Дали и мнѣ цѣлый пукъ смолистыхъ вѣтвей; зажегъ у Магомада; смотрю—надо мною въ вышинѣ висятъ, какъ борода, длинныя волокна чужеядныхъ, перебрасываясь съ одного дерева на другое. Такой длинной бахромы, пожалуй, и надъ тронами средневѣковыхъ сюзереновъ не колыхалось съ ихъ торжественныхъ катафалковъ. Теперь вся тропинка съ ея извивами намѣчивается чудесно. Вонъ огоньки впереди повернули вправо, круто повернули, точно мы назадъ собираемся идти. Вотъ налѣво взяли... Какіе-то сѣрые камни по сторонамъ. Неужели близка вершина, что пошли утесы? Мой факелъ освѣщаетъ чью-то широкую спину впереди и крупный задъ сѣраго коня, помахивающаго хвостомъ.

— Теперь безопасно,—говоритъ Магома рядомъ.—Ни одинъ звѣрь на огонь не пойдетъ. Особенно, когда увидитъ, что насъ много!

Общительность евреевъ сказалась и при этомъ. Пока темно было, всѣ молчали; точно ночь давила. Теперь молодежь расхвасталась такъ, что передъ ея воображаемыми подвигами побѣднѣли бы блистательныя дѣянія сказочныхъ Рустема и Зораба. Чего, чего тутъ только не было. Одинъ разъ съ тигромъ схватился и задушилъ его голыми руками, «какъ щенка», другой съ дерева десять медвѣдей перестрѣлялъ. Точь-въ-точь наши охотники, одною пулей двухъ зайцевъ пронизывающіе и ею же случайно убивающіе покоившагося впереди медвѣдя! Самый краснорѣчивый изъ нихъ слышалъ, притаясь въ чащѣ, какъ два звѣря въ лѣсу разговаривали по-лезгински, въ чемъ остальные не нашли ничего невѣроятнаго. Израиль воинствующій твердо вѣруетъ, что душа наша по смерти переселяется въ различныхъ животныхъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы «настрадаться». Послѣ

того ее очищаютъ сквозь огонь въ аду и, наконецъ, водворяютъ на жительство въ рай. Точно также мнѣ разсказывалъ одинъ еврей, что онъ видѣлъ, какъ на кладбищѣ купался въ чанѣ съ водою только-что схороненный его пріятель. Для этого они нарочно ставятъ у могилъ воду. Это — тоже очищеніе. Дѣло въ томъ, что душа не тотчасъ же оставляетъ тѣло. Она триста дней находится въ могилѣ вмѣстѣ съ трупомъ, и нельзя же ей въ этомъ неопрятномъ видѣ возлетѣть въ горнія. Употребляютъ ли столь чистоплотныя души при этомъ казанское мыло, покрыто мракомъ неизвѣстности. Что, если бы евреи заживо подражали своимъ душамъ и не были одержимы водобоязнью, на сколько выиграло бы это племя въ красотѣ и приличіи!

Вѣрованіе о пребываніи души въ могилѣ находитъ подтвержденіе въ томъ, что разрытыя могилы обнаруживали часто трупы въ иномъ положеніи, чѣмъ то, въ какомъ ихъ хоронятъ. Евреи кладутъ своихъ покойниковъ въ продолговатую яму, аршина три глубины, прямо въ землю, на спину, лицомъ къ верху. Надъ нимъ съ аршинъ оставляютъ свободное мѣсто, для чего устраиваютъ надъ покойникомъ родъ крыши изъ досокъ. Сверху яма заваливается землею.

— Какъ же онъ повернулся бы въ могилѣ, если бы души съ нимъ не было?..

— Надоѣло ей лежать на одномъ боку—легла на другой. Самыя грѣшныя души поворачиваютея лицомъ въ землю. Поворачиваются и отъ другихъ причинъ.

Разъ умеръ старикъ-еврей. Сынъ его сталъ обижать свою мать. Старикъ въ могилѣ услышалъ и постарался выйти; долго онъ силился приподнять доски, наконецъ, удалось. Душа его вышла, задушила непочтительнаго и преступнаго сына и вернулась въ могилу. На другой день надъ нею оказалась земля взрыхленною, и сквозь нее выглядывали углы приподнятыхъ досокъ...

Наконецъ, лѣсъ порѣдѣлъ, и въ просвѣтахъ его забагровѣло какое-то яркое зарево...

Я было пріостановился.

— Тамъ, должно быть!—указалъ Шагома.

— Кто... что?

— А храбрецъ, что арусу увезъ...

Наша партія шла съ веселымъ смѣхомъ, безъ всякой осторожности. Мраченъ и молчаливъ былъ только одинъ оставленный женихъ—арасъ.

Чѣмъ ближе, тѣмъ ярче въ просвѣтахъ пылаетъ красное зарево. Черные силуэты деревьевъ на немъ обрисовались каждою своею вѣтвью, даже сквозь листву прорывается багровый свѣтъ, и вся она точно нарисована на немъ,—каждый зубчикъ листа, каждая арабеска переплетающихся сучьевъ. Какая-то большая птица сидитъ на голой вѣтви и вся на красномъ фонѣ выдѣлилась...

Крики и оттуда доходятъ...

Къ самой опушкѣ подошли... Небольшая полянка, огневое пятно ярко горящаго костра посередкѣ... Масса ослѣпительно сверкающихъ углей, черныя колоды только что срубленныхъ деревьевъ, обвиваемыхъ темнымъ дымомъ. Цѣлыя снопы взвивающихъ кверху искръ. За костромъ утесъ. Только верхушка его видна надъ пламенемъ и точно сплошь облита кровью. Огненныя руки цѣпляются за нее, отбрасываются назадъ и снова въ отчаяніи схватываютъ ближайшія деревья. Дотронутся до вѣтви и позолотятъ ее, доселѣ совершенно темную. Золотится, золотится, разсыпается искрами, и нѣтъ ея. Узкія, вьющіяся жала пламени разбѣгаются вокругъ костра по землѣ, то оближутъ кустарникъ, то едва замѣтною струйкой пронижутся внутрь его и вдругъ оттуда вылетятъ цѣлымъ клубомъ блѣдно-чернаго дыма, на который громадный костеръ кидаетъ свои багровые оттѣнки и отсвѣты. А тамъ, смотришь, съ тихимъ шелестомъ свертываются, сжимаются и тлѣютъ красивые бѣлыя цвѣты. Сочные сучья куста еще держатся, да и имъ не выстоять. Огненное жало дѣлаетъ свое дѣло. Легкій трескъ пройдетъ по нимъ, завьются и закружатся они, осыпая точно градомъ помертвѣвшіе листья, и скоро на мѣстѣ куста еще одно огненное пятно

выхватываетъ изъ мрака ближайшіе къ нему коричневые стволы какихъ-то лѣсныхъ великановъ изъ скрывавшаго ихъ сумрака. Въ дыму костра порою грузно шмыгнетъ встревоженный ястребъ, на минуту точно краснымъ платкомъ взмахнули тамъ—и нѣтъ уже очнувшагося хищника, и долго его недовольный клекотъ слышится въ чернолѣсьи...

На огненномъ фонѣ черныя фигуры. Видимо, онѣ насъ услышали и насторожились, привстали. Вонъ черный силуэтъ человѣка и тонкая линія ружья у него въ рукахъ; черное на красномъ фонѣ. На пурпурную скалу, позади костра, человѣкъ взобрался. Онъ совершенно краснымъ въ пламени кажется. Храпѣнье коней изъ лѣсу. Одинъ къ костру подошелъ и тоже чернѣетъ на его огнистомъ пятнѣ. Кто-то въ сѣдло садится. Женскій голосъ. Вотъ и она сама, граціозная, тонкій станъ, узко-покатыя плечи, широкіе разливы бедръ, формы которыхъ не скрадываются хорошо обмятымъ платьемъ.

Черные клубы дыма заслонили краснаго человѣка на красной скалѣ. Но свѣтлая струйка точно брызнула вверхъ, и оттуда, сквозь трескъ и свистъ костра, грянулъ выстрѣлъ. На огнистомъ фонѣ костра замелькали люди, и вырисовались тонкія черточки горскихъ винтовокъ.

— Трусы, собаки!—оретъ наша партія и разомъ изъ двѣнадцати стволовъ стрѣляетъ въ воздухъ.

Запахъ пороха билъ въ носъ. Чувствуешь головокруженіе какое-то. Возбуждаетъ—весело.

— Дьяволы подлые! Давно-ли щенята орловъ ловятъ?—слышится у костра, и оттуда взметываются въ воздухъ нѣсколько свѣтлыхъ струй, и слышится грохотъ. Но и тамъ стрѣляютъ въ воздухъ...

Я такъ и подозрѣвалъ, что будетъ нѣчто вродѣ лекоковской оперетки. Точно сцена изъ «Les brigands».

— Что это вы тутъ, воры, дѣлаете?.. Вотъ мы васъ!..—кричимъ мы.

— Уносите ноги! А то сжаримъ въ огнѣ и медвѣдямъ жаркое оставимъ!—отвѣчаютъ оттуда.

— Подлыя вороны! — пронзительно восклицаетъ женскій голосъ.—Покажите имъ себя, храбрые молодцы. Снимите съ нихъ шальвары и пустите домой голоногихъ!

Опять мы стрѣляемъ въ воздухъ, то-же дѣлаютъ и противники. Клубы порохового дыму еще гуще разстилаются кругомъ.

— Нахшопъ!—выкрикиваетъ кто-то изъ нашихъ, уже совершенно дѣловымъ тономъ.

— Чего?—откликаются изъ противной партіи.

— Мать велѣла тебѣ передать, что дровъ дома нѣтъ!

— Знаю, я уже говорилъ братьямъ!

— А какое у васъ вино съ собой?—въ свою очередь, въ перемежку съ руганью, вопрошаетъ кто-то оттуда.— Не захватили-ли бурдюка? У насъ мало!

И опять ругань...

Наши вскакиваютъ на коней, похитители невѣсты— тоже. Я остаюсь въ тѣни. Благо на сухое мѣсто попалъ. Лежать мягко, удобно... Нужно-же кому-нибудь быть зрителемъ этого спектакля.

На красномъ фонѣ костра точно сцена изъ вальпургіевой ночи. Черные силуэты наѣздниковъ мелькаютъ съ бѣшеной стремительностью, налетаютъ одни на другихъ, сталкиваются, разбѣгаются, вьются, выдѣлывая въ сѣдлѣ разныя экзерциціи джигитовки высшей школы, стрѣляя назадъ, впередъ, но неизмѣнно въ воздухъ. Все это съ головокружительной быстротой. То въ одну кучу собьются и точно многоголосое чудовище, какая-то безобразная, черная амфибія клубится и катится тамъ, какъ вдругъ свалка разобьется, и всадники, точно чѣмъ-то вспрыснутые, стремятся прочь одинъ отъ другого, чтобы сейчасъ же опять сваляться въ одно мѣсиво... Ругань, смѣхъ дробятся въ воздухѣ, ржанье лошадей смѣшивается съ молодецкими выкриками. Вотъ кто-то изъ сѣдла вылетѣлъ, и вспуганный конь мимо меня шарахнулся безъ сѣдока въ черную чащу. Ловить его кинулись всѣ — и преслѣдователи, и преслѣдуемые. Я боялся, чтобы не затоптали меня... Поневолѣ къ стволу прижался, точно прилипъ.

Крики ихъ замерли въ глуши лѣса—и опять загремѣли со всѣхъ сторонъ. Лошадь была поймана... Невѣста все это время спокойно сидѣла у огня, точно и не ея дѣло совсѣмъ.

Солиднаго Магомадъ-оглы я не узналъ даже: папаха на затылкѣ, хохочетъ, оретъ больше другихъ, благимъ матомъ. Ругается, стрѣляетъ, съ разбѣгу всадилъ кинжалъ въ дерево и, ни съ того, ни съ сего, на ближайшій кустъ плюнулъ, точно тотъ оскорбилъ его злѣйшимъ образомъ.

— Ты чего?—накинулся онъ на меня. — Или не весело тебѣ?

Наконецъ, обѣ партіи уставать начали. Опять разъединились и заняли первоначальное положеніе.

— Чего-же вы отъ насъ не бѣжите? Вѣдь [illegible]ъ бѣжать слѣдуетъ по адату!—негодовали въ нашей партіи.

— Зачѣмъ? Мы посмотримъ, какъ собаки отъ лѣсныхъ звѣрей побѣгутъ. Убирайте ноги вы!

— Совсѣмъ не наше дѣло бѣгать! — резонерствовали преслѣдователи.—Вы увезли невѣсту, вамъ и уходить слѣдуетъ, а мы васъ догонять будемъ... Пора вѣдь... И она утомилась!

Начался третій актъ этой оперетки. Убѣжденные нашими ораторами въ своей обязанности бѣжать, джигиты бросились къ дѣвушкѣ. Десятки рукъ схватили ее, приподняли въ воздухъ, моментально завернули въ какую-то кошму и разомъ, въ видѣ какого-то свертка, взбросили на сѣдло въ руки къ ея избраннику. Послышался какой-то дикій крикъ, точно вой волчьяго стада, и вся эта масса разомъ шарахнулась впередъ, въ сырую темень лѣсной чащи.

Я едва успѣлъ вскочить въ сѣдло, какъ мой конь, увлеченный общимъ смятеніемъ, стремительно ринулся впередъ, со слѣпа набѣжалъ на костеръ, прянулъ въ сторону и чуть не вышибъ меня изъ сѣдла прямо на огонь. На одну секунду обдало горячими искрами, обожгло лицо, близко-близко мелкнуло въ глазахъ яркое пламя, и спустя минуту я уже вслѣдъ за другими вихремъ несся среди

непроглядная мрака, вцѣпившись инстинктивно въ гриву копя и прижимая голову къ его взмыленной шеѣ. Вѣтви хлестали въ лицо, изъ-подъ копытъ лошади сыпались искры, когда она попадала на камень, а преслѣдуемые и преслѣдователи еще неудержимѣе, еще безумнѣе неслись все впередъ и впередъ, будя молчаливыя окрестности дикими криками какой-то адской, дыханіе захватывающей травли. Воображаю, какъ отъ насъ шарахались въ стороны вспуганные звѣри, какъ лѣсные хищники—филины-пугачи, ошеломленно забирались въ густую чащу чираръ и каштановъ. Мнѣ до сихъ поръ удивительно, какъ насъ не разбило о какое-нибудь дерево, какъ мы не сломали себѣ шеи, когда конь спотыкался среди своего бѣшеннаго бѣга, когда сѣдло какъ-будто отрывалось отъ его спины. Въ ушахъ свисталъ воздухъ, оглушали выстрѣлы. А кровь приливала къ вискамъ, росло воодушевленіе, и все дальше и дальше хотѣлось нестись впередъ, хотя и въ хвостѣ этой сумасшедшей травли. Опьяняло!..

Ужъ внизу мою лошадь схватилъ подъ уздцы Магомадъ-оглы.

— Стой!.. Ты хотѣлъ церковь видѣть вашей святой Миріамъ!

— Гдѣ она?

— Въ сторонѣ немного. Теперь, все равно, погони не увидишь. Они до слѣдующаго аула гнать будутъ. Молодецъ, что невѣсту укралъ, спрячется тамъ у своего кунака, а остальные въ аулъ вернутся!

Я послѣдовалъ за нимъ.

Конь еще вздрагивалъ, поводилъ ушами, похрапывалъ, заявляя поминутно желаніе смѣнить умѣренную рысь на дикій бѣгъ.

Большая поляна. Мѣсяцъ уже всталъ на краю неба. Сюда доходитъ только его слабый отсвѣтъ. Края поляны отодвигаются на царство тьмы непроглядной. Точно нѣтъ ихъ вовсе. Только назади насъ видны деревья, а кругомъ мракъ, и изъ этого мрака выдѣляется едва освѣщенное

пятно площадки. Тихо, сумрачно, торжественно позади въ лѣсу, но здѣсь, на этомъ пятнѣ, еще тише сумрачнѣе и торжественнѣе едва-едва намѣчаются, точно призраки, грандіозныя руины древняго храма.

И разобрать ихъ трудно! Смутно ужъ очень. Одна громадная масса стремится вверхъ, и ея-то вершина всего ярче видна. Точно виситъ она. Подножіе теряется въ сумракѣ. Кругомъ кучи щебня, обгрызки какой-то стѣны, круглая башня съ чернымъ зѣвомъ провала.

Чуть-чуть намѣтилось во мракѣ и опять ушло во мракъ, когда мѣсяцъ спрятался за тучей. На одну минуту только и показалось, строгое, торжественное, молчаливое и величавое. Такимъ оно мерещится мнѣ и теперь, полнымъ сумрака и тайны, безъ деталей, безъ второстепенныхъ абрисовъ, но необычайно цѣльное, внушающее благоговѣніе. Точно старый, полузабытый сонъ встаетъ передо мною! Помнится еще только запахъ цвѣтовъ, которые, словно невидимыя кадила, возносили во тьмѣ свои благоуханія къ невидимому алтарю этого сумрачнаго храма, цѣлые вѣка умирающаго въ своей таинственной глуши.

И опять мракъ лѣса, и опять тряска на жесткихъ сѣдлахъ.

II.

ВЪ ГУРІИ И НА ЧОРОХЪ-СУ.

I.

По ущелью.

— Бичо (человѣкъ)! Гдѣ же конецъ этому ущелью? Гляди, скоро ночь будетъ!

— Нѣтъ конца, батоно (господинъ)! Туда пайдошъ— Азургетъ придошъ, суда пайдошъ — Багдадъ придошъ... Два тысяча верстъ!..

Мой проводникъ вообще былъ склоненъ къ преувеличеніямъ. Съ какимъ-то конвойнымъ княземъ ему случилось побывать въ Петербургѣ, откуда молодой грузинъ вывезъ самое невыгодное понятіе объ умѣ русскаго человѣка. Мы, по его мнѣнію, только и годились на то, чтобы, разинувъ ротъ, внимать восточному Хлестакову, если ему вздумается пуститься въ разсказы о своихъ чрезвычайныхъ похожденіяхъ. Такъ, мой бичо серьезно повѣствовалъ мнѣ о томъ, какъ нѣкая петербургская княгиня влюбилась въ него по-уши и даже хотѣла бѣжать съ нимъ, но онъ, въ порывѣ великодушія, отказался отъ нея, предоставивъ красавицу конвойному князю. Тотъ, разумѣется, женился на ней и въ приданое взялъ «много денга, два большихъ милъопа!»

— Твой Тыплизъ бывалъ? — спрашивалъ онъ у меня въ Поти.

— Нѣтъ. А что? Большой городъ?

— А Петербургъ видалъ?

— Видалъ.

— Десять разъ болше!..

Такимъ образомъ, у него и ущелье Кара-су раздвинулось въ одну сторону до Озургетъ, а въ другую—до Багдада. Хоть онъ и ѣхалъ рядомъ со мною, но я только и могъ различить громадный носъ, загибавшійся внизъ чисто по-ястребиному. Этотъ носъ былъ очень замѣчателенъ. Насколько онъ великъ былъ въ профиль, настолько же онъ казался незамѣтенъ en face. Дѣло въ томъ, что это былъ настоящій грузинскій носъ, тонкій и длинный, какъ безобразные рули турецкихъ фелукъ на Черномъ морѣ. Сверху все лицо бичо было закрыто папахой изъ верблюжьяго сукна съ овчинной оторочкой, снизу все скрывала всклокоченная, лохматая бурка. Держался онъ на сѣдлѣ какъ-то бокомъ, чтобы казаться помолодцоватѣе, точь-въ-точь, какъ питерскіе фланеры примащиваются на дрожкахъ тычкомъ, стараясь граціознѣе охватить при этомъ млѣющую рядомъ съ ними дѣвицу легкаго чтенія. Для довершенія эффекта мой бичо постоянно раскрывалъ бурку, чтобы даже окружающія пасъ деревья и скалы видѣли громадный кинжалъ въ серебряной оправѣ, болтавшійся у его пояса. Кинжалъ этотъ, какъ и все на немъ, былъ особенный. Шишечки на его рукояти выдавались впередъ такъ же, какъ носъ на лицѣ его владѣльца. Оружіе это ужасно мѣшало проводнику, но онъ скорѣе разстался бы съ буркой и папахой, чѣмъ съ нимъ. Всюду, гдѣ ущелье расширялось, и дно его образовывало довольно гладкую поверхность, бичо съ гикомъ и присвистомъ заскакивалъ впередъ, выхватывалъ кинжалъ изъ ноженъ и, размахивая имъ надъ головой, выдѣлывалъ на лошади самые головокружительные курбеты, повороты и лансады.

— Пускай разбойникъ будитъ, чичасъ далой башка!..

И размахи кинжала становились еще энергичнѣе.

— У тебя и кинжалъ, вѣрно, знаменитый?—спрашиваю его, зная слабость моего бичо.

Тотъ даже зажмурился.

— Кюръ-оглу слыхалъ? Его ханджаръ самый. Тысяча душъ Кюръ-оглу рѣзилъ этимъ ханджаромъ. Инирал рѣзилъ, купца съ миндалемъ *) рѣзилъ, тигра рѣзилъ, левъ рѣзилъ!..

И бичо пытливо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, желая, повидимому, убѣдиться: повѣрю-ли я въ существованіе львовъ на Кавказѣ, или усомнюсь.

Аджара, куда я ѣхалъ, составляетъ часть турецкой Грузіи. Эта горная и дикая страна доступна только съ трехъ пунктовъ: изъ Батума проходомъ Аджара-цхвали, Кваблiанскимъ ущельемъ Ахалцыхскаго пашалыка и изъ Гуріи рѣками Супсой, Губазеули и другими. Аджарцы тѣ же гурійцы, только омусульманившіеся. Здѣсь въ разныхъ трущобахъ разбросано около семидесяти деревень, съ 15,000 жителей, съ трудомъ отстаивающихъ свою національность отъ турецкаго вліянія, мало-по-малу захватывающаго въ свой районъ послѣднія гнѣзда грузинскаго племени. Съ каждымъ днемъ въ Аджарѣ замѣтно исчезаютъ послѣдніе слѣды христіанства, которое нѣкогда исповѣдывало все мѣстное населеніе. По свидѣтельству Дмитрія Бакрадзе, исламъ внесенъ былъ сначала въ Лазистанъ, потомъ въ Чорохское ущелье и уже изъ нынѣшняго ахалцыхскаго уѣзда проникъ въ Аджару. Акты, найденные въ Гуріи, свидѣтельствуютъ, что мѣстечко Хино, гдѣ даже было пребываніе епископа, только въ 1790 году приняло магометанскую религію. До сихъ поръ въ разныхъ пунктахъ этого интереснаго края встрѣчаются развалины храмовъ, самыя величественныя, самыя изящныя въ Грузіи. Аджара была прежде владѣніемъ князей Гуріели. Въ 1483 г. она находилась въ рукахъ перваго извѣстнаго Гуріеля-Кахабера. Нѣсколько разъ она переходила къ Турціи, но всегда возвращалась обратно послѣ кровопролитныхъ войнъ. Такъ, напримѣръ, Гуріель Мамиа II въ 1609 г. истребилъ здѣсь турецкія войска, сжегъ мусульманскія поселенія и

*) Миндалъ—медаль.

присоединилъ къ своему царству Аджару, но опять ненадолго. Меня, впрочемъ, мало интересовало прошлое этой страны. Древніе акты и душные архивы не особенно привлекательны; напротивъ, въ моихъ глазахъ мой проводникъ Вано Варданія представлялъ несравненно болѣе живую и интересную лѣтопись, цѣлый и ходячій архивъ народнаго міросозерцанія. Каждая жалкая деревушка, прилѣпившаяся къ лысинѣ какого-нибудь утеса, такъ и тянула къ себѣ. Среди развалинъ, затканныхъ бѣлой акаціей и широколистной бегоніей, я готовъ былъ проводить цѣлые дни, не мудрствуя лукаво, а въ волю пользуясь свѣтомъ и прохладой, заглядываясь на таинственную синеву горныхъ силуэтовъ, заслонившихъ золотистыя дали южнаго полудня. Мнѣ хотѣлось уйти туда подальше, схорониться въ такую глушь, гдѣ бы все было и ново, и оригинально, гдѣ бы каждая встрѣча казалась выхваченной изъ «Тысячи и одной ночи». Отъ сакли къ саклѣ, отъ аула къ аулу, отъ ущелья къ ущелью!.. Солнце грѣетъ, дождевыя тучи пока проходятъ мимо, дорога выдвигаетъ, одинъ за другимъ, самые поразительные виды горныхъ узловъ, долинъ и утесовъ, розовыя кисти шелковистой акаціи напоютъ воздухъ такимъ ароматомъ, рододендроны, азаліи и дикій жасминъ такъ и бьютъ въ носъ на каждомъ шагу,—до архивовъ-ли тутъ и историческихъ актовъ! Господь съ ними!..

— Батоно! Еще три верста и большой аулъ будетъ. Только ты туда ѣзжай одна!

— Что такъ?

— Такой дѣлъ былъ. Мой отца рѣзилъ башка его отца!

— Кого это его?

— Леонъ Цулукидзе.

— Ты, значитъ, боишься показываться туда?

— Зачѣмъ боится? А только ни надо рамбавія (шумъ) дѣлать... Чужой народъ, сичасъ! Тутъ Сафаръ-бей есть, онъ посадитъ въ турма... ты ѣзжай одна!..

Мы съ нимъ условились встрѣтиться въ двухъ верстахъ отъ аула,—иначе не знаю, какъ и назвать это

становище гурійскихъ мусульманъ. Избѣгая «шайтана Леона Цулукидзе», мой бичо долженъ былъ провести всю ночь въ развалинахъ стараго замка, вѣнчавшихъ вершину утесистой горы.

Ущельемъ Кара-су мы ѣхали уже второй день. Я не могу до сихъ поръ забыть этого уголка Аджары. Въ самомъ началѣ передъ нами словно легла извилистая щель между двумя рядами голубыхъ горъ. Въ глубинѣ этой щели стоялъ точно туманъ. Гдѣ онъ былъ гуще, тамъ откосы горъ врѣзывались въ ущелье, гдѣ онъ разстилался ровною полосою, тамъ можно было отгадывать небольшія площадки, образуемыя раздвигавшимися стѣнами этой трещины. Даль ея манила къ себѣ своею заманчивою синью. Надъ однообразнымъ колоритомъ ущелья висѣли бѣлыя, кое-гдѣ сверкавшія рѣжущимъ глаза блескомъ снѣговыя шапки Чарахъ-дага и другихъ великановъ...

Въ это время мы переѣзжали какую-то небольшую рѣчонку, разливавшуюся здѣсь пятью рукавами. Лошади сторожко ступали въ шипѣвшую подъ ними воду, иногда изъ-подъ копытъ вывертывались круглые, выполированные водой камешки, и конь почти оступался и на минуту пріостанавливался, подаваясь назадъ. Надъ нами опрокидывалось безоблачное небо, словно еще раздвигавшееся въ даль и въ высоту. Черною точкою въ недосягаемой глубинѣ его висѣлъ горный орелъ. Въ душѣ незамѣтно росло впечатлѣніе свѣжести и простора. Въ этой глуши, несмотря на зной и на зло безлюдью, дышалось легко и весело. Гдѣ-то послышался рѣзкій, хищный крикъ и что-то, грузно прорѣзывая воздухъ, камнемъ шлепнулось въ зеленую чашу айвовыхъ деревъ.

Переправу мы кончили благополучно, и тутъ уже ущелье Кара-су раздвинулось передъ нами во всей своей красотѣ и дикомъ величіи. Громады горъ словно разсѣлись, чтобы пропустить тонкую бить тихаго потока, который весною, питаясь стоками таящаго снѣга, заливаетъ всѣ окрестности и часто смываетъ внизъ цѣлыя скалы, подтачивая ихъ глинистыя основанія.

Дорога,—если можно назвать такъ узкую тропинку, гдѣ трудно разъѣхаться двумъ конямъ,—взбѣгала на одну изъ зеленыхъ горъ. Громадные дубы и величавые буки устлали всѣ попизи. Кое-гдѣ болѣе темная полоса орѣшниковъ охватывала и глушила со всѣхъ сторонъ крупныя каштановыя деревья, съ которыхъ въ эту пору красиво свѣшивались внизъ благоухающія кисти цвѣтовъ.

Выше тропинки, на яркомъ фонѣ неба, тонко рисовались граціозные силуэты хвойнаго лѣса. Иногда одинокая сосна, взбѣжавъ на верхушку горы, красовалась на юру, словно кокетничая каждымъ своимъ изгибомъ, каждою своею вѣтвью. На эти сосны, привычныя сѣверянину, съ особеннымъ торжествомъ, какъ на нѣчто рѣдкое, особенное, чрезвычайное, указывалъ мой проводникъ.

Вправо и влѣво отъ Карасуйскаго ущелья, какъ сырыя, черныя трещины, ложились другія ущелья, извилистыя, покрытыя сплошь неисходными лѣсами, любимымъ притономъ кабановъ. Часто оттуда съ громкимъ ревомъ вырывались горныя рѣчонки, словно взбивая мыло вокругъ каждаго утеса, преградившаго имъ путь. Иногда, впрочемъ, и утеса не видно. Надъ нимъ только вздрагиваетъ, пузырится и сверкаетъ радужными отблесками цѣлая масса пѣны.

Путь какъ-то пошелъ зигзагами. Тутъ былъ крутой спускъ внизъ. Пришлось крѣпко подтянуть поводья. Мохнатая, маленькая лошаденка часто пріостанавливалась, оглядывая понизъ умными глазами. На обрывахъ она буквально сползала внизъ. Присѣдая на заднія ноги, она прямо вытягивала переднія и съѣзжала на нихъ, сторожко храпя и поводя ушами. Въ одномъ мѣстѣ я даже не рѣшился остаться въ сѣдлѣ и пустилъ коня одного. Оказалось, что лошадь при этомъ сошла внизъ гораздо легче и удачнѣе моего. Скатываясь по откосу, едва успѣвая хвататься за кусты, попадавшіеся направо и налѣво, получая чувствительные удары то отъ некстати подвернувшагося каменнаго выступа, то отъ внезапно развер-

нувшейся вѣтки, я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ умно и осторожно съѣзжалъ внизъ мой буцефалъ, такъ же вытягивая переднія ноги, какъ канаты, и почти сидя на подвернутомъ хвостѣ. Спина его въ этомъ положеніи составляла почти горизонтальную линію. На другомъ копѣ беззаботно сидѣлъ мой бичо, съ усмѣшкой поглядывая на тщетныя усилія своего «батоно» цѣлымъ и невредимымъ добраться до зеленой и сочной понизи. Всего хуже было, когда я попалъ въ колючіе кусты, цвѣты которыхъ пахли очень хорошо. Это былъ какой-то душный, но въ то же время невыразимо пріятный ароматъ. Разумѣется, я оцѣнилъ его уже впослѣдствіи. Въ тѣ же минуты я не чувствовалъ никакого удовольствія отъ шиповъ, вонзавшихся мнѣ въ бока, царапавшихъ руки, раздиравшихъ лицо. Въ одномъ мѣстѣ пришлось неожиданно наткнуться на золотистую съ черными бархатными пятнами змѣю. На мигъ—ощущеніе чего-то мягкаго и холоднаго... противное ощущеніе!.. Потомъ опять душный ароматъ и шипы густого кустарника. Я, наконецъ, упалъ въ стоячую лужу, спугнувъ оттуда какое-то черное тѣло, шарахнувшееся въ чашу орѣшника. Кабанъ или смиренный волъ—трудно было замѣтить впопыхахъ. Съ тѣхъ поръ я рѣшилъ разъ навсегда не рисковать излишнимъ скотолюбіемъ, и, какъ ни были круты и узки тропинки, преспокойно оставался въ сѣдлѣ.

Что можетъ сравниться съ чащею этихъ лѣсовъ, съ этой благодатной прохладой, когда, ошалѣвъ отъ страшнаго жара, охватывающаго путника на припекѣ, разомъ погружаешься въ полное тьмы и холода царство дубовъ и буковъ, всѣ промежи между которыми заткапы лавровишнями и рододендронами! А эти, въ свою очередь, неревиты такою головокружительною путаницею дикой лозы и плюща, съ которою только и можетъ поспорить самая чудовищная, самая прихотливая восточная арабеска. Изрѣдка солнце чисто-изумрудными лучами проникаетъ сквозь эту густоту листвы и цвѣтовъ и изумрудными же, движущимися пятнами ложится на тихія поляны. Въ

одномъ мѣстѣ на такой полянѣ я встрѣтилъ знакомую гурійскую хижину. Плоская кровля выходила далеко за переднюю стѣну жилья, образуя родъ веранды. Оконъ не было, только двери. Внутри тьма и прохлада, полъ посыпанъ какими-то благоухающими цвѣтами, вокругъ дома—поле кукурузы, и только... Кувшины подвѣшены подъ кровлей и холодѣетъ въ нихъ вода подъ вѣтромъ.

— Есть тутъ кто?—спросилъ бичо по-гурійски.

Молчаніе. Въ темнотѣ трудно было различить что-нибудь. Гдѣ-то клохтала курица.

Мы уже хотѣли выйти, какъ на тахтѣ послышался шорохъ. Точно въ углу шевельнулось что-нибудь.

— Эй, кто здѣсь? Не обидимъ!

И бичо, обшаривъ уголъ, встрѣтилъ тамъ что-то живое.

Послышались почти дѣтскія всхлипыванія и робкій голосъ.

— Оставь, не трогай!—крикнулъ я.

— Зачимъ оставь. Вода нужна, шашлыкъ надо!

Онъ вытащилъ на свѣтъ Божій прегращіозное созданіе. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, едва прикрытая жалкими лохмотьями, съ цѣлою копной волосъ на головѣ. На лицѣ только и можно было различить большіе черные глаза, прорѣзанные миндалинами. Они уже теперь сверкали лучистымъ блескомъ. Но ребенокъ былъ хорошъ только издали. Вблизи кидалась въ глаза страшная грязь, точно дѣвочка не вѣдала о существованіи воды и мыла. Эта новая Сандрильона прекрасно, какъ оказалось, знала счетъ на русскія деньги. Заполучивъ абазъ, она стала словоохотлива и, почесываясь, жаловалась на «тигра», который будто-бы рѣжетъ ихъ овецъ безпощадно. Съ овцами отлучился и отецъ ея.

— А мать у тебя есть?

— Мать къ туркамъ ушла.

— Это зачѣмъ?

— Въ гаремъ. Сама хотѣла. Отецъ ее и продалъ,— повелъ въ Хулу, тамъ и продалъ. Она рада была. У Софаръ-бека теперь... Черезъ два года и меня продастъ.

Точно она говорила о курицѣ, клокотавшей тутъ же; равнодушно, какъ будто этому такъ и слѣдуетъ быть.

Мы поинтересовались узнать ея личное мнѣніе о такой куплѣ и продажѣ.

— Тамъ хорошо. Плову ѣшь, сколько хочешь. На лобъ ожерелье повѣсятъ изъ золотыхъ тумановъ, на шею абазы въ нѣсколько рядовъ. Красное платье изъ мови, канаусовые шаровары, желтые чевяки!

Лицо дѣвочки оживилось, зарумянилось. При одной мысли о канаусовыхъ шароварахъ она какъ-то выпрямилась и, словно большая, прошлась по верандѣ, стараясь показать, какъ она будетъ шуршать этой великолѣпною частью восточнаго женскаго туалета. Она даже красива стала въ эту минуту, не какъ дитя, а какъ дѣвушка. Можно было отгадать въ ней роскошный расцвѣтъ и впередъ поздравить чадолюбиваго отца съ значительнымъ калымомъ.

Смѣясь надъ моимъ недоумѣніемъ, мой проводникъ разсказалъ, что въ Имеретіи и Гуріи до сихъ поръ даже отцы-христіане продаютъ своихъ дочерей, а аджарскимъ грузинамъ мусульманскаго исповѣданія и Богъ велѣлъ. На Кавказѣ очень красивую дѣвушку богатые турки покупаютъ за шестьдесятъ рублей, при чемъ сумма эта въ голодные годы нисходитъ до сорока. Дѣвушки идутъ охотно, потому что «канаусовые шаровары» и жирный пловъ все же привлекательнѣе одной и той же пензмѣнной кукурузы и грязныхъ лохмотьевъ родительскаго угла. Случается, что какая-нибудь гурійская красавица сама уходитъ ночью изъ дому прямо въ руки агентовъ, торгующихъ женщинами для турецкихъ гаремовъ. Добраться только до Сухумъ-Кале, Поти, Озургета, а тамъ сѣли въ турецкую фелуку и—поминай, какъ звали! Въ прежнее время Гурія для турокъ была нѣкоторымъ образомъ разсадникомъ женщинъ для гаремовъ. Ватаги турецкихъ разбойниковъ трудными тропинками пробирались сюда, окружали села и часто, перебивъ мужчинъ и старухъ, уводили мальчиковъ, дѣвушекъ и женщинъ. Первые пред-

назначались въ евнухи, вторыя шли на рынки Смирны, Трапезунда, Константинополя и доходили даже до Каира. Теперь такой нахальный способъ пополненія гаремовъ невозможенъ, и населеніе русской Гуріи, вмѣсто прежней убыли, начало приращаться, но въ Чурухъ-чу (Чорохъсу), Аджаріи и другихъ пограничныхъ съ Кавказомъ мѣстностяхъ турецкіе разбойники дѣйствуютъ попрежнему.

— Баранина есть?—спросилъ у дѣвушки мой проводникъ.

Та только вытаращила на него свои прекрасные глаза и причмокнула языкомъ, что равносильно слову «нѣтъ».

— А курицу продаешь?

Дѣвочка кинулась къ простодушной насѣдкѣ и, оглянувшись пугливо, швырнула ее въ какую-то клѣть. Оказалась непродажная. Сама опять было забралась въ уголъ.

— Что же есть у васъ?

— Джоріела!

Мы невольно поморщились. Джоріела—плохой видъ кукурузы, чуть не дико растущей на горахъ, въ холодныхъ и сухихъ мѣстностяхъ. У меня даже зубы заныли при одной мысли объ этой жесткой и невкусной снѣди.

— А гоми есть?

Молчаніе. Предложеніе зарѣзать курицу, повидимому, взбѣсило дикарку. Проводникъ было хотѣлъ самъ распорядиться, съ тѣмъ, чтобы послѣ оставить плату. Но я рѣшительно воспротивился этому, и онъ, ворча, принялся рыться въ сумкахъ и разыскивать чего-то, хотя мы оба хорошо знали, что тамъ, кромѣ кукурузныхъ лепешекъ, нѣтъ ничего. Время плодовъ еще не настало. Была, правда, алуча и черешня, но въ этой части Аджары ея мало, да, пожалуй, и совсѣмъ нѣтъ... Роясь въ сумкахъ, мы вытащили свертокъ позумента. Смотрю—дикарка подходитъ сама: уставилась на него глазами. На лицѣ борьба видна. Сообразивъ дѣло, я какъ-будто ненарочно развернулъ его. Золото блеснуло подъ скудными лучами, едва проникавшими въ саклю.

— Ай, вай!—съ восторгомъ причмокнула дѣвушка.

Мы какъ будто и не замѣчаемъ. Свертываемъ позументъ.

— Если этотъ позументъ да вокругъ головы, на тавсакрави (головной уборъ), чудо что такое!—какъ-будто про себя проговорилъ бичо по-гурійски Она подвинулась еще ближе. Глаза такъ и разгорѣлись. Алый, маленькій ротъ неловко, робко улыбается. Рука то впередъ протянется, то назадъ отойдетъ.

— А примѣрить... можно?

— Что жъ, примѣряй, зеница глазъ моихъ!

Откуда ужъ взялся кусочекъ зеркала—не знаю. Только она за нимъ никуда не ходила. Обернула голову позументомъ и засмѣялась, въ ладоши хлопнула и по горницѣ запрыгала.

— Что ты не выпустишь курицу, ишь какъ она у тебя, бѣдная, бьется!—добродушно и какъ будто вскользь замѣтилъ бичо, и громадный носъ его какъ-то передернуло при этомъ.

— А много надо этого позумента, чтобы и рукава на платьѣ обшить?

— Пустяки... Только если здѣсь ничего нѣтъ, такъ намъ и ѣхать пора; можетъ быть, встрѣтимъ другую саклю гдѣ-нибудь, тамъ продадутъ курицу!

Дѣвушка закусила губу и... спустя двѣ минуты, курица уже варилась на таганчикѣ надъ наскоро разложеннымъ огнемъ. Несчастная жертва нашего коварства пошла за три аршина мишурной тесьмы, а змій-искуситель, въ лицѣ моего бичо, свирѣпо хлопоталъ надъ кострюлей, чуть не разваривая въ ней, вмѣстѣ съ насѣдкою, свой собственный носъ.

Гурійку и узнать нельзя было. Она сообщила, что ее зовутъ Фатимой, что она мусульманка, что отецъ ея тоже мусульманинъ, но что пресвятую Богородицу и почему-то царицу Тамару они очень почитаютъ. Что вблизи въ лѣсу есть священная роща, гдѣ нѣкогда стоялъ христіанскій храмъ, разрушенный какимъ-то эфендіемъ. Что

это мѣсто, какъ и всѣ христіанскіе храмы, возбуждаетъ въ нихъ страхъ,—если тамъ поклясться и не исполнить клятву, то ночью непремѣнно придетъ шайтанъ и задушитъ человѣка или броситъ его въ пропасть на дорогѣ... Что у ея отца есть образа, бывшіе когда-то въ этомъ храмѣ, и онъ бережетъ ихъ, какъ святыню, и всякій разъ молится имъ послѣ намаза. По праздникамъ передъ этими образами рѣжутъ куръ, а богачъ Хамша-швили колетъ даже въ честь ихъ барановъ. Отъ турокъ эти образа скрываются тщательно и особенно боятся говорить о нихъ ближайшимъ мулламъ. Узнавъ, что мы христіане, дикарка рѣшилась показать намъ эту святыню, къ которой она относилась съ суевѣрнымъ ужасомъ. Оказались изображенія св. Нины, св. Тамары и Георгія Побѣдоносца, всѣ стариннаго грузинскаго письма, потемнѣвшія и выцвѣтшія окончательно. Мой проводникъ перекрестился, а дѣвочка спрятала ихъ обратно, предварительно приложась къ нимъ лбомъ. Такимъ образомъ, старая религія хранится здѣсь, хотя и жалкими осколками. Прекрасныя каменныя церкви, бывшія нѣкогда въ Дондало, Кадѣ, Хулѣ и Схалте, по свидѣтельству Бакрадзе, сломаны, за исключеніемъ схалтской. Схалтская—одна изъ лучшихъ въ Грузіи. «Она безъ купола, не очень велика, но поражаетъ необыкновенною чистотою отдѣлки, изящною рѣзьбою, прекрасной живописью и особенно затѣйливыми арабесками», узоръ которыхъ нигдѣ не повторяется. Каждое окно имѣетъ свой узоръ, и каждый уголъ окна не похожъ на другіе углы арабесками. Фантазія безграничная! Судя по стилю, схалтскую церковь слѣдуетъ отнести къ X—XIII столѣтіямъ; она принадлежала къ мцхетской епархіи, и мѣстные поселяне до сихъ поръ разсказываютъ о ней множество легендъ, гдѣ прежнія христіанскія вѣрованія облечены въ поэтическія формы и краски мусульманскаго міровоззрѣнія.

Несмотря на нѣкоторое сходство гурійской рѣчи въ устахъ дѣвочки и моего проводника, мнѣ сразу бросилась какая-то весьма ощутительная разница между тою

и другою. Рѣчь дѣвочки звучала иногда чѣмъ-то совершенно постороннимъ и даже враждебнымъ гурійскому языку. Я поразспросилъ объ этомъ у бичо, и онъ мнѣ объяснилъ, что аджарскіе и чорохъ-суйскіе грузины мало-по-малу поддаются вліянію турецкой народности и даже воспринимаютъ въ свою рѣчь цѣлыя фразы и обороты болѣе сильнаго племени. Эта порча гурійской рѣчи въ настоящемъ случаѣ тѣмъ еще замѣчательнѣе и непонятнѣе, что въ Аджарѣ не живетъ ни одного турка, между аджарскими поселеніями нѣтъ ни одного турецкаго становища, и, такимъ образомъ, два племени совсѣмъ почти не соприкасаются между собою. Турки не стараются вліять на аджарцевъ, которые управляются своими же беками—князьями грузинскаго происхожденія. Движеніе въ пользу турецкаго языка особенно усилилось въ эти двадцать-пѣть. Мѣстами здѣсь, среди сплошного гурійскаго населенія, уже не говорятъ по-грузински, и теперь встрѣтить аджарца, владѣющаго прекрасно турецкимъ языкомъ и не понимающаго своего—вовсе не диво, хотя можно поручиться, что тотъ же аджарецъ нигдѣ и никогда не видѣлъ настоящаго турка... Еще страннѣе то, что вліяніе турецкой рѣчи отражается и на русскихъ гурійцахъ озургетскаго и ахалцыхскаго уѣздовъ. По окраинамъ, прилегающимъ къ Аджарѣ, они уже усваиваютъ себѣ чуждые обороты и совершенно равнодушны къ русскому языку, хотя съ нами они находятся въ ближайшихъ сношеніяхъ, чѣмъ съ турками. Есть аджарцы, которые, вполнѣ ненавидя турокъ, тѣмъ не менѣе съ большимъ удовольствіемъ говорятъ по-турецки, чѣмъ по-своему. Это ясно. Племенная вражда уступаетъ вліянію религіи, особенно такой, какъ мусульманская, которая охватываетъ всего человѣка и тяжелымъ гнетомъ ложится на его мысль, сплетается съ его грезами, является цензоромъ каждаго его поступка. А что племенная вражда существуетъ, доказывается начинающимся въ Аджарѣ волненіемъ противъ турокъ. Гурійцы возстаютъ противъ безсовѣстныхъ поборовъ турецкаго правительства и выгоняютъ вонъ немногихъ турец-

ихъ чиновниковъ, присылаемыхъ сюда изъ Пашалыка. Знаменательно это одновременное разложеніе, обнаруживающееся въ самыхъ противоположныхъ пунктахъ блистательной Порты: Герцеговина и Аджара, христіанство и мусульмане. Тутъ дѣло не въ вѣрѣ, а просто жутко жить стало, душно и тяжело. И самому турку также некуда уйти отъ голодовокъ и административныхъ безобразій, какъ и несчастному рабу его, райѣ. Одинъ такъ же тяготится своею властью, какъ другой своимъ ярмомъ. И напрасно думаютъ, что изгнаніемъ турокъ въ Азіатскую Турцію уже совершенно устраняются всѣ затрудненія настоящаго момента. Въ Аджарѣ Оттоманской имперіей подготовляется вторая Герцеговина, а въ Чоохъсу, Курдистанѣ и Лазистанѣ—второй Критъ. Борьба будетъ неизбѣжна, и борьба еще болѣе безпощадная, потому что для возстанія несчастные подданные турокъ должны забыть общность религіи съ своими повелителями, подавить свои мусульманскія симпатіи и стремленія. И рядомъ съ этимъ очевиднымъ явленіемъ, рядомъ съ этимъ накопленіемъ легко возгарающихся элементовъ ненависти, недовольства — удивительное распространеніе турецкаго языка, какъ результатъ того же религіознаго вліянія. Такимъ образомъ, не слѣдуетъ ли признать, что и въ наиболѣе косномъ, мусульманскомъ мірѣ вѣра и жизнь уже расходятся по разнымъ путямъ, церковь и государство живутъ обособленно, а соціальный строй мало-помалу уходитъ изъ-подъ рукъ эфендіевъ и муллъ.

Курица была съѣдена, послѣдняя бутылка взятаго съ собою превосходнаго кварели выпита... Мы заплатили дѣвушкѣ за услуги и выѣхали. Лѣсная тропинка отсюда круто сворачивала въ сторону и, спустя полчаса, мы уже выѣхали на опушку. Гдѣ-то пониже вилась другая тропинка, прямо къ одинокой саклѣ землянкѣ, плоская мазаная кровля которой почти пропадала за темною зеленью гранатовъ, сквозь листву которыхъ точно пылали ихъ крупные огненные цвѣты. Западъ тоже пылалъ. Соли-

це садилось. На яркомъ фонѣ заката весь вырисовался почти черный мостъ, аркою перелетавшій съ одной стороны на другую, мостъ безъ перилъ, но прочности необычайной. Столѣтія прошли, а онъ стоитъ здѣсь несокрушимый, не потерявъ ни одного камня изъ своей надиво сплотившейся массы. Какъ и всѣ постройки на Кавказѣ, онъ приписывается царицѣ Тамарѣ. Подъ черною аркою смѣлаго моста бѣлѣлась и съ глухимъ ревомъ несла впередъ клубы радужной пѣны горная рѣченка. Даже отсюда жутко было подумать о переѣздѣ черезъ арку. Перилъ никакихъ, а вода саженяхъ въ семидесяти внизу. Вдали изъ огнистаго моря смутно выдѣлялись едва намѣченныя горныя массы, лежавшія на западѣ словно фіолетовыя тучи... Ближе къ намъ гладкая поверхность шифернаго утеса, исполосованная трещинами, сіяла, какъ золотая доска, испещренная гроздеобразными надписями... Какой-то унылый свистъ вѣтра доносился изъ ущелья сквозь ревъ рѣки... Даже землянка внизу не мѣшала этому безлюдью, даже она не оживляла дикой пустыни...

Со дна долинъ поднимался туманъ... Клубы его, словно какія-то чудовищныя амфибіи, медленно ползли вверхъ по откосамъ горъ, цѣпляясь по скаламъ и кручамъ. Вонъ длинная лапа уцѣпилась за одинокій утесъ, и вслѣдъ за ней грузно поднялась вся сѣрая масса, а другая уже тянется къ тому боковому лѣсу... Только вершины дубовъ плаваютъ въ однообразномъ морѣ мглы... Заволокло ближайшія горы... На двухъ утесахъ, соединенныхъ аркой, уже сгущаются тучи... Одинъ только мостъ словно виситъ въ воздухѣ... Вотъ тучи двинулись одна за другой... Арка словно таетъ по краямъ... Меньше, меньше и—совсѣмъ пропала, наконецъ. Только огнистое зарево заката порою еще мѣдно-краснымъ багрянцемъ сквозитъ во мглѣ... Но и оно уже блекнетъ.

Какими необычайными ароматами пахнуло со дна долинъ! Раздражается кровь; нервы какъ-то напряженно бьются... дыханіе становится порывисто и неровно. Можно съ ума сойти отъ этого запаха... Земля точно кадитъ

небу въ этотъ торжественный часъ величаво подступающей ночи, кадитъ всѣми своими чудными ароматами. Всѣ южные цвѣты раскрыли чашечки и курятся... Но между другими особенно слышенъ запахъ шелковой акаціи и благоуханіе огромныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ сильнодушистой магноліи. Мой проводникъ насторожился. По этому запаху онъ заключилъ, что гдѣ-то вблизи есть садъ... Носъ его тщетно вытягивался впередъ. Наконецъ, онъ безнадежно ударилъ себя по бокамъ.

— Не знай, гдѣ... Большой садъ... Должно, бекъ живетъ. Пилавъ есть, шашлыкъ...

И онъ такъ повелъ носомъ, точно раздражающій нервы голоднаго человѣка запахъ пригорѣлаго мяса уже достигъ этой высокой и пустынной площадки.

Наивный грузинъ никакъ не могъ понять, что я бы ни за что не промѣнялъ эту чудную ароматную ночь на всевозможныя благоуханія кебаба, шашлыка и пилава, приправленнаго вареной въ сахарномъ соку алучей.

Тѣмъ не менѣе, по этимъ узкимъ тропинкамъ по ночамъ не ѣздятъ. Направо и налѣво—обрывы; увѣренный днемъ, ночью шагъ коня становится неровнымъ; онъ точно смущенъ и не знаетъ, куда ему ступить въ туманѣ. Въ сѣрой мглѣ предметы сливаются. Скала вырастаетъ въ гору, а гора кажется темной тучей. Обрывъ заслоненъ клубами тумана. Облако виситъ надъ бездной—и ея не видно. Развѣ только рокотъ потока внизу надоумитъ. Сильная влажность гурійскихъ долинъ, обусловливающая такую роскошную растительность, въ то же время отнимаетъ всю прелесть у здѣшней ночи. Неба не видно снизу. Ни одна звѣзда не роняетъ своихъ трепетныхъ лучей въ тихіе сады одинокаго аула, и только когда подымешься выше тучъ, въ обитель орловъ, тогда раскинется надъ вами эта словно дышущая твердь, усѣянная крупными звѣздами, сверкающими не голубымъ, льдистымъ блескомъ сѣверной ночи, а желтымъ, страстнымъ мерцаніемъ юга... Изъ тумана подымается и словно

плаваетъ въ немъ вершина одинокаго кипариса. Чу! Гремучая пѣсня соловья долетѣла снизу и опять замолкла... Тишина. Слышно только, какъ камни, обрываясь сверху, пересчитываютъ всѣ выступы крутого ската и падаютъ въ глухо-шумящую рѣчонку, такъ глухо, что ея рокотъ будто и не нарушаетъ этого благоговѣйнаго молчанія природы...

Когда мы чуть не ощупью поднялись выше тумана, передъ нами, точно чудный романтическій сонъ, встали полуразрушенныя башни замка,—круглыя башни, облитыя луннымъ блескомъ. Окно въ окно сквозило... Сіяніе мѣсяца выхватывало изъ синей тьмы и зубья развалившейся стѣны, и словно изъѣденныя массы стариннаго храма съ провалившимся куполомъ... Верхушки развалинъ всѣ на свѣту, ихъ основаніе прячется во тьмѣ. Вверху видно даже, какъ искривленныя, ползучія вѣтви какихъ-то растеній вырываются изъ камня и снова уходятъ въ камень, оставивъ на свѣту нѣсколько крупныхъ листьевъ, кажущихся теперь черными... Зато внизу ускользали отъ взгляда цѣлыя груды обвалившагося камня... И все это было такъ стройно, такъ красиво, такой поэзіей полно, что разомъ воскресли всѣ сказочныя грезы юности, всѣ средневѣковыя былины стали лицомъ къ лицу со мною, какъ живыя...

— Экая прелесть какая!—не выдержалъ я.

— Скорпіонъ есть... Змѣй живетъ! Самы дурной мѣста!—разочаровалъ меня проводникъ.

Тѣмъ не менѣе, дальше уходить было некуда. Тропинка, обогнувъ свободную отъ тумана вершину горы, убѣгала опять въ туманъ. А тамъ шли бездны и кручи... Тутъ еще ужалитъ-ли скорпіонъ или нѣтъ — бабушка на-двое сказала, а тамъ—во всякомъ случаѣ, шею сломаешь.

— Что-жъ, остановимся здѣсь.

— Куда пайдопъ!

— Гдѣ-же, въ развалинахъ, что-ли?

— Тамъ шайтанъ... Здѣсь бурка стели, сумка въ го-

лову и бай! — прибавилъ, улыбаясь, бичо, щеголявшій столь основательнымъ знаніемъ русскаго языка. Я не послушалъ и вошелъ въ развалины сквозь полуразрушенныя ворота. Стѣнки ихъ еще существовали, но арка давно легла внизу безобразною грудой. Когда я ступилъ на нее, подъ ногами въ кампяхъ послышалось подозрительное шуршаніе и шорохъ. Но отступать было уже некогда, невыносимо же, если этотъ длинный носъ пахально засмѣется вамъ навстрѣчу, а обладатель его разразится какою-нибудь грузинской остротой, которой вы не поймете, а потому и претендовать на нее не имѣете права. Я не ошибся, сказавъ, что носъ моего бичо могъ смѣяться. Онъ какъ-то сморщивался, весь стягивался кверху, отчего становился еще уродливѣе. Мнѣ это разъ уже было памятно, во время достославнаго спуска съ горы, описаннаго выше...

Внутренность развалинъ была вся ярко освѣщена луною, какъ разъ впереди. Позади стѣны уходили во мракъ, и только бойницы сквозили, точно въ этой тьмѣ были свои просвѣты, узкіе, какъ лезвіе ножа или какъ носъ моего провожатаго. Груды камня, обломки стѣнъ и круглыя башни, — но какъ все это красиво и строго красиво! Ничего лишняго, ни одной линіи некстати. Даже трава и кусты наверху, и тѣ на своемъ мѣстѣ. Массы башенъ подъ луною казались еще толще, еще фундаментальнѣе. Въ нихъ чернѣли трещины, затканныя плющемъ... Вставки бѣлаго ноздреватаго камня въ стѣнахъ представлялись глыбами матоваго серебра. Внутри башни глухо и жутко... Что-то, неожиданно-потревоженное, скользитъ вдоль стѣны и прячется въ камнѣ. Что-то юркнуло тутъ же подъ вами. Я даже приподнялъ ногу, совершенно инстинктивно... Стѣнъ не видно, опѣ въ тѣни; зато изъубренный кругъ вершины башни весь на свѣту и блеститъ, точно осыпанный снѣгомъ... Въ одну изъ узкихъ бойницъ прямо свѣтитъ яркая звѣзда. Сверху осыпается щебень. Что-то громыхнуло въ грудѣ камня у стѣны, что-то прошелестило около по остатку аркады,

такъ прошелестило, будто юркая ящерица, извертываясь и заглядывая въ каждую рябинку камня, быстро проскользнула вверхъ, на лунный свѣтъ.

Такъ хорошо, такъ хорошо, что сердце робко бьется въ груди, и духъ захватываетъ.

Вотъ на прилѣпѣ блеститъ золотой комочекъ, — наверху, а весь виденъ. Это свернувшаяся змѣя. И она красива, и она у мѣста. Да, что бы не сдѣлалъ умѣстнымъ этотъ щедрый свѣтъ луны?.. А ночь-то, самая ночь: точно кто-то дышетъ рядомъ съ вами, точно кто-то вздыхаетъ тутъ. Скажешь, поцѣлуй разлитъ въ воздухѣ. И покажутся эти развалины живыми, и населятъ ихъ яркая греза цѣлымъ роемъ видѣній и звуковъ... Какъ хорошо!

— Батоно!—слышалось откуда-то.

Вѣрный мой Санчо обезпокоился. Нужно было идти назадъ.

— Хады суда, хады туда. Голова долой, — канчалъ башка!—угрюмо ворчалъ онъ.

— Что такое?—не понялъ я.

— Что такой, что такой! Шайтанъ тамъ; а нѣтъ шайтана—разбойныки есть!

Я расхохотался. Фантазія Вано была еще богаче моей; ему всюду чудились шайтаны и разбойники.

— Твой будитъ рѣзитъ, а денга не получу миндалъ—фью!

Вано почему-то былъ убѣжденъ, что за благополучное окончаніе моей поѣздки онъ получитъ медаль. Какъ я ни разубѣждалъ его, все было напрасно — медаль засѣла у него въ головѣ; напрасно я говорилъ ему, что не имѣю ничего общаго съ чиновниками, путешествующими по службѣ и испрашивающими медали ихъ провожатымъ; напрасно объяснялъ, что я частный человѣкъ, праздношатающійся. Вано только хитро прищуривалъ лѣвый глазъ и дергалъ носомъ въ сторону, словно заявляя:

— Оставь, ужъ я знаю, что знаю, меня не надуешь!

И при первомъ случаѣ опять вскользь заявлялъ увѣренность въ неизбѣжномъ полученіи медали за мою скромную особу. Иногда даже его интересовалъ вопросъ, на какой лентѣ эта медаль будетъ: на голубой или красной.

— Луче жолты!—безапелляціонно рѣшалъ онъ, и повторялъ нѣсколько разъ, желая, чтобы это поглубже застряло въ моей памяти.

— Жолты лента золотой миндалъ!

Разостлавъ бурки и положивъ подъ головы сумки, мы улеглись, закутавшись, елико возможно. Видъ развалинъ, дышущее небо, словно мигающія звѣзды, стреноженные кони, ихъ фырканіе и удары копытъ долго еще мерещились мнѣ, и я заснулъ счастливымъ беззаботнымъ сномъ, увидавъ въ послѣднюю минуту облитую луннымъ сіяніемъ круглую башню развалившагося замка.

Въ другихъ частяхъ края туристы встрѣчали на вершинахъ горъ такіе же угрюмые замки. Какъ и мосты, гурійцы приписываютъ постройку замковъ царицѣ Тамарѣ. Мусульманское населеніе этой страны одинаково вѣритъ въ легенды о Тамарѣ, какъ и христіанское—Кавказа. Нѣкоторые замки положительно напоминаютъ генуэзскія развалины по восточному берегу Чернаго моря, а немногіе похожи на рейнскія развалины этого рода. По одному ущелью Верхней Аджары насчитывается до четырехъ замковъ. Руины ихъ часто возвышаются посреди ауловъ (не знаю, какъ иначе и назвать аджарское село); кое-какъ смазанныя и обложенныя сакли робко жмутся къ этимъ павшимъ, но въ самомъ паденіи своемъ грознымъ великанамъ. Часто хижины примощены къ ихъ стѣнамъ, а мнѣ, напримѣръ, случилось даже видѣть башню, къ которой, словно ульи, были подстроены сакли снаружи и внутри до самой ея вершины. Она была и безобразно-грязна, и въ то же время невыразимо красива и живописна! Во время набѣговъ стараго добраго времени въ эти башни пряталось все населеніе аула или становища.

Гурійскіе феодалы не уступали прирейскимъ собратьямъ въ хищничествѣ. Они усѣяли всѣ вершины крутыхъ горъ своими замками, и горе купцу-армянину или мирному путешественнику, пробиравшемуся внизу у ихъ подножій. Камнемъ падали сверху коршуны, и несчастную, бившуюся и тщетно протестующую жертву уносили на эти скалы, гдѣ добыча братски дѣлилась между княземъ или бекомъ и разбойничьею дружиною, а путникъ или купецъ сбрасывался внизъ, такъ что въ долину, если и долетали, то безобразные куски кроваваго мяса. Еще недавно у насъ, въ Кутаисской губерніи, чуть ли не въ шестидесятыхъ годахъ, такимъ же образомъ разбойничалъ князь Абашидзе, о мужествѣ и красотѣ котораго разсказываются цѣлыя легенды. До сихъ поръ его замокъ не тронутъ и, какъ орлиное гнѣздо, виситъ онъ надъ мирной гурійской долиной, по которой лѣниво извивается красавица-рѣчка Квирило.

Утромъ я проснулся отъ неожиданнаго удара по моей рукѣ. Смотрю—рядомъ бичо, встревоженный и блѣдный.

— Что съ тобою, князь?

Я забылъ прибавить, что Вано дѣйствительно носилъ этотъ титулъ и во Франціи имѣлъ бы право именоваться принцемъ.

— Глядп... песокъ!

Смотрю — на пескѣ ворочается, приподнимая хвостъ, оканчивающійся жаломъ, отвратительный лохматый скорпіонъ, какого-то гнилостнаго, зеленоватаго цвѣта, весь въ противныхъ складкахъ и суставахъ. Какъ оказалось, Вано ловко смахнулъ его съ моей руки въ то самое время, когда ядовитая гадина собралась забраться ко мнѣ подъ рукавъ отъ стужи. При одной мысли объ этомъ меня обдавало холодомъ. Не такъ опасно, какъ противно прикосновеніе этой мерзости. Развалины, повидимому, кишмякишѣли ими, а когда мы приподняли бурки, разостланныя на землѣ, подъ одною оказалась забравшаяся во впадину камня сѣроватая змѣя съ черными кольцами и узенькою граціозной головкой. Потревоженная, она злобно

зашипѣла и высоко подняла голову надъ красивымъ свертком своего тѣла. Зѣвъ ея поминутно открывался во всѣ стороны, и тонкое жало языка далеко высовывалось впередъ, дрожа, какъ задѣтая струна. Бичо хладнокровно расплющилъ скорпіона камнемъ, такъ что обрызгалъ отвратительною жидкостью его окрестные валуны; потомъ пришла очередь змѣи.

— Теперь твой чиродъ! Я буду Кюръ-оглы, а ты инаралъ. Давай башка!

Змѣя откинула голову назадъ, словно приготовляясь моментально впиться въ руку врага, игравшую передъ нею кинжаломъ. Жало заколебалось еще замѣтнѣе, шипѣніе становилось яростнѣе.

— Смотри, князь, укуситъ!

— Одинъ такая билъ, кусалъ!

И ловко отсѣченная голова змѣи покатилась внизъ, продолжая зѣвать и сверкать глазами, хотя языкъ уже оттянуло внутрь. Острые мелкіе зубы змѣи были очень изящны. Что значитъ наружность: змѣя была несравненно ядовитѣе скорпіона, но въ то же время, какъ глазъ любовался изящными извивами первой, второй возбуждалъ одно отвращеніе.

Ночлеги здѣсь почти всегда сопровождаются такими неожиданными сюрпризами. Приходилось убѣдиться, что бурка вовсе не избавляетъ отъ приближенія гадинъ и скорпіоны далеко не чувствуютъ ужаса передъ овчиной. Бичо не ограничился убіеніемъ врага: онъ разрѣзалъ на куски змѣю, чтобы показать мнѣ, какъ каждый изъ этихъ кусковъ еще сокращался и шевелился, сохраняя отдѣльную жизнь. Голову змѣи онъ расплющилъ и закопалъ.

— Сростутся!—пояснилъ онъ мнѣ, наивно показывая зубы, бѣлѣе змѣиныхъ.

— Ну, спасибо, Вано, что отъ скорпіона спасъ. Мучился бы я теперь!

— Жолты лента лучи. Золотой миндалъ, жолты лента!

Я только отмахнулся рукою.

Утро было прелестное. Только-что вставшее солнце раз-

гоняю туманъ; одна за другою обнажались вершины окрестныхъ горъ. Лошади отъ нетерпѣнія скребли землю копытами. Какая-то черная птица взмыла изъ развалинъ и разомъ утонула въ яркомъ сіяніи зари, только хищный клекотъ замеръ въ воздухѣ. Словно костры, на вершинахъ запылали снѣговыя глыбы. Тусклымъ блескомъ отразили зарю гладкія скалы; мгла, еще клубившаяся въ безднахъ, приняла фіолетовые тоны. Какъ хороши были развалины въ эти минуты! Ихъ облило розовымъ блескомъ, и онѣ словно млѣли въ этомъ аломъ мерцаніи, выступая на свѣтъ каждою своею выпуклостью. Кусты на вершинахъ башенъ, самыя башни, зубцы стѣнъ, груды щебня — все это разомъ оживилось, точно въ эти безжизненные камни влилась горящая яркимъ румянцемъ кровь молодости и силы. И странно: розовѣли они не снаружи, заря не извнѣ обливала ихъ своимъ торжествующимъ блескомъ. Нѣтъ, этотъ румянецъ словно расходился изнутри ихъ, точно тамъ посреди былъ центръ этой жизни, средоточіе этого блеска.

Тропинка вела отсюда черезъ арку стариннаго моста безъ устоевъ. Мостъ былъ такъ узокъ, что если бы кто-нибудь ѣхалъ навстрѣчу, то одинъ изъ насъ своего коня долженъ былъ бы сбросить внизъ, прямо въ ревущую бездну потока. По окраинамъ арки замѣтны слѣды парапета, но онъ давно обвалился и только въ одномъ мѣстѣ торчитъ часть его одинокимъ зубцомъ. Странное чувство охватило меня здѣсь, — чувство не страха, а какое-то напряженіе всѣхъ нервовъ. Каждый какъ будто живетъ отдѣльною жизнью, жилы натягиваются, пульсъ бьется сильнѣе, и при каждомъ взглядѣ внизъ кружится слегка голова. Нѣсколько сотенъ лѣтъ стоитъ эта замѣчательная арка, а все-таки страшно — какъ вдругъ оборвется и рухнетъ внизъ? И за лошадь жутко. Оступится — и поминай, какъ звали! А тутъ, какъ нарочно, слушаешь, какъ потокъ ворчитъ внизу, какъ горныя теченія разбиваются р скалы, торчащія кверху остріями. По склону горъ внизу астутъ огромные лѣса, а сверху отсюда кажется, что

только трава устилаетъ откосы. Жутко! Хоть бы лошадь проскакала стремглавъ, какъ сдѣлалъ это съ своею мой бичо изъ молодечества; нѣтъ, едва ступаетъ, медленно, осторожно, точно она не довѣряетъ или мнѣ, сѣдоку, или аркѣ, висящей надъ пропастью. Колѣни сами собою тѣснѣе сжимали бока коня, и при всякомъ движеніи подпруги руки невольно хватались за гриву лошади... А все-таки и въ этомъ напряженіи нервовъ до боли, и въ этомъ страхѣ, если только можно было назвать подобное чувство страхомъ, есть что-то пріятное, хорошее. И жутко, и весело. И голова кружится, и хочется въ то же время крикнуть на весь этотъ просторъ.

Говорятъ, что привычные люди не боятся нереѣзжать эти арки даже и тогда, когда онѣ прячутся подъ тучами. Признаюсь, я бы на это никакъ не пошелъ. Особенно опасна была арка, которая попалась на нашемъ пути. Поверхность камней тутъ такъ сгладилась, что копыта лошади скользили и разъѣзжались по сторонамъ. А когда на этомъ шаткомъ основаніи покоится туча, тутъ уже мало чутья лошади. Коню нужно обладать цѣпкостью обезьяны или способностью піявки присасываться ко всему. Но вотъ мостъ кончается. Колѣни разжимаются сами собою, руки освобождаютъ гриву, и посадка дѣлается незамѣтно молодцоватой, точно это и не ты вовсе трепеталъ одну минуту тому назадъ. Даже шумъ бездны, исчезающій позади, становится гармониченъ, и душою чувствуешь, какъ онъ подстать этимъ дикимъ кручамъ и скаламъ, какъ хорошо выдѣляется на его однообразномъ фонѣ фіоритуры рѣзкаго, пронзительнаго крика водяной птицы и унылый стонъ лѣсного фазана.

Тропинка за мостомъ круто спускалась внизъ. Лозы дикаго винограда глушили остальную растительность. Громадные каштаны и маститые дубы задыхались въ мощныхъ объятіяхъ этихъ удавовъ, перекидывавшихся отъ ствола къ вѣтвямъ, отъ вѣтвей на другія деревья. Нѣкоторые роды малорослыхъ орѣшниковъ совсѣмъ прятались въ этой убійственной сѣткѣ. Свернуть въ сторону отъ

тропинки иногда было невозможно, именно потому, что частый переплетъ одеревенѣвшихъ лозъ былъ доступенъ только топору или огню. Странное дѣло: несмотря на обиліе грозъ, здѣсь почти нѣтъ лѣсныхъ пожаровъ. По крайней мѣрѣ, по всему пути мы не видѣли ни одного выгорѣвшаго мѣста. Невольно вспоминались при этомъ сѣверные лѣса, мощные своимъ подавляющимъ однообразіемъ. Ѣдешь тамъ, бывало, недѣлю—и ни одной поляны. Сѣрые стволы сосенъ, въ ихъ вершинахъ гудитъ вѣтеръ; а внизу тихо, только перебой падающихъ шишекъ нарушаетъ это безмолвіе... Ѣдешь ночи и дни—и вдругъ передъ вами, словно черная плѣшь какая-то, начинается обгорѣлое мѣсто. Еще за версту сосны кажутся скорченными; ближе—вѣтви обуглены, преимущественно со стороны пожара. А на самой голинѣ только черные пни да кучи золы и углей. И ѣдешь этими «горѣлыми плѣшками» дни и ночи; ноги уходятъ въ золу, ничто живое не шевельнется среди мертваго безлюдья мрачной пустыни. И такъ дни и ночи, на десятки верстъ тянутся слѣды пожара, пока не наткнешься опять на прямую стѣну уцѣлѣвшихъ сосенъ и не погрузишься въ ихъ сонное и молчаливое царство. А тутъ, въ Аджарѣ, гдѣ гроза чуть-ли не ежедневное явленіе, лѣсъ частъ и свѣжъ, ни одной обгорѣлой поляны, несмотря на обиліе горючаго матеріала въ видѣ высохшихъ, но еще цѣпко охватывающихъ лѣсные великаны виноградныхъ лозъ толщиною въ руку.

Иногда по дорогѣ попадались небольшія поля гоми, но рѣдко. Часто четырехугольникъ, засѣянный кукурузой, а домъ гдѣ — Господь вѣдаетъ. Разъ только изъ лѣсу на насъ кинулась, похожая на загнаннаго, вытертаго волка, собака, но и та, хрипло пролаявъ съ минуту, убралась къ себѣ въ зеленую чащу. Въ другой—гдѣ-то вдали замирала пѣсня, крикливая гурійская пѣсня, внезапно переходящая въ мягкіе тоскующіе звуки. Словно кто-то плачется и стонетъ, но плачетъ и мучится страстно, не робко и покорно, а негодуя на свою муку, съ болью сознавая свое безсиліе.

Чѣмъ ниже, тѣмъ растительность становилась гуще. Часто попадались буковыя деревья сажени двѣ въ діаметрѣ. Передъ такими великанами я невольно останавливался. Они внушаютъ какое-то неодолимое почтеніе. Лавровишни у ихъ подножій казались карликами. Бывавшій здѣсь г. Бакрадзе находилъ на буковыхъ деревьяхъ, на высотѣ 4 или 5 саженъ, нарочно положенные ульи, къ которымъ подымаются посредствомъ длинныхъ крючьевъ, чтобы достать медъ. По его же словамъ, «мѣстныя пчелы именно изъ листьевъ бука и извлекаютъ самый лучшій медъ». Я не знаю; въ той части Аджары, гдѣ былъ я, я не встрѣчалъ вовсе слѣдовъ пчеловодства. Тѣнистыя и раскидистыя павлиніи, попадающіяся сѣвернѣе Аджары, тутъ уже рѣдки. Чаще—темно-зеленые, почти коричневые кипарисы, съ трудомъ выбивающіеся изъ чащи боярышника, надъ которымъ порою подымаются дикія поросли фиговаго дерева. Въ полдень, когда все это млѣетъ въ жарѣ, ароматъ попизей убійственный. Огневые цвѣты гранатъ просто отшибаютъ отъ себя, а попадешь въ полосу жасминовъ — голова закружится, кровь бьетъ въ виски, передъ глазами заходятъ огненныя спирали. Можно отравиться этимъ благоуханіемъ! Въ чащѣ стоялъ неумолкаемый стрекотъ и гамъ, тамъ все копошилось, шуршало; часто видишь только, какъ при полномъ безвѣтріи колышутся вѣтви, а что тамъ за ними—и не угадать. Мы подстрѣлили пару прелестныхъ яркихъ фазановъ, стрѣляли въ кабана, но неудачно. Бичо какъ-то выстрѣлилъ въ дикую косулю, съ такимъ же плачевнымъ успѣхомъ.

Выѣхали на чистое мѣсто. Только-что мой восточный человѣкъ заплясалъ на лошади и заджигитовалъ, вертя въ рукахъ винтовку, какъ вдали, за изгибомъ дороги, сначала послышался топотъ копытъ, а потомъ показался и всадникъ, одѣтый по-гурійски.

Мы остановились, остановился и тотъ. Вѣрно увидѣлъ ружье въ рукахъ у моего бичо—и самъ вынулъ.

Молчимъ. Только лошади фыркаютъ и нетерпѣливо потряхиваютъ головами.

— Спроси у него, князь, кто онъ такой?

— Зачѣмъ? Пускай самъ; можетъ, турокъ. Пускай онъ говоритъ. Два уха—одна языка!

— Старая пословица!—недовольно пробормоталъ я про себя, проклиная знаніе русскаго языка моимъ бичо.

Наконецъ, послышался гортанный и хриплый голосъ. Задробились странныя гурійскія фразы съ обычными причмокиваніями, придыханіями, съ невозможными слогами въ родѣ слцхва, пчжше и т. д., произносимыми такъ, какъ будто субъектъ подавился и никакъ не можетъ справиться съ попавшей въ горло костью. Мой Вано отвѣчалъ на томъ же невозможномъ языкѣ. Всадникъ подвинулся къ намъ, мы къ нему, держа ружья наперевѣсъ. Переговаривая, мы проѣхали мимо, не забывая предосторожности и поминутно оглядываясь назадъ, пока изгибъ дороги не скрылъ его отъ нашихъ глазъ.

— Недобрая человѣкъ!..

— А что?

— Мой глазъ знай... Должно, кровь ищетъ.

— Это еще что?

— Стары обида мститъ... Канчалъ-башка хочетъ... Злая душа!.. Шайтанъ народъ Аджара. Кровь любитъ, миръ не любитъ!

И мой бичо задумался и затуманился. Какъ уже извѣстно, ему самому грозила такая же месть.

Тропинка иногда пропадала подъ зарослями дикаго жасмина, и только по помятымъ стеблямъ можно было отличать направленіе пути. Такимъ образомъ мы ѣхали вплоть до вечера, когда, какъ видно изъ начала этой главы, бичо объявилъ рѣшительно, что онъ не въѣдетъ въ лежащій передъ нами аулъ, и предложилъ встрѣтиться съ нимъ на другой день за селомъ. Причины оказались очень уважительными. Бабушка его погрызлась какъ-то съ бабушкой гурійца Леона Цулукидзе. Бабы перессорили ихъ мужей, и вотъ дѣдушка моего бичо пропоролъ кинжаломъ животъ дѣдушкѣ злокозненнаго аджарца. Съ тѣхъ поръ между двумя фамиліями возгорѣлась страшная вражда. Сыновья

братья, племянники, двоюродные и даже троюродные родственники считали священною обязанностью при каждой встрѣчѣ пускать въ дѣло винтовку или кинжалъ и добросовѣстно выполняли эту вендетту. Такъ продолжалось до сихъ поръ, и изъ-за глупой ссоры двухъ взбалмошныхъ фурій пролились рѣки крови, погибло трое жизней, и одинъ родичъ моего князя пожертвовалъ въ битвѣ даже лучшимъ украшеніемъ грузина — носомъ, безвременно сраженнымъ неистовымъ врагомъ!.. Разсказывали цѣлыя фамильныя легенды, въ родѣ слѣдующей: отецъ моего бичо полюбилъ дѣвушку. Сошлись они по душѣ и скоро готовились вступить въ законный бракъ, какъ вдругъ женихъ узнаетъ, что невѣста—дальняя родственница Цулукидзе. У варвара хватило жестокости обрѣзать ей уши и въ такомъ видѣ отпустить домой. Лучше всего, что мой бичо восхищался поступкомъ своего достойнаго родителя.

— Тва ухи за одна носа!

И онъ началъ гоготать совершенно по-жеребячьи, такъ что мнѣ становилось противно и досадно. Я готовъ былъ поколотить его даже, стать для этого на минуту варваромъ и звѣремъ,—такъ дѣйствовалъ на нервы этотъ животный, ишачій смѣхъ.

— Бичо, какъ же доберусь въ селѣ до ночлега? Вѣдь я по-гурійски ни слова не знаю!

— А ты, батоно, спроси солдатъ Иванъ. Есть тамъ одна такой. При Барятинскій—русски билъ, бижалъ, голову брилъ—татаринъ сталъ!

И онъ научилъ меня, какъ добраться до жилья этого дезертира, оставшагося «добрымъ человѣкомъ», хотя и «балшимъ шайтаномъ».

— Онъ новы маладой жена недавно бралъ!—пояснилъ мнѣ бичо.

Князь сталъ ужасно остороженъ. Теперь онъ осмотрѣлъ ружейный замокъ и внимательно оглядѣлъ окрестности съ вышины одного придорожнаго холма. Винтовку не выпускалъ изъ рукъ и, пустивъ меня впередъ, самъ скорѣе крался, чѣмъ ѣхалъ позади.

— Неужели же Цулукидзе такъ тебя и убьетъ сразу?

— Леонъ? Атчего не убьетъ?.. Моя турецка паспорта имѣтъ, твая тоже нѣтъ. Балшой ему наградъ будетъ отъ ага. Скажитъ, разбойныкъ убивалъ!..

И бичо заболталъ какую-то чушь. Мнѣ, правду сказать, вовсе не улыбалась перспектива—въѣхать въ чужое село, одному, къ этимъ завѣдомымъ грабителямъ и разбойникамъ, зная только единственную фразу на мѣстномъ нарѣчіи:

— Гдѣ солдатъ Иванъ?

Ущелье мало-по-малу расширялось.

— Ступай по дорогѣ прямо!

И бичо куда-то разомъ пропалъ, точно сквозь землю провалился. Юркнулъ ли онъ въ чащу орѣшниковъ или просто пріютился за кучею грандіозныхъ скалъ, кое-какъ навороченныхъ одинъ на другія — не знаю. Только я разомъ пересталъ чувствовать его присутствіе. Ни топота его рыжаго коня, ни веселаго гортаннаго голоса. Тѣснины горъ раздавались направо и налѣво, образуя большую зеленую котловину, посреди которой возвышался глинисто-песчаный холмъ, омываемый внизу, кажется, однимъ изъ притоковъ Аджарисъ цхале. Рѣчонка красиво огибала горку и, пустивъ отъ себя нѣсколько серебристыхъ рукавовъ, пзчезала на горизонтѣ зигзагами. Вдали горы слпвались въ одну синюю тучку, а рѣка видпѣлась вся, какъ на ладони, точно она висѣла въ воздухѣ, поднималась на небо. За то, что могло сравниться съ картиною этого села! Весь холмъ подъ розовыми лучами заката казался розовымъ. Земляныя плоскія кровли сакель одѣли всѣ уступы. То, что казалось холмомъ, при ближайшемъ знакомствѣ вышло простою массою земляновъ, прислоненныхъ къ нему, нагроможденныхъ однѣ на другія. Столбики однѣхъ опирались о кровли другихъ, и все это въ такомъ живописномъ безпорядкѣ, что даже привычный пейзажистъ почувствовалъ бы здѣсь полнѣйшее свое безсиліе. Словно тысячи лѣстницъ перекрещивались между собою во всѣхъ направленіяхъ, при чемъ роль ступеней играли сакли. Чѣмъ

выше и круче, тѣмъ сакли казались меньше. На самомъ верху стройно блисталъ въ аломъ сіяніи зари выложенный изразцами голубой минаретъ и подъ нимъ хорошенькій домикъ мѣстнаго хаджи или эфенди, на манеръ тѣхъ, которые украшаютъ предмѣстья Трапезунда. Изрѣдка изъ среды сакель вырывалась зеленая чаща фиговыхъ и тутовыхъ деревьевъ, немногими пятнами разбросанныхъ по всей этой глинистой массѣ человѣческаго улья. Скаты окрестныхъ горъ были одѣты хорошо воздѣланными виноградниками. Я даже подивился ихъ обилію. Посреди этихъ «нивъ Аджаріи» возвышались наметы изъ виноградныхъ лозъ. Сады были разбиты внѣ аула. Изъ нихъ такъ и несло благоуханіемъ миндальныхъ цвѣтовъ. Айвовыя, грушевыя деревья были въ цвѣту, ярко-оранжевые гранатники такъ и рѣзали глаза. Громадное стадо черныхъ барановъ паслось въ сторонѣ отъ дороги. Пастухъ на лошади, съ винтовкой за плечами, сурово оглядывавшій окрестности, проснлся на картину. Издали уже слышался шумъ рѣчки, пробиравшейся по каменьямъ и вскипавшей бѣлою пѣною въ небольшихъ порогахъ.

II.

Солдатъ Иванъ.

Все населеніе аула высыпало мнѣ навстрѣчу.

Я еще подъѣзжалъ къ деревнѣ, а уже на плоскихъ кровляхъ замелькали группы прятавшихся въ какія-то грязныя лохмотья женщинъ. Между ними суетились и трещали дѣти, иногда голыя, но въ неизбѣжныхъ вчинныхъ шапкахъ. Типъ народа совершенно гурійскій. Красивыя лица на диво сложенныхъ атлетовъ, нѣсколько гордый взглядъ полуразбойника, полупоселянина, окидывавшій презрительно то, чему въ душѣ аджарецъ удивляется несказанно. Странную жизнь придавалъ этимъ группамъ алый отсвѣтъ зари. Даже ветошь, едва не валившаяся съ плечъ, казалась красивой и изящной. Я н

могу забыть головы одного старика, попавшагося мнѣ на дорогѣ. Голый, какъ колѣно, черепъ казался розовымъ, покрытое обманчивымъ румянцемъ зари морщинистое лицо словно улыбалось, хотя обычное выраженіе его было, повидимому, сурово и сосредоточенно; длинная сѣдая борода свѣтилась алымъ блескомъ. Такъ густы здѣсь заревые оттѣнки. Скоро и рѣчонка, какая-то Арпа или Ходжичай, не помню, позади села горѣла багрянцемъ, вся сверкая, хотя поля, по которымъ она струилась, и горы, обступавшія ее, исчезали въ синевѣ таинственныхъ далей.

Я подъѣхалъ къ деревнѣ, положительно не зная, куда сунуться. Не ѣхать же было прямо на кровлю! А другого исхода не оставалось. Съ ближайшихъ крышъ гурійское бабье, повидимому, любовалось и тѣшилось затруднительностью моего положенія. Никто не приходилъ на помощь. Гдѣ-то слышались звуки бубна, унылые, отрывистые, дикіе. Наконецъ, я пріостановился передъ одною кровлей и только-что хотѣлъ спросить, гдѣ солдатъ Иванъ (единственная извѣстная мнѣ фраза по-гурійски), какъ всѣ эти прелестныя нимфы Аджаріи кинулись отъ меня и, стѣснившись въ одну кучу у какого-то провала въ крышѣ,— при чемъ, разумѣется, не обошлось безъ тукманокъ и крикковъ,—одна за другою исчезли внутрь сакли, словно въ трубу. Досада разбирала меня. Сунулся я къ другой кровлѣ—то же самое! Только-что взглядывалъ на женщинъ, какъ тѣ, закрываясь рукавами, посылали мнѣ привѣтствія, повидимому, не совсѣмъ почтительнаго свойства, если принять въ соображеніе интонацію этихъ ворчливыхъ фурій. Особенно злы оказывались старухи. Желая задѣть, вѣрно, мое самолюбіе, онѣ изъ приличія закрывали свои лица и, напротивъ, показывали то, что въ Европѣ открывать вовсе не принято. Какая разница въ понятіяхъ о приличіи!..

А солнце все садилось, и магическая фраза: «гдѣ солдатъ Иванъ!» вовсе не оказывала должнаго впечатлѣнія; я даже сталъ было сомнѣваться въ существованіи этого мистическаго Ивана, считая его настолько же дѣйстви-

тельнымъ лицомъ, насколько дѣйствителенъ король Какаду I въ оффенбаховской оперетке, какъ вдругъ сверху скатился ко мнѣ какой-то голобрюхій, босоногій мальчуганъ въ овчинной шапкѣ и какомъ-то, повидимому, бабьемъ бешметѣ. Съ неба онъ свалился или аджарская вѣдьма, пролетая мимо, вытрясла его изъ кармана—Господь вѣдаетъ. Вѣрнѣе, что по столбу скользнулъ съ кровли ближайшей сакли. Онъ завертѣлся у ногъ моего коня и, ругаясь, показывалъ мнѣ что-то, особеннымъ образомъ, вовсе не лестнымъ для меня, складывая пальцы правой руки. Я прибѣгнулъ къ универсальному средству, одинаковому для всѣхъ временъ и народовъ,—бросилъ ему какую-то серебряную монетку. Мальчуганъ оторопѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать; ругаться пересталъ, правда, но пальцы руки все еще были сложены попрежнему, хотя онъ уже пересталъ мнѣ ихъ показывать. Я расхохотался и бросилъ еще. Кубаремъ покатился ребенокъ за деньгами, но въ эту минуту изъ темной, какъ колодецъ, сакли вылетѣла какая-то простоволосая, безобразная фурія и, давъ шлепка мальчугану, вырвала у него деньги. Думалъ,—броситъ мнѣ,—нѣтъ, унесла съ собою. Показывая другую монету, я заставилъ собиравшагося уже заплакать бутуза подвинуться ко мнѣ.

— Гдѣ солдатъ Иванъ?—А самъ даю ему понять, что деньги будутъ вручены ему.

Мальчуганъ подумалъ, подумалъ, потомъ повернулся ко входу въ саклю, обиженно заоралъ туда что-то и, схвативъ лошадь мою подъ уздцы, рѣшительно направился въ незамѣченный мною сначала проулочекъ, темною щелью извивавшійся между саклями и выступами кровель. И что это былъ за оригинальный переулокъ! Грязь невозможная, хотя тутъ же сочится какая-то канавка. Собаки поминутно кидаются подъ ноги коню, одна съ полверсты преслѣдовала насъ, бросаясь къ моимъ икрамъ. Улочка то огибала землянку, то уступомъ, иногда очень крутымъ, взбѣгала на плоскую кровлю другой землянки, чтобы сейчасъ же сдѣлать поворотъ въ противоположномъ напра-

вленіи, мимо третьей. Такимъ образомъ мы подымались довольно долго и все зигзагами. На улицахъ лошадь моя часто заставляла прижиматься къ стѣнамъ спиною молчаливыхъ и солидныхъ аджарцевъ, которые, въ совершенный контрастъ своему прекрасному полу, не обращали на насъ никакого вниманія! Дамы, тѣ при одномъ нашемъ приближеніи проваливались съ кровель внизъ, внутрь своихъ сакель.

Наконецъ, мы остановились передъ землянкой побольше и показистѣе другихъ. Рядомъ росъ каштанникъ, нѣсколько цвѣточныхъ грядокъ подъ выступомъ кровли.

— Йованесъ!—закричалъ мальчонко. Молчаніе.

— Йованесъ... Вай-йованесъ.

На веранду вышелъ крѣпкій еще старикъ, въ которомъ трудно было узнать русскаго. Какой-то неопредѣленнаго цвѣта отъ ветхости бешметъ, башмаки съ загнутыми вверхъ носками и безъ задковъ, на босу ногу. Голова обернута тряпками, игравшими роль чалмы или чего другого—трудно опредѣлить. Борода до пояса.

— Йованесъ!—ткнулъ въ него пальцемъ мальчонко и протянулъ руку за подачкой.

Старикъ уставился на меня. На лицѣ недоумѣніе. Что-де за человѣкъ такой, и чего ему отъ меня нужно?

— Здравствуйте!—говорю ему по-русски.

— Батюшки! Нашъ! Землякъ!.. Голубчикъ!

И, всхлипывая, Иванъ кинулся поддержать стремя, пока я сойду. Странно, что какъ только онъ заговорилъ по-русски, такъ и фигура его измѣнилась и сталъ онъ разомъ похожъ на отставного солдатика, несмотря на свой бешметъ и чалму. Усы оказались подстриженными, даже и выправка явилась.

— Можно у васъ на ночь пріютиться?

— Родной!.. Осчастливь!.. Да я тебѣ въ ноги за это. Двадцать годовъ христіанской рѣчи не слыхивалъ. Ты чего еще спрашиваешь... Хозяиномъ будешь...

Старикъ говорилъ отрывочно, короткими фразами, съ передышкой, какъ-будто припоминая. Видно было, что

ему давно не удавалось перемолвиться словцомъ съ русскими. Онъ какъ-то заглядывалъ мнѣ въ глаза, все забѣгалъ впередъ и крѣпко держалъ за руку, точно боялся, что вотъ-вотъ я провалюсь сквозь землю, и поминай, какъ звали, тогда.

— Вотъ свѣтлаго праздничка дождался!.. Все Богъ... Кругомъ-то вѣдь чужіе. Азія необразованная, хоть и сжился съ ними, а все, какъ въ лѣсу, иной разъ такъ на душѣ защемитъ, точно къ покойнику!

— Ахмедъ!—крикнулъ онъ въ саклю.

Вышелъ малый въ родѣ провожавшаго меня мальчугана.

— Тоже сынъ!—съ педовольствомъ кивнулъ старикъ на бритую голову Ахмеда.—Ишь она, какая нехристь!

Иванъ что-то проговорилъ ему и отдалъ уздцы лошади, которую тотъ и увелъ при мнѣ.

Съ кровли смотрѣли внизъ, безъ враждебнаго презрѣнія, двѣ женщины, одна старая и безобразная, другая молоденькая, стройная, красивая, съ газельими глазками и тонкимъ оваломъ изящнаго личика. Снизу я могъ различить узенькую и маленькую ножку, поджатую красавицей подъ себя. На шеѣ у нея болтались серебряныя монеты, широкій рукавъ рубахи позволялъ разсмотрѣть привлекательныя линіи бѣлой и нѣжной руки, повидимому, вовсе незнакомой съ какой-бы то ни было тяжелой работой.

— Въ горницу прошу!

И старикъ провелъ меня въ свою саклю, — иначе не знаю, какъ и назвать этотъ домъ.

Нужно замѣтить, что такія землянки есть въ немногихъ мѣстахъ Аджаріи, въ которой видѣли почти исключительно дома гурійской постройки. Сверхъ того, въ другихъ деревняхъ жилища нѣсколько разбросаннѣе посѣщенной мною, хотя они все-таки скученнѣй гурійскихъ ауловъ.

Сакля состояла изъ двухъ отдѣленій: того, гдѣ помѣщалось семейство старика, и купацкой комнаты, т.-е.

для гостей, гостиной. Тутъ было темно. Свѣтъ проходилъ только въ двери да въ какую-то дыру на потолкѣ. Тѣмъ не менѣе, можно было различить родъ грузинской тахты, или громаднаго сидѣнья, занимавшаго полкомнаты въ длину, а въ ширину настолько достаточнаго, что человѣкъ самаго крупнаго роста могъ бы здѣсь улечься поперекъ тахты. На ней былъ разостланъ коверъ, уже порядкомъ потертый, насколько позволяло различить бѣдное освѣщеніе жилья. На тахтѣ въ разныхъ мѣстахъ лежали подушки валиками, длинныя и круглыя, большею частью въ капаусовыхъ наволочкахъ, собиравшихся въ двухъ концахъ этихъ цилиндровъ, какъ собирались старинные кисеты съ табакомъ. Внутри пахло чѣмъ-то хорошимъ, не то жасминомъ, не то другими цвѣтами. Все показывало зажиточнаго хозяина.

Старикъ на минуту исчезъ распорядиться по хозяйству, и вернулся съ подносомъ, на которомъ были мѣстныя лакомства. Кое-какіе сухіе плоды, лабъ-лаба, странные засушенные мучнистые шарики, разсыпавшіеся во рту вязкою массой.

— Пока! Я велѣлъ своимъ бабамъ баранинки зажарить... Не обезсудьте, по нашему христіанскому обычаю...

— Да вы развѣ христіанинъ?

— А то какъ же? Въ мечеть къ нимъ хожу тоже, обрядъ этотъ исполняю... страха ради іудейска, только тамъ не ихнему Аллаху да Магметкѣ молюсь, а Христу Іисусу и Богородицѣ-Дѣвѣ. Николу тоже, по старой памяти, поминаю. Онъ вѣдь мой святой. Безъ мечети-то здѣсь нельзя. Народъ къ своей вѣрѣ приверженный страсть. Паша здѣсь — царь, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Велитъ убить — убьютъ, велитъ выгнать — выгонятъ и домъ разберутъ на щепы!.. Сказано — Азія. Ну, и лажу. Потому какъ же мнѣ иначе!

— Васъ, стало-быть, Николаемъ звать, а не Иваномъ?

— Иваномъ это они по старой памяти меня. Черкесы, у которыхъ я на Кавказѣ жилъ, звали меня Иваномъ,—

у нихъ всякій русскій солдатикъ — Иванъ. Ну, и эти зовутъ, какъ я у нихъ поселился послѣ замиренья!

Хотѣлось обо многомъ разспросить старика, да неловко казалось. Точно сыщикъ какой пріѣхалъ раскапывать его прошлое.

Въ горницѣ старикъ сбросилъ съ себя бешметъ и остался въ канаусовой рубахѣ и какихъ-то, чуть не ситцевыхъ съ широкими разводами, шароварахъ. Чевяки брякнулись объ полъ. Взглянулъ я на хозяина — и несказанно удивился. Передо мной, свѣсивъ ноги съ тахты, сидѣлъ вовсе не азіатъ недавній, а нашъ рязанскій или новгородскій крестьянинъ. Та же сгорбленная спина, тѣ же руки на колѣняхъ, тотъ же вдумчивый, зоркій взглядъ.

Не успѣли мы еще здѣсь перемолвиться словомъ, какъ въ дверяхъ показался высокій, бородатый ходжа, передъ которымъ старикъ почтительно привсталъ, приложивъ руки ко лбу и сердцу.

— Начальство здѣшнее, все равно, что становой!— пояснилъ онъ мнѣ по-русски.

Гость заговорилъ съ хозяиномъ. Дѣло шло обо мнѣ, потому что они поминутно оглядывались на меня.

— Паспортъ спрашиваетъ. Да ты не безпокойся, не ищи, сунь ему какую-нибудь бумажку, да мелочи дай изъ серебра что-нибудь!

Я полѣзъ въ карманы. Въ одномъ изъ нихъ залежалась какъ-то,—пріятное воспоминаніе о далекой юности, расписка ростовщика Карповича въ пріемѣ отъ меня подъ залогъ серебряныхъ часовъ съ уплатою за нихъ $^1/_2{}^0/_0$ росту и $9^1/_2{}^0/_0$ за храненіе. Въ минуту жизни трудную я познакомился съ этимъ почтеннымъ джентльменомъ, никакъ, разумѣется, не предполагая, чтобы подобное знакомство пригодилось мнѣ въ глуши, въ аджарской деревушкѣ, при сношеніи съ начальствомъ, съ самимъ «становымъ» оттоманской короны.

Я сунулъ предержащей власти расписку и ему же вручилъ горсть мелкаго серебра.

Внимательно осмотрѣвъ документъ, ходжа благосклонно

показалъ мнѣ свои зубы и вернулъ «паспортъ». Серебро же очутилось въ его карманѣ какъ-то незамѣтно, будто онъ его и не бралъ руками; точно варежки запорожца Пацюка, оно само направилось на свое мѣсто. Признаться, я никогда до тѣхъ поръ не имѣлъ случая удивляться столь ловкому фокусу.

Убѣдясь въ моей благонамѣренности, «становой» принялся за разговоръ.

— Правда ли, что нѣтъ на свѣтѣ ничего могущественнѣе падишаха и умнѣе стамбульскаго муфтія?

Старикъ перевелъ мнѣ этотъ мудреный вопросъ. Я пробормоталъ что-то, но «Иванъ», не теряясь, самъ придумалъ за меня соотвѣтствующую фразу:

— Одинъ Аллахъ могущественнѣй падишаха, и только пророкъ Магометъ, да будетъ благословенна его память, умнѣе стамбульскаго муфтія!

На это послѣдовалъ новый вопросъ.

— Что выше горы Арарата и глубже Чернаго моря?

— Выше Арарата милость султана и глубже Чернаго моря Коранъ!—отпарировалъ за меня старикъ.

Оттоманская власть посмотрѣла на меня очень благосклонно и выразила при этомъ: «какъ пріятно встрѣтить въ чужеземцѣ истинно просвѣщенный умъ и столь высокое знаніе свѣта!»

— Выше падишаха нѣтъ ничего на землѣ. Однимъ мечомъ онъ можетъ изрубить инглизовъ, другимъ франковъ. Весь свѣтъ покоряется ему, и онъ милуетъ своихъ подданныхъ, дозволяя имъ управляться своими царями. Такъ «бурустанъ» управляется намѣстникомъ султана «Басмарги-пашой», «Френгистанъ» — Махмахани-агой»; одни инглизы выбрали себѣ, съ разрѣшенія падишаха, какую-то женщину изъ его сераля, но на то они гяуры и кяфиры. Если они ѣдятъ свинину и посадили чорта въ свои машины, такъ почему имъ не подчиняться бабѣ?

Такова была философія моего собесѣдника.

— Послѣ падишаха самый сильный царь — Московъ, бѣлый царь, ему покорны семьдесятъ семь народовъ, и онъ

каждый день ѣстъ пловъ изъ жемчуга, на золотомъ блюдѣ. Каждый день онъ мѣняетъ блюдо, отдавая старое своему муфтію.

Разсужденіе о величіи Москова прибавлено было, очевидно, изъ любезности ко мнѣ.

Далѣе шли разсужденія, что султанъ можетъ «великодушно» насылать на своихъ бунтующихся подданныхъ голодъ, моръ, землетрясеніе. При этомъ было разсказано, что разъ американскій царь не прислалъ въ свое время пешкеша султану, и тотъ «отъ милосердія и щедротъ своихъ» повелѣлъ одной половинѣ американскаго царства, или пашалыка взбунтоваться противъ другой, а на помощь имъ послалъ негритянскія войска изъ Египта. Американцы бились между собою семьдесятъ семь дней, пока одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ такого подземнаго корабля, который взорвалъ одну половину этой непокорной провинціи. Съ тѣхъ поръ, испытавъ милосердіе и силу падишаха, американцы уже не смѣютъ прекословить его пашамъ и даже прислали въ Средиземное море цѣлый флотъ въ пешкешъ султану, обязавшись каждую недѣлю поставлять новую красавицу въ его гаремъ. Такъ разсказывается здѣсь исторія сѣверо-американской междоусобной войны.

Наговорившись всласть и сообщивъ въ заключеніе, что, вѣроятно, мудрый Аллахъ въ скорости истребитъ всѣхъ гяуровъ и кяфировъ, послалъ на нихъ чуму, а наслѣдіе ихъ предавъ правовѣрнымъ, ходжа поднялся и вышелъ вонъ, благосклонно намекнувъ мнѣ, что между порядочными людьми водится присылать пешкешъ мѣстной власти не только по прибытіи въ деревню, но и по выѣздѣ изъ нея...

— Этотъ еще такъ себѣ,—объяснилъ мнѣ хозяинъ, съ выходомъ ходжи разомъ превратившійся въ рязанца.—А то на моихъ глазахъ здѣсь бывали такіе, что по семи шкуръ съ человѣка спущали!

— И терпѣлъ народъ?

— Нѣтъ, аджара племя смѣлое. Оно страсть какую гордость въ себѣ имѣетъ. Двухъ становыхъ здѣсь застрѣ-

лили, одного зарѣзали! Ну, а этотъ ничего, нахрапомъ не беретъ, все съ согласія!..

Сходство съ русскимъ крестьяниномъ до того было разительно, что я не выдержалъ.

— Скажите, вы не рязанецъ?

Старикъ ожизился.

— Изъ рязанцевъ, изъ проломленныхъ головъ, изъ самыхъ... Мы зарайскіе. Бывали у насъ когда?

— Какъ же, бывалъ.

— И недавно?

— Мѣсяцевъ шесть назадъ.

— Голубчикъ! Поразскажите-ка про наше мѣсто: какъ живутъ нонѣ... Слободно вѣдь теперь, помѣщиковъ не стало... Вольный народъ—поди, и духъ другой у нихъ, орлы! Теперь-то матушка наша, Россея, весь свѣтъ подъ себя заберетъ!

Я разсказалъ ему все, что зналъ о Зарайскѣ и его уѣздѣ.

— Такъ, такъ. Оно самое и есть... Не шибко же пошли. Кабакъ что, кабакъ и при мнѣ пагубой былъ... Это довѣчное! У насъ и деревнюшка-то жалкая была, а два кабака въ ней стояли... Помню я, а только не вовсе. Рѣку помню—всю въ зарослях зеленыхъ, а надъ рѣкой церкву помню — старую, старую. На мѣсто ангельскихъ ликовъ по стѣнамъ—пятна зеленыя, и крестъ покосился, Теперь, поди, новый храмъ поставленъ.

Старикъ потупился.

— А то еще мѣсто въ лѣску помню. Полянка такая ровная, сосенки кругомъ, а на полянкѣ крестъ стоялъ, сказывали, что зарѣзаннаго тамъ нашли—поставили. Въ безсонную ночку, когда думаешь, много въ головѣ стараго бродитъ, тогда бы еще больше вспомнилъ. Дѣдъ у меня былъ, пчелъ держалъ. На холму такомъ у него хозяйство было. Ульи-то всѣ промежду цвѣтиковъ алыхъ, на тычкахъ стояли, и избенка слѣпая тутъ же. Поди, и лицо дѣдово забылъ, а духовитый этотъ запахъ помню, что на его пчельникѣ стоялъ. Хорошо пахло... И пчела тоже

жужжитъ, къ цвѣтамъ нагнешься — шуршитъ она тамъ Божья работница. А только и щемитъ же, какъ всего-мялешь!

— Хотѣли бы вы туда, назадъ?

— Нѣтъ. Куда я гожусь? Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга... Еще какъ отъ черкесовъ сюда ушелъ, такъ поближе къ нашей границѣ поселился, думалъ, не выйдетъ ли дезертирамъ какого манифеста, тогда, ежели бы что, ушелъ домой. Ну, а нонѣ, хоть манифестъ будь — не пойду. Главная причина—семья у меня есть, слава Богу, хорошая. Женъ у меня, по здѣшнему обычаю, двѣ, одна старуха, другая—молодушка, — такой, поди, по нашимъ мѣстамъ и не сыскать: не озорная, смирная да ласковая! Дѣти, опять, хорошія, нельзя ихъ похаять. Опять же и сжился я, родни у меня по женамъ, поди, полсела. Хозяйство тоже не послѣднее. Что я въ мечеть ихнюю хожу — не великъ грѣхъ. Богъ одинъ, все же я въ мечети не Аллаху и не Махмудкѣ турскому молюсь. А ежели въ точности разобрать, такъ здѣшній народъ, поди, не хуже нашего выйдетъ. Добрый народъ, горячій, правда, да только если ты его не обидишь, онъ тебя не тронетъ. Опять же насчетъ водки большая льгота. Этой питвы, какъ у насъ бываетъ, здѣсь и не слыхано. Вино, правда, неглядя на законъ махмудскій, дѣлаютъ, но легкое, отъ него только въ тѣлѣ разслабленіе и пріятность, а буйства — ни-ни. Опять же если несчастіе какое—всякъ поможетъ. Народъ хорошій, душевный народъ! Теперь приди къ нему въ гости, нигдѣ такой пріятности не получишь. Всякъ тебя приметъ, хоша самый ипостасный господинъ, и тотъ тебѣ готовъ трубку набить!.. Вотъ какіе тутъ люди есть! А что ежели до дѣтокъ, такъ они все равно русскими будутъ, тогда ихъ и въ нашу вѣру обратятъ!

— Какъ же это?

— Да вѣдь, слава тебѣ, Господи, не сегодня, такъ завтра придутъ русскіе и заберутъ эту Азію, полонятъ всѣхъ отъ мала до велика... Съ любымъ мальчугой поговори, коли онъ не турокъ, а изъ Аджары этой, сейчасъ

тебѣ скажетъ, что скоро Москва придетъ и всѣхъ ихъ отъ турскаго салтана отниметъ. Ты какъ думалъ—всѣ здѣсь въ Махмудку этого вѣрятъ? Нѣтъ, врешь. Довольно тайныхъ хрестьянъ понасыпано. Дозволь завтра въ колокола вдарить, замѣсто козлинаго пѣнья съ минареты ихней,— столько насберется молитвенниковъ и поклонниковъ, что только ротъ разинешь. Потому здѣсь народъ прежде Христа держался, ну, а пришелъ турскій салтанъ, онъ и отвратилъ лицо свое отъ Христа! По малодушію и малоумію, какъ и я же. Какъ бы ты полагалъ, вѣдь они и меня обрѣзали, подлые. Надругались надъ старикомъ, а все этотъ эфендій здѣшній! Теперь первый пріятель!.. Одно здѣсь плохо...

И старикъ сокрушенно поникъ головой.

— Что именно?

— Да вотъ, братъ, и Махмудка бы ничего, и эфендію этому подъ хвостъ бы плюнуть, а вотъ русскаго нашего хлѣба нѣтъ и капусты тоже. Они тоже свой виноградъ одобряютъ, во всей подвселенной, говорятъ, другого такого фрухту нѣтъ, а отчего?—Капусты нашей не пробовали! То-есть я бы, кажется, привези кто капусты—за каждый кочанъ пудъ бы винограду отвалилъ. Нечего хаить, и здѣшній фрухтъ хорошъ, что говорить, но только не та въ немъ сила. Хоша бы гранату ихнюю, возмешь это въ ротъ—кисло, сладко, а въ животѣ и не чувствуешь, точно ты и не жевалъ ничего. А капуста, примѣрно, или морковь, рѣпа тамъ? Рѣдьки теперь поѣшь — такъ она и ввечеру ссбя оправдать можетъ. Да!.. Здѣсь, будемъ такъ говорить, эта самая фрухта—приплоду нѣмецкаго!

— Ну, а скажите, какъ съ турками вы ладите?

— И турка—хорошій народъ. Правда, ужъ очень ихъ Махмудка зашибъ, а то всѣмъ бы взяли; добрый народъ. Не трошь только ихъ салтана да Махмудку этого самаго, и будешь ты имъ первый пріятель и рады сами тебя облюбовать! Начальство у нихъ, правда, грабители грабителями, но и то вѣдь надо сказать—всякому себя пропитать хочется. Жалованья имъ отъ салтана не положено,

а хватай сколько можешь,— они и хватаютъ. Потому женѣ узорные шаровары нужно, дѣтишкамъ—бешметики, ну и себѣ тоже покровъ какой-нибудь. Да припусти тутъ нашихъ капитанъ-исправниковъ, такъ ли еще бы лапу запустили. Они бы не на себя шаровары, нѣтъ, они бы на Ивана Великаго прикинули. Знаю я!

Старикъ, какъ видите, все еще заднимъ числомъ жилъ; тѣмъ не менѣе, приходилось согласиться, что капитаны-исправники и теперь, въ новой шкурѣ, охулки на руку бы не положили. Вообще видно было, что старику жилось хорошо, и что онъ чувствовалъ мало различія между покинутой родиной и настоящимъ своимъ отечествомъ.

Поинтересовался я, какимъ образомъ «Иванъ» дезертировалъ къ черкесамъ.

Исторія оказалась донельзя простою и несложной. Иванъ былъ молодой и красивый солдатикъ, лѣтъ двадцати семи. За нимъ изъ города Гори увязалась хорошенькая грузинка, и когда полкъ переведенъ былъ на Закаталы, она послѣдовала за нимъ. Роту, гдѣ находился Иванъ, послали въ одну изъ тѣхъ крѣпостей, гдѣ мухи дохли отъ скуки, гдѣ только стычки съ черкесами да похороны солдатъ, болѣющихъ лихорадкою, разнообразили печальное существованіе гарнизона. Понятно, что Нина и не для одного безотвѣтнаго въ то время солдата казалась привлекательнымъ цвѣткомъ, распустившимся на скудной крѣпостной почвѣ. Кромѣ нея да женъ у двухъ-трехъ офицеровъ, весь женскій персоналъ этого уголка состоялъ изъ трехъ безобразныхъ старухъ-прачекъ, которыя, если бы захотѣли, то могли бы выйти замужъ за офицеровъ,— такова была потребность въ прекрасномъ полѣ. У этихъ мегеръ даже были десятки любовниковъ, ссоры между которыми изъ-за обладанія вѣтреными Евами (свыше 50 лѣтъ) доходили до «смертнаго убойства». За Ниной приударился начальникъ крѣпости, солдатъ вступился было и попалъ подъ розги. Время было страшное. Слово за слово—Иванъ, наконецъ, въ отчаяніи ворвался въ комнаты къ начальству и сдѣлалъ ему тамъ «большую непріятность». Сообразивъ,

что за это попадешь къ разстрѣлу, а то, пожалуй, и шпицрутенами побьютъ, Иванъ сейчасъ же бѣжалъ въ горы. Его перехватили верстахъ въ трехъ отъ крѣпости черкесы и, несмотря на то, что онъ шелъ къ нимъ добровольно, заперли его въ «яму», надѣли на него цѣпи. Годъ онъ провелъ такимъ образомъ, благодаря попыткѣ къ побѣгу въ другое племя, которое съ нимъ бы обошлось получше. Наконецъ, убѣдясь, что солдатъ Иванъ снова бѣжать уже не думаетъ, его выпустили, и онъ прожилъ въ аулѣ пятнадцать лѣтъ. Никто его не принуждалъ принимать исламъ; напротивъ, его полюбили тамъ, и если вѣрить старику, черкешенки также не отказывали русскому солдатику въ ясныхъ доказательствахъ своего расположенія.

— Такъ-то меня тоска одолѣвала, страсть! Я за баранами смотрѣлъ. Сядешь это, бывало, на горѣ, а внизу подъ тобою вся округа верстъ на сто видпѣется. Горы за горами, словно мелкія грядки, вдаль уходятъ, рѣки, аулы чужіе, и все-то синью охвачено, словно дремлетъ подъ тобою... Смотришь въ эту синь и затоскуешь. Чудится, что за нею сторонка родимая хоронится, и тянетъ туда, тянетъ такъ, что, какъ ребенокъ, бывало, вдаришься о земь и плачешь. Бывали и такіе изъ русскихъ, что помирали отъ этого самаго. Высохнетъ человѣкъ весь, зеленый станетъ, ну и пошабашитъ... Часто и со мной бывало: смотришь за горы, за долы, какъ туда тропки вьются, да погляпется тебѣ, что тамъ, въ синей тучкѣ, еловые лѣса какіе-то мерещутся, такъ и тянетъ хватиться башкой о камень или бултыхнуться внизъ, на раскляв воронью погапому. И каково чудно оно было. Первые пять годовъ я и не думалъ объ этомъ, а на шестой — сплю разъ, ночью мнѣ примерещилось, будто поетъ кто около по-русски поетъ, за душу хватаетъ. Проснулся въ поту весь. Въ глазахъ слеза стоитъ, на грудь словно камень навалили, дышать хочу, а дышать нечѣмъ. Вышелъ изъ сакли, на дворѣ легъ. Звѣзды надо мною. Думаю, тѣ же звѣзды, поди, и надъ нашей деревушкой стоятъ... Подъ Русью горятъ... Такъ до утра продумалъ—съ тѣхъ

норъ и пошло это. Пять годовъ ходилъ, какъ ошалѣлый. Забудешься, запоешь, глядь — наша русская пѣсня. Или ходишь по кручамъ да самъ съ собой разговариваешь!

— Какъ же это кончилось съ вами?

— А все изъ-за бабы и прошло. Па бабахъ всю свою жизнь пропилъ! У одного мюрида ихняго дочка была, такъ она все и сдѣлала, съ родимой сторонкой разлучила проклятая. Приглянулась, слюбились мы, только тайкомъ, въ безвѣстности... Ну, потомъ ее туркѣ продали; такъ все и покончилось. Тутъ замиреніе пришло. Барятинскій расшибъ этого черкеса, и стали ихъ гнать со всѣхъ щелей. Я сначала не уходилъ, думалъ, не будетъ ли манифеста какого, не вспомнятъ ли и о насъ грѣшныхъ. Нѣтъ, не вспомнили, ну, тогда я сюда и ушелъ, въ Аджару эту... Тутъ меня этотъ эфендій—шайтанъ его ѣшь—и ограпичилъ!— добродушно смѣясь, точно какой-нибудь остроумной шуткѣ, намекнулъ онъ на обрѣзаніе.

Въ саклю поминутно заглядывали посторонніе; наконецъ, старуха, жена моего хозяина, сошла сверху и присѣла около меня. И что это была за уродливая баба! Думаю, что даже въ пресловутыхъ кавказскихъ крѣпостяхъ стараго времени эта прекрасная Елена не нашла бы своего Париса. Носъ загибался крючкомъ, ротъ, словно провалъ какой-то, подбородокъ къ носу тянется, все лицо въ морщинахъ, даже глаза пропадаютъ. Сѣдыя космы волосъ точно липнутъ ко лбу, и сѣдыя же брови торчкомъ стоятъ впередъ, придавая что-то злобное этому мертвому лицу!

— Ишь она у меня какая принцесса!—засмѣялся старикъ.—Погоди, покажу тебѣ другую. Поѣсть принесетъ!

— Да ужъ я видѣлъ на кровлѣ.

— Та козырная у меня! Грѣхъ, поди, по русскому обычаю, двухъ женъ имѣть? А я такъ полагаю — нѣтъ. Опо даже и по христіанству хорошо, потому сказано: яко Христосъ съ церковью, а церквей-то, поди, куда много! Вотъ оно по-нашему и выходитъ... Ну, да какъ придетъ Москва сюда, тогда я ужъ и покаюсь заодно... Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ!

Старикъ совсѣмъ расшутился. Только въ первое время его затруднялъ русскій разговоръ, потомъ онъ такъ увлекся имъ, что и натуги не видно было, и короткія фразы исчезли, точно всѣ эти двадцать лѣтъ онъ говорилъ по-русски, всѣ эти двадцать лѣтъ, прожитыя въ безпросвѣтной глуши кавказскихъ горъ и Аджаріи. Правда, онъ поминутно мѣшалъ съ русскими словами гурійскія, татарскія и турецкія, но это не мѣшало полнотѣ и силѣ впечатлѣнія.

Въ комнату вошелъ молодой парень лѣтъ восемнадцати— кровь съ молокомъ. Русые волосы, черные глаза...

Старикъ что-то сказалъ ему, вскинувъ на меня глазами. Тотъ быстро подошелъ и, прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, поцѣловалъ мнѣ руку.

— Сынъ это мой, Абдулъ. Ишь онъ какой!—гордился старикъ.—Нѣтъ лошади, съ какой бы не сладилъ. Кабановъ по здѣшнему черполѣсью бьетъ, какъ у насъ зайцевъ. Разъ тигру успокоилъ, до сихъ поръ шкура у меня. А эта вонъ сова — мать ему приводится! Первый джигитъ по здѣшнему краю!

Абдулъ скромно отошелъ къ двери.

Въ дверяхъ сакли стояла уже синяя ночь. Я вышелъ. Весь холмъ аула мерцалъ огоньками. Какъ это было красиво и оригинально! Точно стоишь лицомъ къ лицу съ осуществленной сказкой. И тишина къ тому же, только изъ тьмы ночной рокотъ рѣки въ каменьяхъ выдѣляется. И слушаешь его безъ конца, и чудныя грезы растутъ на душѣ, подстать этому всплеску.

Вотъ послышалось гдѣ-то далеко-далеко нѣсколько аккордовъ. Точно грузинская чіангура заныла.

Вотъ мимо, прижимаясь къ стѣнамъ проулочка, шмыгнула какая-то тѣнь.

На ближайшей кровлѣ стоитъ женщина. Какая стройная! Какъ идетъ къ ней эта синяя ночь, и какъ она къ лицу этой синей ночи!

И опять рокотъ рѣки въ порогахъ, и опять поетъ и словно вздрагиваетъ отъ боли унылая чіангура!..

III.

Старый врагъ.

Аулъ смолкалъ... Гдѣ-то еще лаяли собаки, да около, надъ самымъ ухомъ, слышалось порывистое фырканье жеребенка... Давно погасли разсѣянные, полные грусти звуки чіангуры... Огни въ сакляхъ пропадали одни за другими... Переулки уходили въ сумракъ южной ночи, лѣниво зажигавшей свои яркія звѣзды...

— Мама-джанъ, мама-джанъ!—и назойливый, раздражающій нервы плачъ ребенка изъ сосѣдней сакли на минуту всколыхнулъ было сонную тишину аула... И замеръ... И опять только рѣка злится вдалекѣ на громадную скалу, рухнувшую съ горы поперекъ ея спокойнаго до тѣхъ поръ теченія.

— А у меня нонѣ тоже гость изъ нашихъ!—встрѣтилъ меня солдатъ Иванъ, когда я вернулся въ саклю, тускло освѣщенную самодѣльною сальною свѣчей въ громадномъ металлическомъ шандалѣ.

— Какъ изъ нашихъ? Русскій?

— Да, оно почти такъ... Изъ рассейскихъ предѣловъ. Шапсугъ одинъ забѣглый. Домой назадъ ворочается, на милость думаетъ, авось на старое мѣсто начальство пуститъ.

Я все еще не понималъ, въ чемъ тутъ дѣло.

— Да послѣ замиренья ихъ всѣхъ погнали съ Кавказа въ Турцію, ну и его тоже. Саклю свою бросилъ, хозяйство, какое было, прахомъ пошло. Разоренье! Ни себѣ, ни собакамъ! А въ Рассею идти не пожелалъ.

— Да развѣ имъ предлагали переселиться въ Россію?

— А на Кубань-то, промежъ казаковъ, развѣ это не Рассея? Ну, онъ съ семьей и пошелъ сюда, на султанское милосердіе положился... Теперь назадъ идетъ... Да! Врагъ когда-то былъ, а нонѣ—на-поди, одной вѣры!

И Иванъ потупился.

— Гдѣ жъ онъ у тебя

— А вотъ погоди... У эфендія этого прохлаждается... Письмо къ нему изъ Хулы привезъ... Мы съ нимъ, съ шапсугомъ этимъ, давніе пріятели. Евонный братъ меня года два на цѣпи держалъ, да мѣсяца три я у него въ ямѣ высидѣлъ... Другъ!

— И зла у тебя никакого не осталось?

— За что? Они свой обычай сполняли, какъ по ихнему закону слѣдовало. Вотъ, если бы онъ меня билъ, либо ѣсть не давалъ, а то правилу свою долженъ былъ онъ соблюсти... Съ чего же я на него злиться стану? Опять же онъ въ такомъ нонѣ несчастномъ положеніи, ни угла у него, ни скота. Только и есть, что на себѣ... Много ихъ назадъ идетъ; кого и пропускаютъ... Жалко!.. Совсѣмъ народъ потерянный, точно изъ могилы ихъ повымело. Больные да голодные. Здорово ихъ султанъ этотъ колыхнулъ тоже. Не гляди, что свой братъ турокъ: какъ шли они изъ Рассеи, такъ за каждый чурекъ съ нихъ впятеро драли, а кто къ курдамъ попалъ, тотъ и живъ не вернулся. Ограбили, да и душу повымотали. Дѣвченокъ и бабъ—тѣхъ пожалѣли, къ себѣ забрали, ну, а самихъ-то въ лоскъ! Идолы тоже здоровые! Что горя было, что слезъ! И Махмудка у нихъ одинъ, и въ мечеть одну ходятъ, а при случаѣ такъ по горлу чикнутъ, что и не очнешься. А Сеидъ-Магому жаль. Хорошій хозяинъ былъ. Лошадей у него табуны хаживали, сады — глазомъ не окинуть, хурда-мурда всякая. Три жены было, шесть дочерей. Въ двухъ саклях жилъ онъ; на джамаатъ выходилъ — всѣ ему кланялись... Сеидъ-Магому и на мекхеме чествовали, вотъ онъ у нихъ какой былъ. Ты по ихнимъ мѣстамъ не проѣзжалъ ли? Разскажи старику— все ему будетъ радостно.. Хворый теперь да хмурый!

Въ дверяхъ сакли послышался хриплый кашель. Я оглянулся. Изъ мрака, подъ трепетнымъ свѣтомъ, такъ и вырисовалась сухая сгорбленная фигура ветхаго старца, опиравшагося на клюку. На худомъ, желтомъ лицѣ его яркимъ блескомъ сверкали, словно чужіе, молодые глаза. Бѣлая борода низко падала на грудь, ребра и углы ко-

торой выдѣлялись сквозь прорѣхи жалкихъ лохмотьевъ, висѣвшихъ съ костлявыхъ плечъ. Низко нависли сѣдыя брови. Старая папаха прикрывала лобъ... Ноги были голы и босы.

— Онъ самый, Сеидъ-Магома!

Мы размѣнялись привѣтствіями.

Несмотря на свою единственную рубаху, да и то разорванную, въ старикѣ не проглядывало униженія и робости. Онъ съ достоинствомъ занялъ свое мѣсто на тахтѣ и нѣсколько минутъ пристально оглядывалъ меня въ упоръ. Я самъ не безъ любопытства присматривался къ этому осколку нѣкогда славнаго, сильнаго и гордаго племени, властительно гнѣздившагося среди суровыхъ вершинъ Кавказа. Теперь можно было разсмотрѣть на этомъ донельзя сухомъ, узкомъ лицѣ нѣсколько шрамовъ—слѣды сабельныхъ ударовъ, полученныхъ давно-давно, въ тѣ времена рыцарскихъ набѣговъ и стычекъ, когда война съ кавказскими горцами была скорѣе удалою потѣхой, чѣмъ правильно, систематически организованнымъ поступательнымъ изгнаніемъ этихъ вольнолюбивыхъ воиновъ-республиканцевъ, этихъ дикарей, согласившихся скорѣе умирать свободными, чѣмъ жить, подчиняясь условіямъ чуждой имъ среды. Между шрамами были словно врѣзаны глубокія морщины, сухой ротъ съ безкровными губами обрамливали пожелтѣвшія отъ старости сѣдины. И опять эти ярко сверкающіе молодые глаза, глаза, полные кипучей жизни, на лицѣ трупа.

— Урусъ?

Голосъ былъ грудной, сильный. Старческой дрожи слѣда нѣтъ. Видно, что привыкъ перекликаться со скалы на скалу, съ горы на гору.

Иванъ что-то заговорилъ съ нимъ, поглядывая на меня. Вниманіе старика стало еще напряженнѣе, лицо сдѣлалось подвижнымъ, зашевелились морщины. Костлявая, сухая рука легла на грудь. Старикъ потиралъ ее, словно съ воспоминаніемъ прошлаго тамъ зашевелилась прежняя боль, былое горе подняло голову и раскрыло, на зло

годамъ и разлукѣ, свои змѣиныя очи... Онъ что-то заговорилъ, глядя на меня. Я ничего не понялъ, разумѣется, но видно, что дѣло было завѣтное, близкое. Кровное дѣло. Голосъ раза два дрогнулъ, и грудь всколыхнулась, точно воздуху ему мало въ саклѣ стало, точно онъ хотѣлъ захватить его побольше.

— Спрашиваетъ: проѣзжалъ ли ихними мѣстами, на р. Псекупсе былъ ли... Не видалъ ли аула ихняго?

— Разные встрѣчались, не припомнишь разомъ!

— Разскажи, какъ у нихъ тамъ, я ему передамъ!

Пришлось начертить невеселую картину. Война съ кавказскими горцами кончилась. Послѣдній актъ этой трагической эпопеи доиграли, занавѣсъ былъ опущенъ, и никто уже не поинтересовался посмотрѣть, что слѣдовало затѣмъ на этой облитой благородною кровью аренѣ. А настоящая трагедія только и начиналась съ этого момента. Русскіе не могли оставить горцевъ въ ихъ орлиныхъ гнѣздахъ. На старыхъ мѣстахъ, съ вершинъ своихъ горъ, притаясь за утесами и скалами, они всегда висѣли бы надъ Кавказомъ грозовыми тучами. Никакая мирная жизнь не могла бы развиться внизу: какія нивы поднялись бы, какіе сады расцвѣли бы въ ущельяхъ, въ долинахъ, подъ зоркими взглядами жаднаго на добычу хищника, сторожившаго ихъ повсюду въ сырой мглѣ глубокихъ балокъ, за каждымъ камнемъ на горномъ скатѣ, за каждой излучиной окрестныхъ тѣснинъ? Что оставалось дѣлать намъ? Мы и предложили старымъ и непримиримымъ врагамъ или идти въ долины и селиться между русскими, между казаками, между переселенцами, болгарами и молдаванами, или бросить все, что нельзя унести съ собою, и убраться въ Турцію, настойчиво зазывавшую ихъ къ себѣ,—въ Турцію къ султану, обѣщавшему имъ великія и богатыя милости... Въ орлиныхъ гнѣздахъ все зашевелилось.

Гордые соколы и коршуны, эти рыцари-хищники, наотрѣзъ отказались исполнить требованіе русскихъ. И, какъ мы были правы съ своей стороны, такъ же правы

были они. Въ самомъ дѣлѣ, не идти же орламъ въ курятникъ, не сдѣлаться же старому матерому горному волку домашнимъ животнымъ, смирнымъ и трудолюбивымъ! Горцы рѣшились умереть, защищая свои вершины. И вотъ началось фланговое движеніе русскихъ войскъ. Все, что ни попадалось имъ на пути, или исчезало въ битвѣ, или сгонялось къ восточному берегу Чернаго моря. Горцы гибли отъ холода и голода, отъ болѣзней и лишеній, подъ пулями и штыками. Но и въ свою очередь они умирали, убивая. Въ другомъ мѣстѣ подробнѣе будетъ разсказана эта новая эпопея, начавшаяся тогда, когда былъ опущенъ занавѣсъ надъ блестящей и кровавой трагедіей кавказской войны. Теперь же предо мною была одна изъ жертвъ этого исторически необходимаго захвата.

— Живетъ ли кто въ нашихъ аулахъ?

— Пусты... Переселенцы ютятся у берега — вершины безлюдны!

— А наши сакли?

— Развалились...

Цѣпкая зелень сплошь покрыла ихъ руины. Въ нихъ гнѣздятся совы, да дикій звѣрь ищетъ убѣжища въ пустыхъ мечетяхъ.

— А сады? Сады, гдѣ мы росли, гдѣ каждое дерево взлелѣяно нами?

— Заглохли...

Вѣковыя черешни уже порублены на дрова. Топоръ и до сихъ поръ звенитъ въ ихъ привольной и ароматной чащѣ. Цвѣты или затоптаны, или погибли. Одичавшія лозы убили айвовыя деревья... И только изрѣдка сквозь дикую поросль серебристые цвѣты миндальныхъ деревьевъ льютъ по вѣтру свое тонкое благоуханіе.

— А наши могилы?..

Слезы слышались въ словахъ старика... Онъ и не ожидалъ уже отвѣта, и, когда я ему сталъ еще подробнѣе говорить о запустѣніи его родины, о торжественномъ молчаніи ея мертвыхъ ауловъ и жалкихъ остаткахъ его племени, коротающихъ вѣкъ по Большой и Малой Лабѣ,

по Кубани и другимъ «поселенным» рѣкамъ восточнаго берега, старикъ, дѣйствительно, заплакалъ. Онъ и не прятался своихъ слезъ, онъ не стыдился ихъ...

— Да, это было неизбѣжно!.. Кысметъ—судьба! А все душа болитъ!

Этотъ старый разбойникъ, весь изсѣченный сабельными ударами, не склонявшій головы передъ дулами своихъ враговъ, всхлипывалъ, какъ ребенокъ, при одной мысли о томъ, что въ его саклѣ гнѣздятся нетопыри, а розы и жасмины его горнаго сада вытоптаны и уничтожены врагами.

Но такъ же разомъ, какъ зарыдалъ, такъ и стихъ онъ Послѣднія слезы скатились на желтыя щеки—и опять та же суровость въ лицѣ, тѣ же непривѣтно сверкающія очи, тѣ же низко нависшія брови. И ни слѣда слабости. Даже и грудь ровно дышитъ, только по судорожнымъ движеніямъ пальцевъ да по легкому вздрагиванію рта видно, что не все еще улеглось на душѣ у несчастнаго, что тоска еще ходитъ по ней, какъ взводень по широкому морю послѣ бури. И вѣтеръ упалъ, и небо чисто, послѣднія тучки уже свертываются въ неопредѣленную синеву на горизонтѣ, а волны еще вздымаютъ круто свои мятежныя гривы, и змѣи бѣлой пѣны еще вьются между ними...

— Кысметъ!..—и онъ зашепталъ что-то, должно быть, молитву.

— А какъ живутъ наши... тѣ, кому дали мѣсто по Лабѣ и Кубани?

Я сталъ говорить о сравнительномъ довольствѣ этихъ добровольныхъ поселенцевъ, объ ихъ хозяйствахъ, занятіяхъ, торговлѣ.

— И слышать странно, и вѣрить трудно! — перевелъ мнѣ Иванъ.—Волки овцами стали!..

— Ты назадъ пробираешься, на Кавказъ?

— Да. Можетъ-быть, царь смилуется... Хочу посмотрѣть старое мѣсто, умереть у себя...

Я вспомнилъ, что во многихъ аулахъ случалось находить трупы стариковъ.

Одинокіе путешественники встрѣчали ихъ въ развалинахъ сакель. Исторія оказывалась и проста, и трогательна. Они приходили взглянуть на старое пепелище. Тайкомъ пробирались они на запретныя мѣста, проводили нѣсколько дней въ дорогихъ имъ руинахъ и умирали среди мертваго безлюдья оставленнаго аула! Они были счастливы, если передъ концомъ имъ удавалось отыскать ту алучу, подъ которой они играли еще дѣтьми, взглянуть на тѣ садовые кусты, которые были свидѣтелями ихъ перваго счастья, подышать еще разъ знакомымъ горнымъ воздухомъ, какъ встарь—послушать свистъ вѣтра въ змѣиныхъ ущельяхъ внизу, осторожно побродить по роднымъ скатамъ и извилинамъ горы и смежить глаза далеко отъ врага, среди могилъ своихъ отцовъ, въ странѣ, ставшей одною великою могилою уничтоженнаго племени. Они были счастливы, если въ послѣднюю минуту взглядъ ихъ, тускнѣя и замирая, останавливался еще на громадной панорамѣ горныхъ вершинъ, величаво плавающихъ въ туманѣ, и ухо еще улавливало привычный крикъ орла или рокотъ ключа подъ камнями своего же сада!.. На минуту передъ концомъ они чувствовали себя свободными, какъ тогда, среди приволья былой заповѣдной жизни.

— А у турокъ развѣ дурно?

На меня, на русскаго, стараго врага своего, онъ смотрѣлъ непривѣтливо, правда, но безъ ненависти. А теперь, при одномъ имени этихъ своихъ покровителей и друзей, все лицо его перекосило. Ненависть въ глазахъ, ненависть въ складкѣ рта, ненависть въ разомъ задвигавшихся морщинахъ лица. Голосъ его дрожалъ, но не отъ слабости, а отъ злобы.

— Турки! Русскіе—честные враги. Турокъ—шакалъ, вырывающій мертвеца изъ могилы. Мы пришли сюда потому, что насъ звали, иначе мы лучше бы до одного погибли въ войнѣ съ вами, въ войнѣ священной—газаватѣ. Они намъ обѣщали и пріютъ, и счастье... И обманули, обманули во всемъ. Или насъ селили на пустыхъ и безплодныхъ мѣстахъ, или брали на службу и не пла-

тили ничего. И въ томъ, и другомъ случаѣ насъ грабили. Все, что мы привезли сюда, все, что оставалось у насъ, отнято ими... Все, до послѣдняго кинжала. Они отнимали у насъ дочерей, силой отнимали. Были мѣстности, гдѣ насъ рѣзали, какъ барановъ. Намъ обѣщали землю, устроенные дома—мы пришли на песчаныя степи, гдѣ не изъ чего было и шалаша поставить. Вмѣсто ласковаго друга—мы встрѣтили злого торгаша. Изъ насъ тянули жилы. Когда насъ брали на работы, мы должны были дѣлать то, что не подъ силу и мощному волу. У нихъ нѣтъ Бога, у турокъ. У нихъ лесть на языкѣ и змѣиное жало въ сердцѣ. Мы просили о помощи—и за просьбы насъ кидали въ тюрьмы, убивали, какъ волковъ. Наши жены у нихъ въ гаремахъ, дѣти умирали на нашихъ глазахъ съ голоду, и эти единовѣрцы не помогли имъ. Изъ красивыхъ мальчиковъ нашихъ нарочно евнуховъ дѣлали... На одномъ переходѣ мы легли, голодные, усталые. Утромъ проснулись—ни лошадей, ни скота, ни имущества нашего нѣтъ. Кто же обокралъ насъ? Тѣ, кто долженъ былъ покровительствовать,—стража, данная намъ для сопровожденія насъ по дорогѣ, для безопасности нашей! У меня былъ братъ—на родинѣ, у насъ, его пять ауловъ слушались; большимъ человѣкомъ считался. На моихъ глазахъ у него паша отнялъ жену и дѣтей, а самого бросилъ въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ... А гдѣ мои дочери, гдѣ моя семья? Спроси у вѣтра, что шумитъ надъ ихъ могилами, спроси у шакала, что вырываетъ изъ земли ихъ тѣла. Турки, между которыми насъ поселяли, принимали насъ не какъ друзья и единовѣрцы, а какъ воры, которые завлекаютъ путника въ засаду и, успокоивъ его льстивыми словами, убиваютъ соннаго и безоружнаго. Въ одной ихней деревнѣ насъ поселили десять семействъ—только одинъ день наши и выжили, на другой день къ утру всѣ оказались прирѣзанными.

И старикъ понурился. Онъ точно осунулся, окончивъ свою полную негодованія рѣчь... Даже яркіе глаза какъ будто погасли.

Страшна, дѣйствительно страшна судьба этого нѣкогда мощнаго и богатаго горца, а теперь нищаго, безъ родины, богатаго только одной ненавистью и злобой! А такихъ разсѣяно многое множество по Турціи...

Одна изъ стѣнъ кунацкой не доходила до потолка. Въ отверстіе лѣзли вѣтви деревьевъ и сверкали крупныя южныя звѣзды... Потянуло запахомъ цвѣтовъ оттуда.

— Рядомъ тутъ тоже моя сакля... Тамъ тебѣ и горницу я покажу... Дай Богъ сна да легкаго воздуха!

И мы съ Иваномъ вышли изъ дверей.

Луна уже стояла надъ ауломъ.

Серебряный свѣтъ ея обильно лился на казавшіяся бѣлыми кровли сакель, словно ступени, покрывавшія весь холмъ. Точно черныя щели, между ними змѣились проходы и переулки... А эта голубая даль, этотъ серебряный извивъ рѣки среди зеленой понизи, эти горы вдали, словно заснувшія въ бѣломъ парѣ луннаго блеска!

И опять запахъ жасминовъ, и опять полные сладкой грусти звуки чіангуры... трепетные, разсѣянные, точно кто-то вздыхаетъ, а не струны поютъ передъ вами.

И на одно мгновеніе, словно сонъ, словно страница, вырванная изъ старой забытой книги, мелькнуло передъ глазами унылое полярное море. Мертвые берега, окованные льдомъ, спятъ подъ снѣгами. Съ гулкимъ рокотомъ набѣгаютъ на нихъ вспѣненныя волны. Таинственные сполохи мерцаютъ на черномъ небѣ. Холодно, жутко...

А тутъ-то какая благодать!

Точно чудная красавица, раскинувшись среди в личавыхъ горъ, зоветъ васъ въ свои объятія эта долина. И не наглядитесь вы въ ея глубокія очи, полныя страсти и нѣги, не надышетесь вы запахомъ цвѣтовъ отъ кудрей ея, не наслушаетесь этихъ манящихъ вздоховъ, этой тоскующей пѣсни любви. И страсть, и нѣга прокрадываются въ ваше сердце, и становится вамъ жарко и душно въ скалѣ, и безсознательно вы ищите кого-то около... Скорѣе, скорѣе на воздухъ, на плоскую кровлю, гдѣ, засыпая, вы все-таки будете видѣть надъ собою крупныя звѣзды

южнаго неба, гдѣ мѣсяцъ словно прикроетъ васъ своими серебряными сѣтями, гдѣ шелестъ тополя почудится вамъ дыханіемъ красавицы, заснувшей рядомъ... И золотыя грезы, и золотые сны зазвѣздятся надъ вами. И станетъ такъ хорошо и легко, что даже чужое несчастіе, недавно встревожившее васъ, покажется старой легендой, поэтической былью, сказочнымъ мифомъ этой сказочной долины!

IV.

В ѣ г л е ц ы.

— Такъ тебѣ безпремѣнно въ утріе выѣхать надо?

— Да; вотъ какъ солнышко подымется, и въ дорогу!

— А ты погости, божій человѣкъ. Твой провожатый не больно стоскуется. Опять же я ему съ своимъ Абдулкой вѣсть пошлю.

— Пора. Не по одной Аджарѣ шатаемся!

— А вотъ поѣшь; чѣмъ Богъ послалъ, угощу. Тоже хрестьянства не забылъ. Тогда и поѣзжай на всѣ четыре стороны, Эхъ! На одинъ денекъ и привело тебя изъ Россеи... Желанный гость! Коли бы ты у меня хотя на годъ остался, такъ я бы тебѣ въ ножки поклонился. За хозяина у меня былъ бы! А то совсѣмъ отъ рѣчи нашей отсталъ я. Вѣру Христову забылъ. Съ этимъ Махмудкой ихнимъ не долго спутаться. Черти! Алла, Алла, а что такое Алла? Такъ не будетъ намъ манифесту, а? Да и гдѣ быть! А и былъ бы—остался. Все одно. А домой такъ и тянетъ, на родную сторонушку... Сейчасъ бы съ тобой ушелъ туда. Да и не уйтить ли, ну, ихъ къ Богу?.. Суды только вотъ, засудятъ.

— А семья?

— И семью бы взялъ. Какъ безъ нея! Бабы у меня добрыя, который годъ живу—свары не было!

Молодой, красивый горецъ вошелъ въ саклю и почтительно сталъ у дверей.

— Вотъ тебѣ и другой мой сынъ—Абдулка. Коли въ

Рассеѣ будемъ, я его живымъ манеромъ въ Мироны переведу. Покойнаго батюшку Мирономъ звали!

Иванъ заговорилъ съ сыномъ по-татарски. Тотъ что-то отвѣтилъ: отецъ разгорячился, должно быть, забранилъ его. Юноша почтительно стоялъ, склонивъ голову. Онъ, повидимому, и не пробовалъ оправдываться. Чуть до затрещинъ дѣло не дошло.

— Совсѣмъ большой дуракъ сталъ!—разрѣшился, наконецъ, Иванъ по-русски.

— За что ты его?

— Да облѣнился. Третій день, бритая голова, въ мечеть не ходитъ.

— Что жъ ты его заставляешь въ мечеть ходить?—изумился я.

— А то какъ?

— Да давно-ли ты Махмудко-то ихняго ругалъ?

— Что жъ, что ругалъ? Въ другомъ мѣстѣ, въ нашей Рассеѣ, Махмудка ни по чемъ, а здѣсь онъ въ силѣ. Опять же долженъ я въ своей семьѣ порядокъ блюсти. Сказано, по здѣшнему закону, каждый день въ мечеть ходить—ну, и ходи... Кто-жъ и присмотритъ за нимъ, какъ не я? Онъ вотъ, замѣсто мечети, къ дѣвкамъ повадился къ сусѣдскимъ... знаю я! Въ другой разъ я его еще плеткой проучу, коли не пойдетъ на молитву. Не порядокъ это! Ишь ты, весь аулъ въ мечеть ходитъ, а онъ въ саду съ Фатьмой тамъ прохлаждается! Тутъ безъ Махмудки не проживешь! Сказываютъ, въ вятскихъ да пермскихъ лѣсахъ мордва такая есть, въ Кереметь вѣритъ да каменью поклоняется, а ужъ Махмудка все превосходнѣе Кереметя этой выходитъ. Опять же, коли бы онъ крещенъ былъ—другой разговоръ. А то мусульманинъ вѣдь, чего же еще болтаться! А главное—не порядокъ: положено въ мечеть, ну и ходи!

Пришлось только развести руками да подивиться оригинальной логикѣ русскаго человѣка, заброшеннаго въ чужія мѣста. Иванъ свято самъ исполнялъ всѣ обряды мусульманства, хоть и ругался при этомъ, но «порядокъ»

разумѣется, былъ выше всего. Я думаю, что онъ и обрѣзать себя позволилъ тоже для «порядку».

— Ради чего усердствуешь?—спрашивалъ я, видя его творящимъ намазъ.

— Для порядку; положено такъ. Опять же, можетъ, это и на пользу, кто его знаетъ. Тоже и Махмудка ихній, поди, не дуракъ былъ. Умнѣе людей не будешь,— вотъ и исполняю!

Пока намъ на скорую руку готовили пловъ и жарили кебабъ, мы вышли изъ сакли.

Утро было славное. Солнце уже высоко поднялось, окутавъ золотистымъ паромъ окрестныя горы. Ярко и ласково свѣтило оно сюда, сквозь густую чащу алучи и каштановъ. Бѣглыми, колеблющимися узорами играло сквозь деревья на мазанныхъ стѣнахъ сакли. Откуда-то пахло цвѣтами миндальныхъ рощъ. Изрѣдка доносилась тонкая струйка страннаго аромата, родственнаго сибирской облепихѣ.

— Экія мѣста у васъ!

— Ужъ и мѣста!

— Да чего-жъ тебѣ лучше? Горы, сады...

— Чудной ты человѣкъ! Вотъ по нашей калужской али рязанской губерніи—точно, что мѣста. Гладко... Глазомъ не окинешь. А это что, точно земля вскипѣла, на версту глади не найдешь. У насъ коли рѣка, такъ рѣка— широкая, тихая. А тутъ—бурбится себѣ да пыжится! А ее и всю-то перескочить можно. Здѣсь рѣка гордая, ярая, грудью бѣжитъ. Безобразіе... Опять же гора: коли гора— ну, и знай свое дѣло. И у насъ горы есть, этимъ не обидѣлъ Богъ. Только у насъ пологія горы, на нее и взойти пріятно: ни щелей на ней, ни камня. А что тутъ, что на Кавказѣ, горы точно взбѣсились! Изорваны да избиты. Тутъ скала, тамъ—провалъ! Одна выше другой тянутся. Ну ихъ къ Богу! Опять у насъ лѣса пойдутъ— ровно. Береза, такъ сплошь береза, сосна—такъ сосна. Сердце радуется. А тутъ и не сообразишь, куда попалъ. Дубъ, около дуба—орѣшникъ, а тамъ—каштанъ. Лоза

кругомъ; точно ихъ баба изъ подола просыпала, да и не собрала, какъ упало, такъ и выросло. Ужъ и лѣса! У насъ въ лѣсу сосной, березой пахнетъ. Запахъ такой-ли духовитый. Бродишь съ топоромъ въ бору—сердце радуется; а тутъ тебѣ чѣмъ въ носъ не шибанетъ... всякіе духи: и розаномъ, и боярышникомъ. Никакого порядку! Опять же насчетъ птицы: у насъ ежели галка пошла, такъ ужъ ея царство, она и сидитъ. Развѣ что кукушка въ чужу бесѣду замѣшается, ну да зато она проклятая. А по здѣшнимъ лѣсамъ, на зарѣ, оглушитъ тебя. Разная молвь идетъ и разный языкъ, словно ты въ сказочное царство какое попалъ. Птицы этой гибель и у всякой свое слово, а порядку нѣтъ: хоша бы еще по очереди, а то вмѣстяхъ! Нѣтъ, куда супротивъ Рассеи! Никакой красы нѣтъ по этому мѣсту! Сказано, безмозглая туречина. Съ кипятка все, точно надъ ними каплетъ!

Рядомъ ютился небольшой садикъ; бѣлоснѣжныя лиліи распускали по вѣтру свое благоуханіе; алая, горделивая роза лѣзла прямо въ низенькія двери небольшой сакли. Яркими кистями падали внизъ какіе-то пурпурные цвѣты, выбиваясь изъ чуждой имъ зелени инжирнаго дерева.

— Ты на здѣшній цвѣтъ погляди. Нешто это цвѣтъ?

— Ну, ужъ, наши цвѣты и въ сравненіе не идутъ!

— Не говори. Рассейскіе куда превосходнѣй. Подсолнечники возьми—божья трава; куда солнце, туда и онъ смотритъ. Опять же желтина по немъ, сѣмячки! Теперь, василька тутъ нѣту, ландышу нашего и не слыхивали. Все здѣсь хуже. Хоть и нельзя похаить, а и дѣвка здѣшняя невримѣръ рассейской. У насъ баба въ тѣлѣ, бѣлая да румяная, а здѣсь всѣ поджарыя, большеглазыя. Нешто они что понимаютъ? Жидки здѣшнія бабы!

Изъ низенькихъ дверей, почти сплошь заслоненныхъ цвѣтами и листвой, выползъ на свѣтъ Божій глазастый и смуглый ребенокъ, пощурился, пощурился на солнце и заоралъ благимъ матомъ. Этому обстоятельству я былъ обязанъ тѣмъ, что увидѣлъ такую красавицу, какой не опишешь ничѣмъ. Возьми заревыя краски, темень г

и безлунной ночи, страстное мерцаніе яркихъ звѣздъ южнаго неба, смуглый, матовый, бархатный румянецъ спѣлаго персика—все это будетъ блѣдно, все это не передастъ и тѣни очаровательнаго видѣнія, мелькнувшаго на мгновеніе передо мною.

— Экая краса какая!

— Богоданная краса, — согласился со мною уже Иванъ.—Съ Кавказу тоже!

— Выселилась, вѣрно?

— Уходомъ! На нашей сторонѣ часто такія свадьбы правятся.

Я заинтересовался и разспросилъ подробно хозяина.

Сосѣди Михако Давташвили и Нина жили прежде въ Гуріи, въ одномъ селеніи. Они вмѣстѣ росли, чуть не подъ одной кровлей. Женщина формируется на Кавказѣ очень рано. Въ тринадцать лѣтъ Нина была уже невѣстой, а Михако стукнуло восемнадцать. Ему пришлось уѣхать на годъ въ Тифлисъ на заработки. Возвратясь, онъ встрѣтилъ подругу дѣтства пышно расцвѣтшей красавицей. Нина тоже не могла остаться равнодушной къ стройному гурійскому Адонису. На зло сторожевымъ и лютымъ собакамъ и не менѣе лютымъ старухамъ, Михако пробрался ночью къ дѣвушкѣ и столковался съ нею. Свиданія повторялись часто, но, какъ и всегда въ этой сторонѣ, отношенія любящихъ оставались чистыми и честными. Рѣшено было между ними—открыться во всемъ отцу и матери послѣ возвращенія Михако изъ Тифлиса, куда онъ долженъ былъ отправиться вторично. Обнадеженный словомъ подруги, Михако уѣхалъ.

Въ Гуріи есть очень странный обычай. Въ каждомъ селеніи у нихъ живутъ мацикулы. Мацикулъ — наша сваха, только съ слѣдующимъ отличіемъ. Во-первыхъ, мацикулъ — мужчина, во-вторыхъ, мацикулы рѣшаютъ между собою бракъ дѣвушки и молодого человѣка, ранѣе согласія ихъ родителей. Отказъ со стороны послѣднихъ немыслимъ, не въ обычаѣ: мацикулы рѣшили, слѣдовательно, и толковать нечего. Слово ихъ свято, противъ

не пойдетъ никто. Такъ велось искони, такъ водется и теперь; даже понюхавшіе нѣкотораго образованія гурійцы никогда не осмѣливаются сопротивляться власти мацикула. Нелѣпый обычай этотъ вызываетъ частыя преступленія, убійства, но они не вразумляютъ гурійцевъ.

Мацикулы Давидъ и Ираклій рѣшили выдать Нину за сына перваго изъ нихъ, Георгія, идіота, безобразнаго и притомъ же пьяницу. Георгій по окрестнымъ селамъ былъ извѣстенъ подъ именемъ ишака (осла); разъ ему сватали какую-то дѣвушку, но несчастная весною бросилась въ разливъ рѣки Хайецхали и только смертью избавилась отъ противныхъ ласкъ ишака Георгія. Мацикулъ Давидъ былъ человѣкъ богатый, какъ и всѣ люди его профессіи. Молодежь всячески ублажаетъ ихъ, даритъ имъ барановъ, золотые тумары, чтобы тѣ не связали какъ-нибудь съ немилыми. Лучшая сакля, лучшій домъ, садъ, лучшее стадо у мацикула. Давидъ, сверхъ того, славился своею жадностью. Онъ, напримѣръ, выпрашивалъ безъ церемоніи понравившуюся ему лошадь, кинжалъ, и разъ юношу, отказавшаго ему въ подаркѣ, женилъ на уродливой и пожилой гурійкѣ, которую тотъ зарѣзалъ на другой день послѣ свадьбы. Тѣмъ не менѣе, въ виду богатства Давида, породниться съ нимъ для родителей Нины было очень лестно. Когда мацикулы объявили имъ свое рѣшеніе, они сообщили о немъ Нинѣ, точно о невѣсть какой радости. Нина, разумѣется, ударилась въ слезы; но, какъ и у насъ на Руси, въ Гуріи дѣвичьи слезы дешевы. Старуха-мать даже побила дочку за излишнюю разборчивость. Она и въ толкъ не могла взять, какъ ея дѣвчонка не соблазняется возможностью носить канаусовые шаровары и каждый день ѣсть сколько угодно плова, вмѣсто однообразнаго чурека съ виноградомъ. Отецъ тоже обругалъ Нину, сказавъ, что это не ея дѣло. Мацикулы рѣшили—не ей же измѣнять ихъ безапелляціонныя опредѣленія. Мусульманка тѣмъ бы и удовлетворилась. Ее продаютъ. Кысметъ—судьба, и дѣлать, слѣдовательно, нечего. Гурійки другого закала. Нина погрозилась бѣжать; ее

заперли. Побилась, побилась бѣдная, да и погрузилась въ какое-то отупѣніе, близкое къ идіотству. А между тѣмъ мацикулы дѣлали свое дѣло. Давидъ, за согласіе на рѣшеніе, подарилъ Ираклію карабахскаго коня и десять золотыхъ тумановъ, сшилъ дураку Георгію щегольской костюмъ на свадьбу. Приготовленія шли быстро.

Наконецъ, Нина очнулась и кое-какъ дала знать о своемъ положеніи мѣстному священнику; тотъ только плечами пожалъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно идти противъ мацикула? Его самого женили мацикулы. Оставалось одно средство—оповѣстить Михако. Юноша въ Тифлисѣ былъ мушой, т. е. носильщикомъ. Муши составляютъ одну артель и другъ друга знаютъ. Найти его немудрено. Изъ села въ Тифлисъ отправлялся молодой гуріецъ, чтобы занять высокую и почтенную должность тулухчи—водовоза. Вечеромъ, когда онъ было готовился уже улечься въ послѣдній разъ подъ отчимъ кровомъ, въ дверяхъ показалась закутанная фигура.

— Ты кто? Ступай своей дорогой!

Бѣлое покрывало откинулось. Заплаканное лицо казалось еще печальнѣе подъ серебристымъ свѣтомъ мѣсяца.

— Нина!

— Скоро-ли, Леванъ, въ Тифлисѣ будешь?

— Дня черезъ четыре. Нынче, знаешь, чорта въ колесъ запрягли русскіе. Онъ и возитъ... До Квило доѣдешь на лошади дня въ три, а тамъ до Тифлиса по чортовой дорогѣ—одинъ день только!

Нина бросилась къ ногамъ юноши и, зарыдавъ, обняла ихъ.

— Что ты, Нина, оставь—войдутъ...

— Не оставлю, пока не побожишься исполнить мою просьбу. Умру у твоихъ ногъ, а не уйду! Пусть застанутъ, пусть думаютъ, что хотятъ!

— Да развѣ я отказываю тебѣ, роза? Развѣ ты не помогла моей сестрѣ, когда она выходила замужъ, разве можно не послушаться тебя, когда ты о чемъ-нибудь просишь? Говори, что тебѣ надо, пусть меня шайтанъ съ горы сброситъ, если я не исполню!

— Ты вѣдь другъ Михако?

— Еще бы!

— Онъ мой женихъ!

— Какъ!.. Онъ мнѣ ничего не разсказывалъ... Бѣдная, бѣдная... А тебя за ишака Георгія отдаютъ... Ай, Михако!..

— Какъ пріѣдешь въ Тифлисъ, отыщи сейчасъ же Михако и разскажи ему все!

— Постой, нельзя ли будетъ раньше помочь... Иди спи, Нина; если ничего здѣсь не сдѣлаю — завтра уѣду, а черезъ четыре дня Михако все узнаетъ... Иди мое сердце... Ай, бѣдный Михако...

Леванъ проводилъ Нину, крадучись подъ сквозными стѣнами виноградниковъ, вплоть до ея сакли...

— Смотри, если обманешь—тебя Богъ накажетъ!—обернулась она къ нему.

— Я другъ Михако... Развѣ ты этого не знаешь? А другъ за друга кровь прольетъ!.. Что ты, вчера родилась, что нашего гурійскаго обычая не вѣдаешь... Экая ты, Нина! Зачѣмъ обижаешь меня... Говорю, иди спать спокойно...

Леванъ братски поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ, и самъ ушелъ въ сторону обдумать дѣло...

Оповѣстить Михако немудрено... Что въ этомъ особеннаго, это всякій сдѣлаетъ... Хорошъ я ему пріятель буду, если тѣмъ только и удовольствуюсь. Будь онъ на моемъ мѣстѣ—попробовалъ бы помѣшать этому ишаку Георгію завладѣть такою жемчужиной!.. Нужно хоть отдалить свадьбу... А какъ?.. Эге, да развѣ я не гуріецъ?.. Развѣ у меня рукъ нѣтъ?..

Гурійскія селенія не скучены. Одно отъ другого жилья ихъ разбросаны иногда за версту. Нечувствительно Леванъ забрался далеко, размышляя о способахъ отдалить ненавистный Нинѣ бракъ. Такимъ образомъ, онъ подобрался къ жилью мацикула Давида. Издали еще оттуда мигалъ ему огонекъ.

— Ишь проклятый, не спитъ... Колдуетъ, шайтановъ братъ...

Домъ мацикула, побогаче другихъ, былъ обведенъ отъ крытой галлереей, образуемой выступомъ плоской крыши, опиравшейся на деревянныя балясины. Кругомъ поле гоми и виноградники. Изъ общей массы ихъ высились круглыя вершины тутовыхъ деревьевъ. Вся усадьба была обведена колючею изгородью изъ привольно разросшагося здѣсь кустарника.

— Не пройдешь!—попробовалъ было Леванъ.—Нужно въ ворота!

Что-то съ ласковымъ тявканьемъ подкатилось ему подъ ноги. Ощупалъ. Ба, да это та же собака, которую выростилъ Леванъ и подарилъ мацикулу. Вотъ пригодилась!

— Одинъ другъ въ такомъ дѣлѣ стоитъ тысячи враговъ!—вспомнилась ему старая гурійская пословица.

Взялъ онъ собаченку на руки, цыкнулъ, чтобы она не лаяла. Умное животное поняло и поджало хвостъ. Тихо скользнулъ Леванъ въ ворота. Лунный свѣтъ отбрасывалъ длинныя тѣни отъ изгородей виноградника. Леванъ поползъ подъ ними. Слѣдомъ тихо шла собака.

И зачѣмъ ползъ—самъ не зналъ. Тянуло туда, точно на мѣстѣ можетъ опредѣлиться планъ, какъ ему дѣйствовать. Инстинкты прирожденнаго хищника сказались!

Наткнулся на что-то холодное... Противное ощущеніе скользкаго и влажнаго тѣла осталось на лицѣ... Что-то, шурша, бросилось въ кусты... Леванъ пріостановился.

— Змѣя?.. Нѣтъ, ящерица вѣрно. Коли змѣя, собака за ней бы кинулась... А вѣрно тутъ и змѣи есть... Ишь у него, у шайтана, огонь!—приподнялся онъ на локтяхъ.—Должно быть, деньги считаетъ.

Изъ окна послышался голосъ. Леванъ, какъ лежалъ, такъ и приникъ въ тѣнь изгороди. Собака прижалась къ нему. Тревога оказалась пустой. Юноша проскользнулъ дальше. Между изгородями и домомъ было чистое мѣсто. На него прямо падалъ лунный свѣтъ. Тутъ, какъ ни прячься — изъ окна видать, не укроешься. Точно серебряная скатерть разостлана. Ишь, и сіяніе мѣсяца, какъ легкій паръ дымится надъ нею. Леванъ присѣлъ подъ по-

сѣдлею изгородью, тихо снялъ чевяки и, наклонившись къ землѣ, босикомъ, стремительно пробѣжалъ полянку, отдѣлявшую его отъ галлереи сельскаго дома. Собака и не пикнула. Увидѣвъ передъ собою стѣну, юноша ничкомъ упалъ на землю и даже затаилъ дыханіе. Въ домѣ, повидимому, ничего не слышали. Оттуда раздавался громкій разговоръ.

Какъ змѣя, проскользнулъ Леванъ подъ окно и приподнялся.

Въ саклѣ горѣла свѣчка. На тахтѣ сидѣли мацикулъ Давидъ и сынъ его, ишакъ Георгій. Передъ ними бурдюкъ съ виномъ. По вѣтру такъ и разносится изъ окна запахъ превосходнаго кварели. Леванъ даже носомъ повелъ и глаза зажмурилъ отъ сладостной истомы. Подъ ложечкой засосало.

— Этакого винца мнѣ и на свадьбѣ не удастся попить. Ишь счастье ему какое! Каждый день пьетъ, поди!..

Давидъ и Георгій были уже пьяны. У обоихъ носы красные, изъ подъ сѣдыхъ, низко нависшихъ бровей мацикула не видно было почти смежившихся глазъ. На багровомъ лицѣ сына такъ и сіяла самодовольная тупость. Мышиные глаза сладко перебѣгали съ бурдюка на отца. Ротъ кривило въ какую-то глупую улыбку.

— Такъ ты и знай, Георгій,—чуть вязалъ языкомъ отецъ.—Какъ возьмешь ее—сейчасъ смирять начни. Она противъ воли идетъ, не любитъ тебя. Плеть твою знать должна. Да и кто тебя, дурака этакого, любить станетъ? За мое богатство развѣ. Такъ вѣдь дѣвушки глупы, имъ богатство не надо. Слышишь ты, что я говорю?

— Слышу, батоно!

— Ну, то-то. Ради тебя хлопочу, чтобы у тебя красивая жена была. А красивѣе Нины на сто верстъ кругомъ нѣтъ!

Георгій улыбнулся еще слаще. Даже громадныя уши его, красныя, разлапистыя, точно передвинулись выше.

— Это-то, вѣрно, понимаешь?

Ишакъ только головой кивнулъ и нацѣдилъ себѣ вина.

Левану пришлось опять носомъ дернуть,—ужъ очень соблазнителенъ былъ запахъ.

— Жена должна бояться мужа, что Божьей грозы. Можешь ли ты поднять голову, когда надъ тобой громъ гремитъ и молніи сверкаютъ?.. Такъ и жена у тебя. Ея дѣло склонить голову. Понимаешь?

— Батоно, не безпокойся. Я ее бить буду. Я умѣю!

— То-то. Когда оселъ упрямъ, что съ нимъ дѣлаютъ? Ну и съ женой то же. Главное — на ласки ея не поддавайся. Женщина хитрѣе чорта. Она когда ласкать начнетъ, значитъ—обмануть хочетъ. Понимаешь?

— Я ее палкой!..

— Ну, вотъ. Когда женщина говоритъ—въ домъ черти входятъ, замолчитъ—ангелъ влетаетъ. Понимаешь?

Пробовалъ было Давидъ подняться съ тахты — ноги подкосились.

— Георгій—уже коснѣющимъ языкомъ позвалъ онъ,—подай мнѣ подушку!

Подушка, валикомъ, длинная, точно опрокинутый на бокъ цилиндръ, была около. Попробовалъ было Георгій двинуться за ней—покачнулся. Кое-какъ, впрочемъ, доползъ и подалъ отцу. Тотъ прилегъ и захрапѣлъ. Георгій нацѣдилъ еще вина и, сладко улыбаясь, сталъ пить.

— А они говорятъ, что я ишакъ, — крикнулъ онъ вдругъ въ окно. — Я — ишакъ... А у меня красавица жена, вина, сколько хочу, и денегъ много!.. Умретъ старикъ—еще и того больше будетъ. Какой же я ишакъ?— Безсвязныя слова смѣнялись не менѣе безсвязной пѣсней! «Приди скорѣй, роза моя, прилетай скорѣй, моя легкая птичка!..» — А отецъ хорошо это говоритъ, чтобы бить побольше. Жена слушаться будетъ. «Ой, выйду я на высокую гору, крикну я оттуда въ долину—зачѣмъ ты взяла мое сердце, безжалостная!..» Плетью бить лучше, чѣмъ палкой. А любить станетъ, цѣловать будетъ—перестану. Отецъ глупости говоритъ. Чѣмъ я не молодецъ, чѣмъ не красавецъ?.. «Роза въ саду зачѣмъ мнѣ... твои глаза— на что мнѣ!..»

Леванъ поползъ дальше, за уголъ. Тутъ были навалены груды саману, сухой виноградной лозы и стержней отъ прошлогодней кукурузы.

Юношу точно въ голову ударило.

— Ну, Михако, ты будешь доволенъ моей дружбой! Самъ Богъ показываетъ мнѣ, какъ помочь бѣдной Нинѣ!

Огниво и кремень неразлучны съ гурійцемъ. Собравъ побольше сухого саману, онъ высѣкъ огня. Солома закурилась и зашипѣла. Раздуть ее было дѣломъ одной минуты. Показался огонекъ. Леванъ захватилъ охапку виноградной лозы и подбросилъ ее. Съ тихимъ свистомъ выпрямились на огнѣ завитки лозника, и скоро огонь, треща, длинными языками, пробѣжалъ сквозь чащу сучьевъ вверхъ; на минуту ихъ было покрыло дымомъ, но яркое пламя взвилось еще выше, и издали, за версту, уже видно было оно краснымъ пятномъ надъ озареннымъ луною скатомъ зеленой горы.

— Гори, чортово гнѣздо! Гори!.. Ну, Михако, что ты скажешь про Левана?.. Сдѣлай самъ лучше, ежели можешь!..

Еще подождавъ съ минуту, Леванъ пошелъ прочь.

Въ полуверстѣ отъ дома мацикула жили его работники. Они еще не ложились, когда въ окно увидѣли яркое зарево.

Выскочили.

— Вано!.. Нашъ шайтанъ горитъ. Должно быть, дѣдушка изъ ада въ гости къ нему прилетѣлъ на черной лошади съ огненными крыльями. А помочь надо, хотя и не стоитъ онъ!

Когда они сбѣжались, задняя стѣна жилища была охвачена огнемъ. Гурійцы вытащили только мацикула и его сына. Къ утру отъ дома остались одни обгорѣлыя бревна да кучи угля. Садъ и виноградникъ уцѣлѣли.

Леванъ не зналъ ничего этого. Чуть свѣтъ онъ уже скакалъ на лошади къ сѣверу, по аладжарской дорогѣ, пробираясь къ Квириламъ, чтобы оттуда уже направиться въ Тифлисъ въ большой арбѣ, которую везетъ шайтанъ,

спрятанный русскими въ большой котелъ съ золотою трубою. И до того этотъ шайтанъ наученъ, что стоитъ только большому начальнику стукнуть въ котелъ, какъ засвищетъ и застонетъ шайтанъ и остановится. Хотѣли было эту чортову дорогу на Мцхетъ провести, да шайтанъ не можетъ ничего около святого собора мцхетскаго сдѣлать, оттого и обошли городъ стороною; далеко отъ Тифлиса останавливается поѣздъ съ чортомъ въ котлѣ все по той же причинѣ: святого сіонскаго собора боится. Слышалъ Леванъ, что русскіе не остановились бы на этомъ, по всему бы Кавказу проложили подобныя дороги, да не могутъ найти нигдѣ еще одного шайтана. Какъ отыщутъ, сейчасъ же выстроютъ. Ужъ они за чортомъ и въ горы лазятъ, насквозь ихъ пробиваютъ, да все ничего сдѣлать не могутъ. Дьяволъ вѣдь тоже уменъ, что ему за сласть въ котлѣ сидѣть весь вѣкъ,—ну и бѣгаетъ отъ русскихъ!.. И жарятъ же тамъ несчастнаго шайтана! Извѣстно, своей волей не станетъ же онъ человѣку служить. Не собака вѣдь, не лошадь, не верблюдъ. Для того и поддерживаютъ огонь въ котлѣ, для того и бросаютъ туда столько дровъ. Иначе съ чортомъ бы ничего не подѣлали. Его, шельму, меньше жаришь, онъ и бѣжитъ медленнѣе.

Только что проснулась Нина, слышитъ, что домъ мацикула сгорѣлъ. Пьяныхъ едва вытащили изъ огня.

— Должно быть, Леванъ сдѣлалъ!—мелькнуло въ головѣ дѣвушки, только, разумѣется, никому она не сообщила своей догадки.

Въ тотъ же день вечеромъ къ родителямъ Нины, на ярыхъ карабахскихъ коняхъ, щеголяя нарядными шемахинскими уздечками съ ахалцыхскою насѣчкой, нежданно-негаданно подъѣхали погорѣвшіе мацикулъ Давидъ съ ишакомъ Георгіемъ. Нина такъ и обомлѣла. Словно мертвая, просидѣла она все время на тахтѣ, съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу, вслушиваясь въ разговоръ гостей. Если бы Леванъ былъ здѣсь, онъ бы узналъ, что ночное приключеніе его не повело ни къ чему. Все имущество

мацикула было въ другой саклѣ, куда должны были перебраться новобрачные. Сгорѣла только старая изба. Тѣмъ не менѣе, благодаря пожару, свадьбу отложили на двѣ недѣли.

— Слава Богу, слава Богу! — радовались родители Нины, которымъ не давала покоя мысль, что ихъ дочь будетъ носить капаусовые шаровары и каждый день ѣсть кебабъ. Что же дѣлать, каждый понимаетъ счастье по своему. Изголодавшемуся гурійцу сытная пища кажется благодатью. Среди роскошной природы, среди изобилія плодовъ земныхъ и благорастворенія воздусей въ этой странѣ встрѣчается такая нищета, передъ которой, смѣло можно сказать, блѣднѣетъ нужда нашего голутвеннаго сѣвернаго крестьянства. Покручепникъ на Мурманѣ, корелъ гдѣ-нибудь въ Шуезерской волости, Кемскаго уѣзда, голякъ въ Сумѣ или Сорокѣ, унскій обездоленный солеваръ, пинежскій отощавшій на неурожаяхъ да безкормицѣ крестьянинъ — счастливцы сравнительно съ гурійскими нищими. Хоть рыбы въ волю у сѣверянина. Гоми, кукуруза, плохой хлѣбъ, неуспѣвшее перебродить вино, арбузы и дыни въ извѣстную пору года—вотъ и все, что есть у гурійца. О мясѣ и толковать нечего. Есть гурійцы, которые не слышали и запаха жаренаго мяса!.. Вѣдь чадолюбивыя гурійки не даромъ же запродаютъ турецкимъ промышленникамъ своихъ дочерей, вѣдь не на радость же себѣ дѣлаютъ онѣ это.

— Славная сторона ваша!—обратился я разъ къ одному гурійцу.

— А что?

— Прелестная природа, обиліе растительности, красивый типъ!

— Совсѣмъ бы рай былъ, если бы гурійцы не голодали!

Я было не повѣрилъ.

— А вы слышали одну изъ нашихъ легендъ? Послалъ Богъ ангеловъ по всей землѣ — узнать, гдѣ лучше живется. Ангелы на землю не сходили, только летали надъ ней. Сверху имъ и покажись Гурія краше всѣхъ странъ

на свѣтѣ. Вернулись и описали наши горы и долины раемъ земнымъ. Взмолились праведники—пусти ихъ туда. Послушалъ Богъ и пустилъ. Первый день чудесно имъ было: сытые съ неба пришли, а на второй, какъ ѣсть захотѣли, и раскаялись. Плоды еще не созрѣли. Пришлось прошлогоднюю кукурузу, твердую, какъ камень, жевать, хотѣли было мяса, да взять негдѣ. Рыбы въ рѣкахъ мало. Вина хорошаго выпить не удалось—все въ Тифлисъ увезли, а на мѣстѣ только въ погребахъ у армянъ оно и хранилось, а армяне—извѣстно, что за народъ: самому Богу безъ денегъ не дадутъ напиться. Видятъ святые, что дѣло плохо, вознеслись скорѣе на небеса. Разсердился Богъ на невѣрныхъ ангеловъ и въ наказаніе имъ заставилъ отдать свои свѣтлыя лица гурійскимъ дѣвушкамъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ у насъ и порода красивая пошла! А жить все-таки не лучше стало...

Богачи-гурійцы обѣдаютъ ароматическими травами, грузинскимъ сыромъ да хлѣбными лепешками съ кистью винограда. Одни мацикулы развѣ знаютъ, что такое курятина, баранина да рисъ въ обыкновенные дни. Въ торжественныхъ случаяхъ и бѣднякъ яйцомъ полакомится. Я самъ въ горахъ наткнулся на деревушку, откуда были внизъ только пѣшеходныя дорожки. Тамъ ужъ второй годъ никто не ѣлъ мяса!..

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Леванъ на четвертый день добрался до Тифлиса. Первымъ дѣломъ нужно было разыскать Михако. Гдѣ справиться? Простодушный гурiецъ отправился въ первый попавшій духанъ.

— Гдѣ тутъ живетъ нашъ Михако?

Старый армянинъ, сидѣвшій въ пріятномъ обществѣ козлиныхъ бурдюковъ, широко раскрылъ глаза отъ изумленія.

— Какой Михако?

— Изъ нашей деревни!

— Да ты самъ откуда?

— Я?.. Я—Леванъ, пріятель Михако... А Михако второй

годъ уже живетъ въ Тифлисѣ. Неужели не знаешь: мы изъ Мартвили оба. Большой такой, сильный еще, пѣсни хорошо пѣть умѣетъ и драться ловокъ?

Армянинъ усмѣхнулся.

— Въ Тыплызѣ ишаковъ много, не одинъ Михако. Впрочемъ, такъ и быть, я помогу тебѣ найти товарища. Ступай все прямо, упрешься въ стѣну, поверни налѣво, попадешь въ большія ворота, что на Мтацминду ведутъ— возьми направо, подымешься въ гору—налѣво, сойдешь съ горы—опять налѣво, такъ поворачивай, пока не встрѣтишь такого же дурака, каковъ и ты самъ!

Леванъ обидѣлся.

— Сѣдая борода у тебя, а смѣешься надъ чужестранцемъ. У насъ такъ не дѣлаютъ: приходи въ Мартвили, спроси, кого угодно, всякій тебя до мѣста доведетъ!

— Тыплызъ не Мартвили, тутъ такихъ ишаковъ, какъ ты, тысячи. Кто же узнаетъ, кто изъ нихъ Михако!

Шатался Леванъ до вечера, истомился весь, приставалъ и къ грузинамъ, и къ ахалцыхскимъ лавочникамъ, и все безъ толку. Наконецъ, на нищаго имеретинина наткнулся. Тотъ его ужъ надоумилъ, гдѣ искать товарища. Гурійцы жили въ Тифлисѣ всѣ вмѣстѣ, одною артелью. Поздно ночью добрался Леванъ до нихъ и первымъ долгомъ счелъ разбудить спавшаго пріятеля, цѣлый день таскавшаго тяжелые грузы на своей выносливой спинѣ.

— Бѣда, Михако: мацикулы сговорили Нину за Георгія! Нина сама велѣла передать тебѣ объ этомъ!

Михако остолбенѣлъ. Товарищъ его утѣшилъ разсказомъ о поджогѣ дома ненавистнаго Давида. Михако даже и не поблагодарилъ. На мѣстѣ своего друга онъ сдѣлалъ бы то же самое. Здѣсь это кажется такою естественною вещью! Разбудили еще одного надежнаго товарища и стали держать совѣтъ, что дѣлать.

— Да ты ее хорошо знаешь? Любитъ ли она тебя?..

— Росли вмѣстѣ. Ѣхалъ—клялась никого не любить и ни за кого не идти, кромѣ меня!

— Этого мало... Цѣловалъ ты ее?

— Какъ же!

— А поясъ развязывалъ ей?—намекнулъ пріятель на общеизвѣстный гурійскій обычай.

— Нѣтъ, куда... не такая дѣвушка...

— Жаль... Какъ бы она не побоялась, въ случаѣ чего, бѣжать съ тобой!

— Куда хочешь уйдетъ!

Думали, гадали и рѣшили, наконецъ, завтра же утромъ ѣхать всѣмъ тронмъ вмѣстѣ назадъ въ Мартвили.

— Ужъ вы не оставьте меня, бѣднаго! — умолялъ Михако.

— Ай, Михако, развѣ мы не друзья тебѣ? Вмѣстѣ дѣтьми играли, какъ же теперь измѣнить товарищу?

— Куда ты, туда и мы. Тебѣ бѣжать придется—и мы съ тобой уйдемъ. Земля велика, найдемъ мѣсто.

— Безъ крови не обойдется, я знаю мацикула Давида. Упрямый старикъ.

— Ну, что-жъ! Только старыя бабы боятся крови! За то всѣ дѣвушки станутъ разсказывать о нашемъ удальствѣ и молодечествѣ. Слыхалъ ты, что поютъ про Абашидзе? Такъ и объ насъ будутъ пѣть. Не перевелись еще въ Гуріи удальцы, а «за дѣвушку сложить голову—въ рай попасть». Жаль, что мы еще невѣстъ себѣ не приглядѣли, а то бы всѣ вмѣстѣ ушли. На Чорохъ-су можно уѣхать, въ Аджару. Только границу перескочить! Лови вѣтеръ, когда онъ свищетъ по ущельямъ, или орла, когда онъ взовьется выше горной тучи въ синее небо, — не поймаешь. У него же, у мацикула, и коней уведемъ!

— Постой! У меня есть другъ между работниками мацикула. Мы и его возьмемъ.

— Старую пословицу помнишь: «три союзника сильнѣе десяти враговъ», а четвертаго не надо: «одинъ лишній языкъ—все равно, что колокольчикъ на шеѣ у ишака»; звонитъ, издали слышно.

— Аббадія человѣкъ надежный!

— Оставь трусамъ искать помощниковъ,—сыпалъ пословицами Леванъ. — У удальца должны быть два союз

пика—двѣ руки, два проводника—два глаза, да одинъ другъ—винтовка. Хорошо говорили старые люди!

Старые люди совѣтуютъ дѣвушкамъ передъ сномъ плотно затворять двери и окна. Нина, чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда гурійской молодежи изъ Тифлиса, забыла исполнить это. Посреди почи ей смутно послышался какой-то шумъ около. Она подошла къ дверямъ. Чья-то тѣнь скользила вдоль стѣны.

«Не Михако-ли?»—подумала она, ожидая, когда тѣнь эта выйдетъ на лунный свѣтъ, обильно обливавшій круглыя горы и сѣрыя скалы Мартвили.

Сердце вѣсть подало. Михако быстро юркнулъ въ двери и заперъ ихъ за собою. Дѣвушка, едва сдерживая рыданія, кинулась къ нему.

— Скоро-ли свадьба?—удерживая ее отъ ласкъ, спросилъ юноша.

— Черезъ три дня!

— Что-жъ ты... идешь за ишака!.. Охотой?.. Дала согласіе?..

— Нѣтъ. Я ужъ рѣшила, если ты не пріѣдешь, зарѣзать его. Будь, что будетъ!

— Твое счастье. Ежели бы охотой шла, я бы тебя самъ сейчасъ зарѣзалъ!—И Михако вложилъ бывшій у него на готовѣ кинжалъ въ ножны.—Легче мнѣ тебя мертвой встрѣтить!

Только теперь онъ обнялъ дѣвушку.

— Уйдемъ скорѣй...—страстно шепталъ онъ, покрывая поцѣлуями ея разомъ вспыхнувшія щеки.

— Послушай, рѣчи женщины лживы. Не повѣрю я, что ты уйдешь со мною. Всѣ вы на одну стать. Языкомъ виляете, что коза хвостомъ. Пригрозятъ отецъ съ матерью—и выйдешь за ишака Георгія. До тѣхъ поръ не повѣрю, пока не станешь ты моею женой... теперь, сейчасъ!

Нина только еще безсильнѣе припала къ нему на грудь.

Михако и двое его товарищей цѣлый день просидѣли въ глухомъ ущельѣ послѣ этой ночи. Гурійскій Парисъ «развязалъ поясъ» у своей Елены и потому былъ спокоенъ. Она не достанется никому. Молодежь спала подъ

лавровишневыми деревьями, запасаясь силой и энергіей на ночь. Нико, третій пріятель, добылъ гдѣ-то «матчары», свѣжаго, молодого вина, сладкаго и сильно опьяняющаго. Когда взошла луна, они вышли изъ засады. Прежде, чѣмъ похитить Нину, молодые люди должны были отомстить старымъ мацикуламъ за сватовство мартвилійской красавицы. Такъ какъ бракъ еще не былъ совершенъ, то убійства послѣдовать не могло.—въ противномъ случаѣ плохо пришлось бы Давиду и Ираклію. Нико отправился къ жилью перваго, а Леванъ къ Ираклію. Михако, согласно предварительному уговору, сторожилъ Нину, которая должна была выйти сейчасъ же, какъ справа и слѣва зарево охватитъ дома ненавистныхъ мацикуловъ. Ждать пришлось недолго. Какъ только звѣзды южной ночи разгорѣлись, словно раздутые угли, и серебряный свѣтъ мѣсяца проникалъ въ самыхъ глубокихъ тѣсninахъ иглистыя сумерки, вдали послышались крики, и среди полнаго безвѣтрія пламя охватило два жилья, отдѣленныя одно отъ другого громаднымъ промежуткомъ. Дома загорѣлись, какъ свѣчи. Сухое дерево способствовало пожару. Михако съ Ниной, Нико и Леванъ стремглавъ мчались къ условленному мѣсту на отбитыхъ у мацикуловъ коняхъ, держа въ поводу каждый запасного. Дѣло бы обошлось безъ свалки, да молодыхъ гурійцевъ обуяло опьяненіе торжества. Они выхватили ружья и давай стрѣлять въ воздухъ, съ громкими воплями гарцуя на статныхъ коняхъ. Когда прошли первыя минуты столбняка, все село кинулось къ лошадямъ, и старый, и малый пустились въ погоню. Дѣло завязалось нешуточное. Михако остановился, желая разрядить ружье въ головы первыхъ, кто покажется на узкой тропинкѣ въ горы, куда они пробирались.

— Ай, Михако! Или ты потерялъ голову, что хочешь отбиваться отъ нихъ? И тебя убьютъ, и Нину не пожалѣютъ!

— Все равно: догопятъ, — не пожалѣютъ. Зарѣжутъ, какъ барановъ!

— А Нину?

Нину я самъ убью. Все легче, чѣмъ другіе!

— Нѣтъ, такъ нельзя,—вмѣшался Леванъ.—Ты теперь не одинъ: уноси свою голову, а мы съ Нико постараемся задержать здѣсь погоню, насколько можно. Вы ужъ далеко будете.

— Да васъ убьютъ!

— Слава Богу. Такія дѣла удалыя не въ духанѣ дѣлаются... Не веселья же ждать. Прощай, Михако, береги Нину. Прощай, Нина!

Помертвѣвшая дѣвушка ничего не слышала. Сидя на лошади, она безсознательно держалась за гриву ворона карабаха, онередившаго всѣхъ своею замѣчательною иноходью, которою славятся вообще кони этой породы.

Михако даже и не задумался исполнить великодушное требованіе пріятелей. Онъ самъ поступилъ бы такъ на ихъ мѣстѣ.

Нико и Леванъ залегли за утесы и открыли огонь по приближающимся. Началась правильная перестрѣлка. Пули двухъ героевъ-юношей били на выборъ, выстрѣлы съ другой стороны пропадали даромъ. Такъ прошло время до ночи. Бѣглецы успѣли уже перебраться за турецкую границу и нашли гостепріимный пріютъ въ первой же аджарской деревушкѣ, куда охотно принимаютъ единоплеменныхъ гурійцевъ, или преслѣдуемыхъ въ Россіи, или же ищущихъ просто приключеній. Нико и Леванъ думали отстрѣляться тоже, но судьба рѣшила иначе. Нѣсколько преслѣдователей пустились въ обходъ и нежданно-негаданно сверху сползли на юношей. Тѣ еще не успѣли очнуться, какъ на нихъ напали сзади съ кинжалами. Оба погибли отъ ранъ, нанесенныхъ въ спину. Такая рана здѣсь считается измѣнническою и позоритъ побѣдителя.

Печальнымъ финаломъ завершилась эта гурійская драма.

О великодушіи и удальствѣ юношей мѣстныя дѣвушки поютъ легенды, а счастливый Михако преспокойно живетъ себѣ въ Аджарѣ, расплодая въ ея безпросвѣтной глуши красивое и сильное поколѣніе.

Исторія Нины въ краткихъ чертахъ была разсказана Иваномъ. Потомъ я узналъ ее подробнѣе.

— Вотъ онъ какой дикій народъ,—рѣшилъ Иванъ.— Изъ-за чего—изъ-за бабы столько смертнаго убійства!

Въ Аджарѣ оказывается не мало бѣглецовъ изъ русской Гуріи. Не мало ихъ и въ Чорохъ-су. Удалые рыцари большихъ дорогъ спасаются сюда отъ Сибири; сюда же молодежь увозитъ невѣстъ; тутъ же хоронятся отъ кровавой мести—канлы.

Солнце все щедрѣе и щедрѣе обливало аулъ зноемъ и свѣтомъ. Бѣлыя мазанныя сакли и плоскія кровли сверкали почти рѣжущимъ глаза блескомъ. Только и отдыхаешь здѣсь на зелени тополей и на рамнахъ ароматныхъ садовъ.

Пора: конь давно фыркаетъ и нетерпѣливо постукиваетъ въ землю копытами. Мальчишки гурьбой собрались кругомъ. Даже старухи на кровляхъ уже не хмурятся по-вчерашнему.

— Ну, прощай, Божій гость, спасибо тебѣ! Одичалъ бы здѣсь, не видя русскаго. Утѣшилъ ты меня, старика. А то-бы погостилъ еще? А? Что-бы, въ самомъ дѣлѣ, съ недѣльку пожилъ у насъ? Чудесное дѣло. Нѣтъ? Ну, Господь съ тобой. Послѣдняго русскаго, пожалуй, па роду своемъ вижу. Эхъ, ты, доля горькая!

Старикъ даже отвернулся, чтобы я не замѣтилъ слезъ, проступившихъ у него на глазахъ. На приземистомъ, но сильномъ аджарскомъ конькѣ выѣхалъ изъ какого-то проулочка Абдулъ, сынъ моего гостепріимнаго хозяина. Онъ долженъ былъ проводить меня до мѣста, гдѣ я встрѣчу моего знаменитаго джигита и удальца, Вано.

Скоро холмъ, весь покрытый саклями съ ослѣпительно сверкающимъ минаретомъ мечети на его вершинѣ, пропалъ за извилинами сырого ущелья.

Небо было безоблачно, день становился удушливъ. Хорошо было еще въ тѣни, на плѣшкахъ же, подъ солнцемъ, палило невыносимо. Кровь приливала къ головѣ и стучала въ вискахъ. Передъ глазами сыпались искры и дрожали въ воздухѣ. Въ травѣ звенѣли безчисленныя цикады.

V.

Опять въ дорогѣ.

Повернувъ въ боковое ущелье, черною скважиной ложившееся на востокъ, мы погрузились въ сырое царство дубоваго и буковаго лѣса. Утомленные уже ослѣпляющимъ блескомъ лѣтняго дня, глаза отдыхали въ таинственномъ сумракѣ заповѣдной дубравы. Тропинка прихотливо вилась въ чащѣ, то сбѣгая внизъ къ водѣ, сочившейся по дну этой щели, то перекидываясь съ уступа на уступъ и забираясь все выше и выше по откосамъ и безъ того крутой горы. Скучно было ѣхать съ моимъ провожатымъ. онъ не понималъ ни слова по-русски, я былъ нѣмъ, какъ рыба, на гурійскомъ языкѣ... Дорога только и разнообразилась то золотисто-пестрымъ фазаномъ, стремглавъ вылетавшимъ сбоку, совершенно неожиданно для насъ, то глухимъ шуршаніемъ какого-то грузнаго тѣла, пробиравшагося сквозь лозникъ, весь опушенный крупными алыми цвѣтами... Какъ жаль, что во мнѣ нѣтъ инстинктовъ охотника! Это аджарское чернолѣсье кишмя-кишитъ кабанами, самаго крупнаго разбора. Они доходятъ здѣсь до 4 футовъ въ длину и до 450 фунтовъ вѣсу. Понятно, что этому способствуютъ сочныя болота, такъ какъ въ той же Аджарѣ, въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, на сухихъ плато, и вѣсъ, и величина кабановъ значительно уменьшаются. Здѣсь и въ Чорохъ-су ихъ такъ много, что мѣстные жители жалуются на опустошенія, производимыя въ ихъ плантаціяхъ выводками этихъ животныхъ, бродящихъ цѣлыми стадами. Мнѣ только два раза пришлось ихъ увидѣть, и то издали. Я остановился какъ-то на почти отвѣсномъ обрывѣ. Внизу подо мною далеко разстилалась зеленая поляна, со всѣхъ сторонъ опушенная лѣсомъ... Лѣса заполонили всѣ окрестности, и только на горизонтѣ смутно мерещились мрачные силуэты окутанныхъ синими сумерками горъ. На полянѣ, у небольшого озерка, сверкавшаго, словно серебряный щитъ, брошенный на дно котловины, неподвижно чернѣлись какія-то точки.

Всматриваюсь въ бинокль и только тогда узнаю грузныя массы кабановъ, расположившихся здѣсь на отдыхъ. Они на привольѣ ничѣмъ не возмущаемаго затишья раскинулись группами по два, по три. То нѣсколько ихъ свалились въ одну кучу, то самка окружила себя дѣтенышами... Наиболѣе сильныя животныя размѣстились въ сторонѣ, въ одиночку, составляя, повидимому, своеобразную аристократію кабаньяго міра. Два или три словно разбухшихъ тѣла чернѣли на отмеляхъ озера, кое-гдѣ въ водѣ, на неглубокомъ днѣ, покоились темные хребты... На нашихъ глазахъ одинъ кабанъ, отдѣлившись отъ прочихъ, медленно сошелъ въ озеро и, словно не двигая лапами, проплылъ къ небольшому островку, сплошь покрытому цвѣтами и окаймленному зеленою щетиной камыша... По движенію камышевыхъ метелокъ мы уже догадались, что животное забралось туда, спасаясь отъ жары. Въ обществѣ кабановъ, глубокомысленныя и столь же неподвижныя, на желтыхъ отмеляхъ темнѣли цапли. Представители четвероногихъ и пернатыхъ жили, повидимому, въ мирѣ между собою, не обращая другъ на друга никакого вниманія... Въ другой разъ, когда мы остановились въ лѣсу на привалъ и, разостлавъ коверъ, трапезовали грузинскимъ сыромъ, запивая его сладковатой матчарой (молодымъ виномъ), въ сторонѣ словно вихрь пронеслось что-то. Звуки были таковы, будто сквозь сплошную массу лѣса, перевитаго лозникомъ и боярышникомъ, пролетѣло, ломая сучья и стволы, какое-то громадное тѣло.

— Что это?—спрашиваю.

— А кабаны. Ихъ тутъ до пропасти.

— Какъ же они продираются сквозь боярышникъ?

— Это ужъ ихъ дѣло!.. Только никакая чаща ихъ не остановитъ; медвѣдя задержитъ, тигръ стороной пройдетъ, а кабаны на проломъ возьмутъ—точно иглой лѣсъ пронижутъ. Они даже любятъ это... Рванутся нарочно на сплошную стѣну чернолѣсья, смотришь за ними—дорожка, хоть въ телѣгѣ проѣзжай. И все по прямой линіи, никуда въ сторону не свернутъ

Кабаны чрезвычайно осторожны.

Не успѣлъ я спуститься въ тотъ разъ съ горы, разумѣется, не по обрыву, а боковыми тропинками, какъ топотъ моей лошади и шорохъ осыпавшейся земли и кремней былъ уже подхваченъ животными. Сначала подняли голову нѣсколько, вѣрно болѣе старыхъ и опытныхъ, кабановъ... Не успѣлъ я выѣхать опять къ откосу — смотрю, всѣ они сбились въ кучу, такъ что клочекъ зеленой поляны почернѣлъ подъ ними... Еще нѣсколько поворотовъ по дорожкѣ, извивавшейся зигзагами, — и все стадо ринулось въ чащу лѣса... Поляна безъ нихъ совсѣмъ помертвѣла. Неподвижные силуэты цапель по отмелямъ надъ водою мало оживляли ее... По озерку хоть бы рябь прошла. Нѣтъ, стоитъ себѣ, не шелохнется, сверкая подъ яркимъ полуденнымъ солнцемъ. Не дрогнетъ. Хоть бы кругъ расплылся отъ всплеска шаловливой рыбки... Только камышъ цвѣтущаго острова пошевеливаетъ метелками и словно киваетъ ими... Должно быть, кабанъ подальше забирается въ чащу. Когда лошади наши уже совсѣмъ спустились на зеленый коверъ поляны, цапли тяжело, неловко, нехотя поднялись и медленно, словно съ натугою размахивая крыльями, одна за другой потянулись къ зеленому царству сумрачнаго лѣса, до-нельзя вытягивая назадъ свои и безъ того длинныя ноги.

Но это было тогда!

Теперь же намъ пришлось ѣхать по совершенно черному ущелью. Когда мы, вмѣстѣ съ однимъ изъ неожиданныхъ поворотовъ тропинки, повернули направо, и конямъ пришлось слѣдовать по теченію ручья, небо сузилось и заголубѣло надъ сырою понизью яркою лентой, на которой, точно бѣлыя пятна, разбросались круглыя облака «барашками». Съ каждымъ ударомъ копыта во всѣ стороны брызгали холодныя капли воды; иногда подъ ногами лошади расползались съ громкимъ, разсыпчатымъ трескомъ кучи кремней, намытыхъ сюда ручьемъ. Наконецъ, направо опять показалась желтая извилина дороги, и мы взъѣхали на нее, промокнувъ насквозь

Какъ невыносимы эти мусульмане! Хоть бы запѣлъ Абдулъ, хоть бы крикнулъ. А то молчитъ, какъ пень, почтительно слѣдуя за мною позади. О чемъ онъ думаетъ все это время? Я было и пробовалъ запѣвать: оглянусь— то же серьезное, невозмутимое, хотя и молодое лицо. Разъ даже отнесся я къ нему съ какою-то русскою фразой. Улыбка недоумѣнія, вопросительный взглядъ — и опять молчаніе. Онъ былъ совершенно подъ-стать этому мертвому ущелью, этому мертвому лѣсу, этимъ мертвымъ скаламъ. Какъ ни надоѣлъ мнѣ мой длинноносый менторъ— Вано, но я съ нетерпѣніемъ ожидалъ теперь, когда онъ покажется мнѣ навстрѣчу. Ему навѣрное пришлось провести ночь не такъ пріятно, какъ мнѣ, что, разумѣется, еще усилило его увѣренность въ полученіи золотой медали на излюбленной желтой лентѣ. И хоть бы этотъ Абдулка лошадь пріударилъ, вынесся впередъ или, какъ мой Вано, заджигитовалъ бы на просторныхъ площадкахъ. Нѣтъ. Монотонно ступаетъ его лошадь, такъ же монотонно, какъ и этотъ ручей журчитъ, перебираясь холодною змѣей въ сочной тѣни съ камня на камень своего кремнистаго ложа. До одури довелъ меня мой проводникъ. Я нарочно взялъ въ сторону отъ тропинки и вмѣстѣ съ лошадью врѣзался въ чащу густо-переплетающихся вѣтвей. Думалъ — крикнетъ, хоть признакъ жизни подастъ. Нѣтъ! Степенно подъѣхалъ къ моему коню, схватилъ его подъ уздцы и вывелъ назадъ на тропинку. И при этомъ ни слова, ни одного звука недовольства, недоумѣнія, упрека, указанія, куда ѣхать. Такъ и хотѣлось силой раскрыть ему ротъ, чтобы убѣдиться въ существованіи у него языка!

Впослѣдствіи, когда я встрѣчалъ другихъ мусульманъ, когда вмѣстѣ съ нами были знавшіе по-татарски, — все равно. Смотритъ: словно столбнякъ напалъ. Цѣлый день сосредоточенно промолчитъ, точно рѣшая невѣсть какіе важные вопросы. Чтобы добиться отвѣта — нужно ему, что называется, наступить на горло. Что это: восточная лѣнь, непривѣтливость или просто отупѣніе отъ подавляющаго вліянія корана и семейнаго рабства? А если и ска

жетъ слово, такъ точно его кто-нибудь за шею душитъ, съ болью каждый звукъ выдѣляется, да притомъ же еще и недовольство на лицѣ. «Вотъ-де, ему дѣлать нечего, безпокоитъ!»

Ущелье круто повернуло направо, и яркій свѣтъ лѣтняго дня ударилъ намъ прямо въ глаза послѣ тьмы и прохлады лѣсного царства.

Послѣдніе буковые великаны простираютъ надъ нами свои раскидистыя сѣни. Впереди глубокая, безлѣсная долина. Горы словно разбѣжались въ разныя стороны, образовавъ открытое пространство, застланное пышною луговою зеленью. Зигзагами ложилась по немъ небольшая серебряная рѣченка, развѣтвлявшая на нѣсколько рукавовъ. Каждый широкими излучинами уходилъ въ ущелья, впадавшія въ эту долину. По скатамъ окрестныхъ горъ ютились хижины, выстроенныя изъ дерева. Вокругъ — поля гоми, фруктовыя деревья разбросаны въ одиночку.

По дорогѣ прямо на меня бѣжитъ сѣрое облако пыли и въ немъ, точно сказочный витязь въ тучѣ, мой бичо Вано.

На лицѣ князя — радость, папаха лихо заломлена на бокъ, носъ еще торжественнѣе выпятился впередъ.

Доѣхалъ, обдалъ всего меня пылью и цѣловаться лѣзетъ. Спрашиваю его, гдѣ ночевалъ онъ.

— Кунакъ тутъ есть. Знакомы. Баранъ жарилъ, меня гащалъ. Бальшой кунакъ!

— Что у тебя, князь, за способность вездѣ друзей находить?

— Онъ Поти билъ, Тыплызъ билъ, я Поти билъ, Тыплызъ билъ. Знакомы члавѣкъ!

— Что-жъ?—Онъ останавливался тамъ у тебя?

— Зачѣмъ? Онъ тва годъ прежде билъ!

Оказалось, что кунаки первый разъ только и свидѣлись здѣсь, въ аджарской деревушкѣ. До сихъ поръ они и не знали другъ друга: Вано не подозрѣвалъ, что существуетъ у него пріятель Шардчидзе, а этотъ не предполагалъ, что есть на свѣтѣ Варданія. Вся дружба родилась только

вчера. Разговорились, узнали, что оба въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ пожили, и кунаки, пріятели стали. Потѣшна была увѣренность, съ какою мой Вано говорилъ объ этой дружбѣ, точно они росли подъ одною и тою же кровлей. И вѣдь это не на однихъ словахъ только. Тотъ же Шардчидзе, вѣрно, бѣденъ, какъ крыса, а зарѣзалъ барана для своего новорожденнаго друга. Приведись ему попасть къ Вано въ домъ — этотъ для него тоже ничего не пожалѣетъ, потому — кунакъ. И не въ одномъ этомъ скажется ихъ дружба. Понадобься какая-нибудь услуга—ни одинъ не задумается голову подставить за другого. Не одни мы, русскіе, значитъ, отличаемся маниловскимъ расположеніемъ къ дружбѣ. Грузины и аджарцы въ этомъ отношеніи за поясъ насъ заткнули. Когда я ѣхалъ изъ Тифлиса въ Поти по желѣзной дорогѣ, мнѣ пришлось одну станцію проговорить съ какимъ-то грузинскимъ княземъ. На станціи пили вмѣстѣ чай.

— Въ Хта-цминда ѣзжай, знакомъ будышь!—пригласилъ онъ меня. На томъ и разстались.

На-дняхъ иду по Невскому проспекту, слышу—кто-то зоветъ меня, догоняя. Не успѣлъ я оглянуться, какъ попалъ въ чьи-то объятія. Всматриваюсь — положительно незнакомое лицо. Я остолбенѣлъ даже.

— Квирило, дюша мой, помнышь?..

— Какое Квирило?

— А станцы на потійски дорога... Киназъ Леонидзе помнышъ? Кунакъ?

Другъ, такъ горячо кинувшійся мнѣ на шею, оказался моимъ дорожнымъ спутникомъ на тридцативерстномъ разстояніи отъ одной станціи до другой. Спросилъ адресъ. Я далъ. Смотрю—вечеромъ тащитъ мнѣ разныя грузинскія лакомства и превосходнаго кахетинскаго вина.

Я только руками развелъ, разумѣется.

Вано предложилъ мнѣ даже отправиться вмѣстѣ къ его новому кунаку. «Мой кунакъ—твой кунакъ».

— Баранъ будитъ рѣзить...

Едва отговорить удалось, а то несчастный пріятель

моего проводника за столь скоропостижную дружбу поплатился бы парою барановъ.

Мы, не останавливаясь, проѣхали долину и, спустя часа два, взбирались уже на первый перевалъ черезъ окрестныя горы. Когда лошади медленно поднялись на гребень одного вала, передъ нами далеко впереди открылась панорама вершинъ, точно плавававшихъ въ синемъ туманѣ непроглядной дали. Однѣ за другими, переднія во всемъ своемъ сумрачномъ величіи, заднія едва мерещатся, а еще за ними горъ уже и не видать, глазъ различаетъ только какія-то серебристыя сѣти по небу, на самомъ краю его, въ промежуткахъ между болѣе близкими вершинами.

— Что это?—спрашиваю.

— Горы...

Какая дивная красота, какіе поразительные эффекты! Серебристыя сѣти — снѣга и льды. Самыхъ горъ не видать, за то видны ихъ снѣговыя, развѣтвляющіяся залежи, точно висящія въ лазури... Какая даль, должно быть!

Вано сталъ оглядывать горизонтъ и нахмурился.

— Что тамъ такое?

Онъ только махнулъ рукой по тому направленію.

Всматриваюсь и я. Небольшая бѣлая кайма выдвигается впередъ. Точно паръ валитъ откуда-то. Я понялъ разомъ. Прелестный день скоро долженъ былъ омрачиться. Во всей Аджарѣ рѣдки хорошія погоды. Небо почти постоянно покрыто тучами. Первое время моей поѣздки было исключительное. Ни разу не шелъ дождь, ни разу не гремѣла гроза.

— Буря будетъ!

— Твой бурка нѣтъ?

Со мною было пальто-халатъ, мохнатое и толстое, изъ англійскаго драпа. Вано пощупалъ его, съ презрѣніемъ щелкнулъ языкомъ, при чемъ носъ его точно шмыгнулъ куда-то въ сторону. Значитъ, предстояло промокнуть насквозь. Первыя жилья впереди должны были попасться верстъ черезъ пятнадцать—разстояніе, совершенно достаточное, чтобы заполучить мѣстную лихорадку. Я сильно

раскаивался, что не купилъ бурки на Кавказѣ. Вдругъ, смотрю, Вано тащитъ у меня пальто.

— Чего тебѣ?

— Давай... Мнѣ что, я привыкъ!

Снялъ бурку съ сѣдла и бросилъ мнѣ ее на плечи...

— Да вѣдь ты самъ насквозь промокнешь?

— Жолты лента, золотой миндаль...

Вано напрасно и намекалъ на вознагражденіе. И безъ увѣренности въ полученіи золотой медали онъ бы отдалъ мнѣ свою бурку. Упади мой конь — отдалъ бы коня и самъ пошелъ бы пѣшкомъ. И это вовсе не потому, что я его нанялъ, что я ему плачу деньги. Нѣтъ! У грузинъ, если хотите, нѣтъ слугъ въ родѣ нашего лакейства, холопства. Грузинскій нукеръ, или бичо считаетъ себя членомъ семьи, лицомъ, равноправнымъ хозяину. Подавъ ему что-либо, исполнивъ его приказаніе съ точностью, онъ тутъ же садится рядомъ, закуриваетъ у хозяина трубку или папироску, непринужденно болтаетъ съ нимъ, смѣется, поетъ. Онъ считаетъ себя въ правѣ дать совѣтъ хозяину, споритъ съ нимъ. Короче — это другъ, другъ исполнительный, неоцѣненный, но не слуга, не лакей. Какъ ни странно заключеніе, вынесенное мною изъ поѣздки съ Кавказа, но я настаиваю на немъ: грузины — народъ аристократовъ. Возьмите любого крестьянина, забившагося въ какую-нибудь невылазную дыру среди гурійскихъ горъ,— вы не замѣтите въ немъ неуклюжести, застѣнчивости, грубости нашего мужика. Одѣньте его и введите въ любую гостиную — онъ будетъ держать себя непринужденно и такъ же ловко, какъ и теперь держутъ себя въ обществѣ наши маловоспитанные конвойные князья. Въ какомъ бы положеніи ни былъ грузинъ, онъ ведетъ себя съ достоинствомъ, безъ приниженности. Его уваженіе безъ раболѣпства, онъ оказываетъ свое почтеніе безъ уничиженія. Поэтому какъ нельзя лучше чувствуешь себя съ ними. И легко, и свободно! Это дѣйствительно свободный народъ.

Даже крѣпостная зависимость не повліяла на нихъ. Нечего уже и говорить, что у нихъ никогда не было

рабства такого, какое существовало въ нашихъ помѣщичьихъ берлогахъ. Крѣпостной грузинъ велъ себя съ своимъ феодаломъ какъ родной, какъ членъ семьи. Онъ безъ приглашенія садился въ его присутствіи, говорилъ съ нимъ какъ равный съ равнымъ, но въ то же время готовъ былъ въ огонь и въ воду за господина, жертвовалъ жизнью за него безъ колебанія. Нравы шотландскихъ кланова — во-очію. Сходство поразительное!..

Бѣлая кайма тучи выдвигалась все болѣе и болѣе... Надъ нами и впереди небо еще было ярко и чисто, но за спиною уже клубилась сѣрая мгла, словно глотая горы одну за другой. Только ближайшія вершины тамъ еще сумрачно очерчивались на однообразномъ темномъ фонѣ грозовыхъ тучъ, но уже поблекли, точно пылью или золою покрылись. Потухли яркіе тоны солнечныхъ отсвѣтовъ, горѣвшія, какъ раскаленное желѣзо, верхушки скалъ точно погасли... Еще темнѣе и суровѣе легли глубокія впадины и отверстія узкихъ ущелій... Черными пастями казались ближайшія пещеры... А впереди такъ же привѣтливо и знойно пылало полуденное солнце, и такими же нѣжными фіолетовыми и голубыми тонами щеголяли откосы горъ, и серебряными вѣнцами своими горѣли ихъ могучія вершины.

Лошади, чуя бурю, подтянулись, «собрались» и пошли живѣе.

— Далеко жилье?

— Двацитъ верстъ.

— Какъ же мы будемъ? Вѣдь сейчасъ дождь пойдетъ.

— Пускай! Твоя—бурка есть.

Въ сторонѣ что-то засвистало. Что-то пахнуло на насъ сзади и обдало пылью. Пыль далеко, круглымъ облакомъ, заклубилась впередъ по дорогѣ.

Зашелестѣла листва. Еще гуще и раздражительнѣе запахло цвѣтами, красныя кисти которыхъ колыхались вверху, осыпая насъ своими лепестками.

Засвистало въ ущельяхъ. Вершины молодыхъ дубковъ закивали намъ отовсюду.

Громучѣе сталъ рокотъ ручья.

Черный горный орелъ ринулся мимо, и громкій, рѣзкій, хищный клекотъ замеръ въ воздухѣ.

Тучи уже перегоняли насъ по небу.

VI.

Подъ грозою.

Несчастный Вано не успѣлъ опомниться, какъ промокъ насквозь. Зато мнѣ подъ его буркой было и хорошо, и удобно.

Туча далеко опередила насъ. Вся окрестность разомъ какъ будто поблекла. Радужные тоны далекихъ горъ погасли. Сѣрые оттѣнки легли на недавно зеленыя долины. Ближайшіе скаты казались какими-то грязноватыми сквозь частую сѣтку ливня; далей же вовсе не было видно, точно онѣ отодвинулись, ушли отъ глазъ... Вверху тоже все было сѣро. Тучи заполонили и небо. Ни одного просвѣта; ни одного луча. Дождь буквально билъ,—мы чувствовали на себѣ силу ударовъ этихъ крупныхъ и холодныхъ капель.

— Что, Вано, плохо?

— Завсѣмъ яманъ!—И онъ напрасно кутался въ мой новомодный пальто-халатъ, обмокшій на немъ, какъ холщевая тряпка.

— Нѣтъ-ли тутъ пещеры какой?

— Тамъ, далеко!—и онъ махнулъ на боковые хребты.

Вглядываюсь — и, дѣйствительно, сквозь завѣсу ливня зіяютъ черныя пасти гротовъ. Только до нихъ не добраться. Попробовали мы было пріютиться подъ широко раскинувшимися вѣтвями горнаго каштана—еще хуже. Рванется вѣтеръ, всколыхнетъ листву, и насъ, точно изъ ведра, обольетъ влагою, скопившеюся въ вѣтвяхъ этого великана.

Тропинка, тамъ, гдѣ она пересѣкала каменистыя поверхности откоса, была скользка и опасна...

— Этакъ вѣдь и упасть недолго!

— «Сапкварели, ратминда-да!»—затянулъ было Бано, и разомъ кончилъ грузинскую пѣсню громкою руганью.

Скоро мы должны были, впрочемъ, и тропинку бросить. Она свернула внизъ круто, между двумя гребнями, образуя родъ узкой галлереи. Въ другую погоду—еще бы ничего, но во время горнаго ливня въ этой тѣснинѣ образовался шумный потокъ. По немъ, точно бѣлое облако, бѣжала и клубилась масса пѣны. Тутъ и лошадей, и насъ смыло бы внизъ, въ какую-нибудь трущобу. Повсюду изъ-подъ ногъ лошадей, по бокамъ, сбѣгали шумные ручейки. Пришлось взбираться наверхъ. Лошади цѣпко ползли, точно копыта ихъ обладали способностью присасываться къ горной почвѣ. Порою изъ-подъ самыхъ ногъ обрывались куски разрыхлѣвшей земли, но кони только надсѣдались назадъ и опять принимались за головокружительный подъемъ... Такъ прошло съ часъ времени, пока мы, наконецъ, не попали на другую тропинку.

Ливень было притихъ.

— Кажется, конецъ бурѣ?..

— Громъ будетъ!..

Дѣйствительно, тучи какъ будто собирались съ силами для новаго удара, онѣ какъ-то клубились къ одному и тому же пункту, сосредоточивались. Такъ грозная армія стягивается, чтобы нанести врагу рѣшительный ударъ, такъ подбирается хищный тигръ и съеживается, чтобы разомъ кинуться на жертву и положить ее подъ ударомъ своихъ неотразимыхъ, когтистыхъ лапъ.

Громъ дѣйствительно грянулъ какъ-то разомъ, неожиданно. Только что затихло все, какъ прокатился сначала словно сухой трескъ вверху, точно массы бревенъ раскололись тамъ разомъ. Сухой трескъ становился все глуше, но за то ширился, захватывая больше и больше простора, и, спустя минуту, надъ нами гремѣли тысячи боевыхъ колесницъ, точно по мановенію вождя ринувшихся всѣ вмѣстѣ, одною несокрушимою массой, на западъ.

И не было конца этимъ колесницамъ. Громъ не ослаблялся, не усиливался. Онъ шелъ ровно и грозно, точно

не удостоивая окрестностей болѣе сильныхъ порывовъ своего гнѣва...

Гдѣ-то на одну секунду разорвало тучи. Моментальный проблескъ ярко-голубого неба и опять сѣрыя однообразныя массы...

Лошади какъ-то пріостановились и точно уперлись въ землю, и было кстати: вслѣдъ за громомъ хлынулъ такой яростный порывъ вѣтра, что направо сбросило внизъ громадный обломокъ скалы, можетъ быть, цѣлыя столѣтія пролежавшій на своемъ рыхломъ ложѣ...

И опять насъ обдало ливнемъ, и опять Вано сталъ ежиться и посылать кому-то сквозь зубы совсѣмъ нелестныя проклятія.

Начиная съ этого дня, Аджара словно разомъ измѣнилась. Ни яснаго неба, ни полныхъ нѣги ночей, ни фіолетовыхъ оттѣнковъ далекихъ горъ, вырисовывающихся на голубой эмали горизонта... Утромъ дождь, днемъ дождь, вечеромъ дождь и ночью дождь. Только обсохнутъ послѣднія капли, только сбѣгутъ въ долины разомъ образовавшіеся ручьи и рѣченки—опять на сѣрое небо ползутъ новыя громады темныхъ тучъ, опять гдѣ-то гремитъ гроза, и шумный ливень клонитъ лѣсныя чащи...

Этотъ уголокъ, казавшійся райскимъ, потерялъ всю свою прелесть. Вершины горъ скрывались въ сѣрыхъ клубахъ мглы. Надъ пропастями разстилались бѣлыя облака, долинъ не было видно вовсе... Можно было только разсмотрѣть впереди тропинку на нѣсколько саженъ...

Поѣздка наша потеряла характеръ лѣтней прогулки, и я съ величайшимъ, понятнымъ только бродягѣ-туристу, наслажденіемъ отдохнулъ, наконецъ, въ глуши прибрежнаго мѣстечка, давно оставивъ позади Аджару.

Тутъ опять намъ улыбнулось ясное небо... Тихія, ласковыя волны Чернаго моря точно разсказывали старинную былину, набѣгая медлительно на отмелые песчаные берега. Лѣниво слѣдили глаза за каймою бѣлой пѣны, означавшей послѣднюю границу морскихъ владѣній, за немногими парусами, словно крылья птицы, мелькавшими на ярко

голубомъ просторѣ... Надо мною не тяжелый кровъ каменной сакли, а сѣтка виноградника; по сторонамъ, въ нѣжной зелени ея, прячутся бѣлыя стѣны и плоскія кровли небольшихъ домиковъ.

А горы, эти подавляющіе великаны, словно тѣснящіе васъ, словно сдавливающіе вашу грудь?..

И онѣ далеко... Едва мерещутся клубами голубовато-сѣрой пыли на востокѣ... И не смѣютъ онѣ ближе подступить къ этой зеленѣющей равнинѣ, къ этимъ разливамъ серебряныхъ рѣчекъ, къ этому ласковому простору моря!..

Да, хорошо здѣсь. Хорошо и привольно, такъ хорошо, что сердце щемитъ, когда подумаешь, что спустя мѣсяцъ нужно опять вернуться на далекій сѣверъ, въ царство болотъ и пыли, въ шумный городъ вѣчнаго разлада, къ лихорадочному труду, опять цѣлыя ночи корпѣть надъ бумагой, на каждомъ шагу чувствуя свое безсиліе передать могучую южную красоту, опять молчаливо нести свой крестъ, когда кругомъ шипитъ подлая клевета, и еще выше поднимать голову, когда тупая злоба язвитъ тебя со всѣхъ сторонъ своими невидимыми жалами...

И больно оставлять этотъ свѣжій просторъ! Точно отрываешься отъ знойнаго поцѣлуя любимой женщины, отталкиваешь отъ себя ея горячую, страстно дышащую грудь, чтобы уйти подъ каменные своды суровой тюрьмы, въ сырую тьму и душный смрадъ ея молчаливаго каземата.

И еще вдвое ближе, вдвое дороже вамъ становится этотъ теплый югъ, этотъ на-скоро сорванный съ румяныхъ устъ поцѣлуй его очаровательной весны...

Прощай же, прощай до новаго радостнаго свиданія!..

III.

АБХАЗСКОЕ ПОМОРЬЕ И ПИЦУНДА.

I.

Словно вдоль заколдованнаго царства плывемъ...

Гагры едва-едва мерещутся позади. Только въ бинокль различишь все больше и больше скучивающіеся тополи и разрушающіяся стѣны крѣпости; еще нѣсколько минутъ, и выступы горъ заслонятъ совсѣмъ этотъ заброшенный уголокъ... А на смѣну ему—еще красивѣе, еще грандіознѣе выдвигаются новые береговые валы, за которыми стелятся зеленѣющія долины Абхазіи... Кое-гдѣ море вдается въ берегъ открытыми заливами. Горы террасами облегаютъ ихъ—точно колоссальный амфитеатръ для сказочныхъ гигантовъ. Синью ложатся внутрь страны узкія ущелья—тамъ и не разглядишь ничего, только такъ и зоветъ, такъ и манитъ тебя въ ихъ неизвѣданную глушь... Тихо ластится море къ этому безлюдному и пустынному берегу... Безлюдному именно! — десятки верстъ — и едва замѣтное жилье человѣка, а тамъ опять на двадцать верстъ раскинулось молчаливое бездорожье...

Такая чудная панорама отъ Гагръ до устья Ингура тянется, т. е. весь Абхазскій берегъ заняла... Любуемся на нее—и силы нѣтъ оторваться. Жаль въ каюту уйти, хоть мой кунакъ—грузинскій князь давно тащитъ меня внизъ.

— Пайдомъ, пловъ подали!..

— Экая красота у васъ здѣсь!

— Какой красота!.. Петербургъ карасива, Москва хуже карасива, а тутъ, душа мой, одна нивежества!..

Берегъ изрѣдка обрывается въ воду почти отвѣсными стѣнами; когда пароходъ подходитъ ближе, мы отличаемъ подъ этимъ обрывомъ бѣлую песчаную отмель, на которую набѣгаютъ гребни вспѣненныхъ волнъ въ дурную погоду. Кое-гдѣ эта песчаная отмель суживалась такъ, что по ней съ трудомъ проѣзжали всадники. Одного такого намъ удалось видѣть; совсѣмъ прижался бокомъ къ скалѣ, а вода все-таки плещетъ у ногъ его лошади... Должно быть, и самого обдаетъ солеными брызгами. Изрѣдка горы чуть-чуть раздвигаются, чтобы пропустить къ морю бѣшеную рѣченку, которая издали кажется совсѣмъ бѣлой... Взмылилась, видимо, въ вѣчной борьбѣ своей съ перегородившими ее утесами. По берегамъ этихъ рѣченокъ—лѣпятся абхазскія хижины, да и то не вездѣ, такъ какъ на песчаное мѣсто ни одинъ абхазецъ не поставитъ своей сакли, потому что и жилье, и самую почву рѣка смоетъ въ водополье, когда она еще бѣшенѣе несется къ синему морю. Заросъ берегъ орлякомъ—хорошо: смѣло стройся на немъ, потому что орлякъ придаетъ землѣ крѣпость почти каменную. Корней этого папоротника ничѣмъ не истребишь—ни огнемъ, ни туземнымъ плугомъ, хоть запрягай его въ двадцать паръ воловъ. Разумѣется, это имѣетъ свои неудобства. Участокъ, заросшій орляком, для земледѣлія уже вовсе не годится. Тутъ и скоту—скверно. Луговая зелень не пробьется сквозь густыя метелки этого растенія. Орлякъ только еще и годенъ, что на покрышку кровель. Тутъ слой на слоѣ — такъ облежатся, что ихъ никакой ливень не пробьетъ. Устраивая свое жилье подъ защитой орляка, абхазецъ поле и лугъ выбираетъ дальше—гдѣ-нибудь въ горахъ. Берегъ этотъ хорошо изслѣдовалъ г. Радде, который, несмотря на свойственную ему сухость ученаго, восторженно говоритъ о естественныхъ богатствахъ и красотѣ Абхазскаго поморья.

Почти у моря, позади узкаго вала, состоящаго изъ валуновъ, набросанныхъ волнами, непроходимою стѣной стали лѣса, переплетенные тиномъ и тонкими лозами ломоноса. Асклепіи перерастаютъ кусты ежевики или захватываютъ своею мощною порослью боярышникъ и держидерево. Тонкій аспарагусъ вьется по петлямъ сѣтообразныхъ колючекъ, которыя даютъ ему возможность забрасываться до самыхъ высокихъ древесныхъ вершинъ. Аспарагусы, перевиваясь съ этими колючками, задушаютъ плющъ и дикій виноградъ. Только одни гиганты пустыннаго лѣса—дубы и вязы выбиваются, и то съ трудомъ, изъ этой убійственной чащи, но и имъ некуда расправить освободившихся рукъ, нельзя опушить густою листвой свои мощныя вѣтви — съ моря налетаетъ вѣтеръ и треплетъ ихъ зеленый уборъ, безжалостно обрывая его прочь... Зато — отойдите немного въ глубь страны, — и передъ вами раскинутся такія величавыя рощи, о какихъ и понятія не имѣетъ бѣдный воображеніемъ житель далекаго сѣвера. Грецкій орѣшникъ часто колышетъ здѣсь свои верхушки на высотѣ 60 фут. Иногда такой орѣшникъ кажется весь словно нарочно затканнымъ въ черную сѣтку. Дѣло въ томъ, что smilax со всѣхъ сторонъ спуталъ его своими лозами, кто-нибудь подрѣзалъ стволъ этой кавказской ліаны у самаго корня — и ея мертвыя нити почернѣли. Посреди темной зелени лѣса, выѣхавъ изъ сырого ущелья, путникъ наталкивается вдругъ на свѣтло-зеленое пятно кукурузнаго поля. Гдѣ-нибудь вблизи притаилось и жилье абхазца — только его и привычный взглядъ не отыщетъ въ сплошной чащѣ перевившагося войлокомъ кустарника. Тутъ нѣтъ деревень. Жилье отъ жилья разбросано на версты. Одно съ другимъ легко перемѣшать, всѣ эти сакли чрезвычайно однообразны. Стѣны изъ плетня и папоротниковыя крыши — точно къ зулусамъ попалъ! Вездѣ—густой ароматъ и шумъ воды. То благоухаютъ азаліи, осыпая кустарники своими яркими вѣнчиками, то запахъ какого-то неизвѣстнаго цвѣтка пріятно раздражаетъ нервы... То ручей, булькаетъ пере-

ливаясь съ камня на камень, то микроскопическій водо падъ грохочетъ не тише большого, осыпая всю дорогу и, въ томъ числѣ, васъ своими холодными брызгами... Каскады воды — очень часты. Съ карнизовъ горъ они стремглавъ обрываются въ темную зелень лѣса. Водопадъ Адзюрджера падаетъ здѣсь съ высоты шестидесяти саженъ...

— Вотъ охотиться-бы гдѣ! — замѣчаетъ рядомъ старикъ-кавказецъ, служившій здѣсь еще во времена Ермолова.

— А что?

— Да звѣря здѣсь непуганная. Горы чуть повыше— безлюдны совсѣмъ. Человѣка и не пахнетъ, звѣрю—полная права дана; роститься и множиться никто не мѣшаетъ. Кишмя его кишитъ здѣсь!

— Да развѣ охотниковъ нѣтъ?

— Между абхазцами? Лѣнь ихъ одолѣла.

— Лѣнь работать, а охотиться — для воинственнаго народа наслажденіе!

— Ну, тоже! Абхазца на охоту палкой не выгонишь. Разумѣется, въ горы. Что ему нужно? Кислое молоко да кукуруза есть—и слава Богу. Большаго онъ не желаетъ. Развѣ князь мѣстный пирушку устроитъ, ну, тогда вся эта голодная челядь сбѣжится. А чтобъ ружье взять, да благороднымъ образомъ на охоту пойти—куда ему...

— Вы, видимо, не долюбливаете ихъ?

— А за что ихъ любить-то. Вы знаете, что про лѣнь абхазскую разсказываютъ. Куски баранины абхазецъ руками брать лѣнится. Ляжетъ на брюхо, да ртомъ прямо и хватаетъ!.. Бездѣльничать—его дѣло!

— Южный народъ!

— Да вѣдь и карачаевецъ, слава Богу, сосѣдъ—тоже южный, а его отъ работы не оторвешь. Его земля и побѣднѣе абхазской будетъ. Прежде чѣмъ обработать каждый клочекъ земли — карачаевецъ долженъ выбрать съ него прочь массы камню, привезти хорошей земли изъ долинъ, воду провести сверху, чтобы она все поле ему

орошала. У карачаевцевъ зимой холодно,—нужно запасы собрать и для скота, и для себя. А абхазцу—только и дѣло, что ссоры заводить... Что вы думаете, тутъ вотъ зубровъ сколько угодно, а ихъ бить некому!

Старикъ, въ своемъ охотничьемъ увлеченіи, искренно злобствовалъ на малочисленность мѣстныхъ Немвродовъ.

— Вѣдь зубры сѣвернѣе, по долинѣ Иркызъ ютятся да по рѣкѣ Зеленчуку.

— Тамъ особь статья. Тамъ снѣгу по горамъ много—зубру это и надо. Прежде еще абазинцы да абхазцы охотились за этимъ звѣремъ, а теперь совсѣмъ малодушествовали. А знаете ли, какъ онъ, зубръ этотъ, ходитъ здѣсь?

— Какъ?

— Ну, а какъ-бы вы думали?

— Да я ничего не думаю.

— Нѣтъ, постойте!.. Стадами!.. Да-съ, стадами!—оралъ онъ на меня.

— Успокойтесь, я вѣдь вамъ не противорѣчу!

— А плевать мнѣ на ваше противорѣчіе. Стадами-съ. Да по семнадцати штукъ стадо!.. Съ Лабы да съ Урупа сходились бить ихъ... Это охота!.. Подите! Что вы понимаете!

И онъ искренно негодовалъ, точно я не вѣрилъ ему!

Гдѣ есть соляные колодцы, туда охотно идетъ зубръ; мѣстные жители называютъ его «лѣснымъ старикомъ» и не трогаютъ, къ крайнему изумленію моего охотника.

— У нихъ шишки вотъ тутъ нѣтъ,—показывалъ онъ на затылокъ. Будь тутъ шишка—съ утра-бы до вечера на охотѣ пропадалъ.

— И у насъ охотятся...—вступился было абхазскій князь.

— У ва-а-съ?—протянулъ презрительно старикъ.—У васъ одна охота—на форелл!

— Это какъ-же?

— Да-съ... У нихъ это охотой называется! Закинетъ поводъ въ ручей, вытащитъ десятка два форели—и сытъ

— Мы и съ ружьемъ...

— На младенцевъ—на фазана да джейрана ходите—точно... А то еще за медомъ на деревья лазите—тоже по вашему охота?

Абхазская форель дѣйствительно превосходна. Вообще край этотъ богатъ рыбой. Горныя рѣчки изобилуютъ лососками. У берега кефаль, камбала, карпъ. Жарятъ рыбу абхазцы такъ же, какъ и на крайнемъ сѣверѣ лопари, т. е. протыкаютъ лососку тонкой палкой, палку въ землю поставятъ и начнутъ ее повертывать. Рыба приготовляется въ собственномъ соку, при чемъ мясо ея оказывается необыкновенно нѣжно.

Пароходъ нашъ то-и-дѣло перегоняли дельфины.

То по одиночкѣ, то стадами, коровьемъ. То черная круглая голова покажется, то колесомъ перекувырнутся они въ волнахъ. Несмотря на свою классическую лѣнь, абхазцы поняли выгоды дельфиннаго промысла и на своихъ фелукахъ выѣзжаютъ въ море за ними. Ловятъ дельфиновъ въ неводы. Когда въ оцѣпленное пространство попадется штукъ десять, двѣнадцать дельфиновъ, а случается и до сорока, два-три фелука въѣзжаютъ въ середину этой западни и бьютъ добычу баграми, кротятъ, по сѣверному выраженію. Случается набрать столько жиру и шкуръ, что каюки тонутъ подъ ихъ тяжестью. Часто и дельфины отмщаютъ за себя, опрокидывая челны эти ударами хвостовъ, но если добычи не набрано, то абхазцы только хохочутъ. Лодку легко опять перевернуть.

— А гребцы и промышленники развѣ не тонутъ?

— Абхазцы-то?.. Да абхазца нарочно не утопишь, развѣ скрутить ему руки да ноги, да еще камень пуда въ три къ шеѣ привязать, тогда, *можетъ быть*, и утонетъ!

За жиромъ дельфиновъ на абхазскій берегъ съѣзжаются турецкіе и греческіе маклаки, умѣющіе ловко обманывать простоватыхъ абхазцевъ. Часто вся добыча промысла уходитъ за гнилую бумажную матерію и другой недоброкачественный товаръ. Въ настоящее время наглость этихъ пришельцевъ стала еще возмутительнѣе. Они

съѣзжаются сильными партіями на берегъ и занимаются промысломъ, не давая исконному владѣтелю страны—абхазцу даже доступа къ морю. Такимъ образомъ, здѣсь повторяется то же явленіе, что и на крайнемъ сѣверѣ. Норвежцы также безцеремонно поступаютъ на нашемъ Мурманѣ съ лопарями и русскими промышленниками, какъ турки на кавказскомъ поморьѣ съ абхазцами.

— Абхазецъ, видите-ли, и не трусъ, да въ этомъ случаѣ онъ подчиняется высшей культурѣ!

— Турокъ-то—высшая культура?

— А вы какъ думали? Вѣдь не абхазецъ поѣдетъ торговать въ Турцію и повезетъ туда издѣлія своей страны; а турокъ пріѣдетъ сюда за сырьемъ. Вѣдь не абхазецъ дѣлаетъ дрянную бумажную матерію, за которую онъ отдаетъ туркамъ и свою кукурузу, и добычу своего промысла? Опять, не абхазецъ обманываетъ турка, а турокъ абхазца!

— Это тоже преимущества высшей культуры?

— А вы какъ же думали? Развѣ павній обманываетъ американца? Развѣ самоѣдъ обманываетъ русскаго промышленника? Развѣ русскій обманываетъ норвежца?

Небо становилось все яснѣе и яснѣе, горы красивѣе и величавѣе. Покойное море отражало зеленые берега, и самые очерки вершинъ увѣнчивались порою снѣговыми коронами. Точно эти передовые великаны Кавказа стоятъ здѣсь на стражѣ земли своей и хмурятся, молчаливые, надъ покойными бухтами, гдѣ изрѣдка, точно утка, скользитъ каюкъ рыболова или одинокая фелука турецкаго промышленника... Выше, на одной изъ горъ, несмотря на разстояніе, мерещутся какія-то башни... Развалины генуэзской крѣпости, должно быть, или остовъ разрушеннаго храма?.. Некогда и всмотрѣться. Пароходъ бѣжитъ все дальше, и новые горные виды заслоняютъ неуспѣвшую еще приглядѣться картину.

— Совсѣмъ бы рай, да воровства много!

Однимъ изъ самыхъ выгоднѣйшихъ промысловъ для абхазцевъ является воровство.

— Что же это, результатъ бѣдности народной?

— Зачѣмъ бѣдности. Такъ имъ предопредѣлено—ворами быть. Спросите вотъ хоть у тавада нашего!

Обратился къ князю. Тотъ подтверждаетъ вполнѣ.

— Давно это было!—разсказалъ онъ мнѣ.—Такъ давно, что и пороху мы еще не знали и на вершинахъ горъ разнымъ богамъ молились. Говорятъ, что тогда еще мясо сырьемъ ѣли!.. Очень давно!.. Тутъ рѣка Псырта есть, гремучая такая. Пришелъ въ тѣ времена одинъ святой человѣкъ и легъ на берегу отдохнуть. Заснулъ, а деревянные башмаки снялъ съ себя. Шли мимо абхазцы—видятъ это. Что же имъ «свое добро» упускать? Взяли башмаки и сумку у святого человѣка и унесли. Проснулся тотъ—видитъ, ограбили его. Къ нимъ. Вы взяли?—Мы.—Отдайте назадъ!—Зачѣмъ... Ступай, откуда пришелъ.—И прогнали старика. Только уходя, святой оглянулся и сказалъ: «будьте же вы отъ сихъ поръ и во вѣки вѣковъ ворами»... Потому они и воруютъ!—наивно прибавилъ тавадъ.

У абхазцевъ даже святой есть, покровительствующій ворамъ. О немъ разсказываютъ слѣдующее.

«Эйрихъ—аацныхъ (видящій все днемъ и ночью) покровитель грабежей, воровства и разбоевъ. Молятся ему только воры и разбойники и въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ окрестностяхъ села Ацы, между рѣкой Апстой и ручьемъ Дохури. Въ жертву приносятъ четыре коническихъ хлѣбца, надъ которыми читается молитва, испрашивающая благословеніе предпріятію, и дается обѣтъ, въ случаѣ успѣха воровства, что-нибудь еще пожертвовать богу. Хлѣбцы берутся въ дорогу и составляютъ единственный дорожный запасъ ихъ. Благодарственная жертва состоитъ изъ какой-нибудь украденной вещи, а если похищенъ скотъ, то прядь волосъ животнаго. Все это вѣшается на деревьяхъ, вблизи предполагаемаго пребыванія Эйрихъ-аацныха. Посѣвернѣе, за рѣкою Бзыбью, этотъ замѣчательный святой носитъ названіе Бугурхъ-ныхъ. Всѣ абхазцы, отправлявшіеся на воровство къ убыкамъ, шап-

сугамъ и другимъ горцамъ, приносили ему жертву на отвѣсной скалѣ, за Гагринскою крѣпостью...

Пока пароходъ доберется до Пицунды, скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ племени. Сухумская сословно-поземельная коммисія въ 1869 году представила цѣлый рядъ трудовъ, характеризующихъ общественно-политическій бытъ Абхазіи и Самурзакани. Та и другая занимаютъ трехугольникъ, одна сторона котораго идетъ отъ Гагръ до устья Ингура, а другая—гряды горъ отъ Ингурскаго ущелья на сѣверъ. Эта узкая полоса земли была обитаема не повсемѣстно, а клочками. Населеніе сбилось въ котловинахъ и находилось почти въ состояніи анархіи. По всѣмъ границамъ Абхазіи—вѣчно совершались кровавыя битвы и грабежи: то абхазцы вторгались въ землю сванетовъ и джигетовъ, то эти вносили огонь и истребленіе въ Абхазію. Мингрельскіе Дадіаны съ Востока тоже время отъ времени вторгались въ эту узкую береговую полосу. Прилегая съ одной стороны къ горскимъ демократическимъ общинамъ (убыхти, шапсуги, джигеты), съ другой — къ феодальнымъ Картвельскимъ владѣніямъ, Абхазія представляла нѣчто смѣшанное. Владѣтельская власть и іерархія сословій уживались рядомъ съ враждебнымъ феодализму народоправствомъ. Основаніемъ народоправства были союзы. На нихъ дѣлилась вся страна. Каждый союзъ былъ политическою единицею, жилъ своею особою внутреннею жизнью. Въ составъ союза входили всѣ сословія, каждое съ своею опредѣленною ролью. Союзы это нѣчто въ родѣ горныхъ клановъ. Сословія каждаго клана распадались на двѣ главныя группы—ахалапшюю (покровителя) и хипши (покровительствуемые). Абхазскій кланъ—акыта, это соединеніе родовыхъ, фамильныхъ союзовъ съ преобладающимъ значеніемъ одной какой-либо фамиліи. Ахалапшюю, покровительствующее сословіе, образовывало двѣ подгруппы: тавадъ (князья) и амнета. Хипши, или покровительствуемые дѣлились на буржуазію—анхаэ, составлявшую главную силу страны, амацюрасгу — переходный классъ

къ дельмахоре—низшему классу. Были еще рабы, но ихъ всегда считалось очень мало у вольнолюбивыхъ горцевъ. Былъ еще классъ азатовъ, довольно многочисленный. Это нѣчто въ родѣ нашихъ монашествующихъ. Онъ составлялся изъ лицъ, уволенныхъ изъ другихъ сословій «ради спасенія души». Обязанность азатовъ оффиціальная — выучиться турецкому языку и читать извѣстныя молитвы по умершимъ; неоффиціальная—мошенничать, развратничать и эксплоатировать остальныхъ.

Самая сильная изъ фамилій тавадовъ владѣла страной, но владѣла фиктивно. Хотя привиллегированныя сословія считали за честь служить ей, сопровождать тавада въ поѣздкахъ, слѣдовать за владѣтелями во время войны, но внутри у себя, въ общинѣ, въ кланѣ—каждый былъ хозяиномъ. Союзъ клановъ распался бы неминуемо, если бы онъ не поддерживался постоянными набѣгами извнѣ. Исторія Абхазіи — это исторія ея борьбы съ сосѣдями, которые иногда вдоль и поперекъ проходили всю страну. Ахлапшюю никогда не могло захватить въ кланѣ иной власти, кромѣ «покровительства», потому что всѣ фамиліи этого сословія въ каждомъ кланѣ враждовали между собою и не могли дѣйствовать скопомъ противъ остальнаго населенія. Ихъ соперничество ограждало права другихъ клановъ.

Всѣ повинности ахпаэ состояли въ извѣстныхъ приношеніяхъ отъ времени до времени и нѣкоторыхъ услугахъ покровительствующимъ. Иногда они выходили на работу по приглашенію, нѣсколько дней въ году, что жители охотно исполняютъ и въ отношеніи низшихъ классовъ другъ для друга. Прикрѣпленія къ землѣ не существовало вовсе: каждый пользовался правомъ ассаства, т. е. перемѣной мѣста. (Архивъ горскаго управленія). Свобода переходовъ ограничена только съ водвореніемъ русской власти, которая, желая ослабить *воровство* нѣсколькихъ негодяевъ, всѣхъ *честныхъ* людей прикрѣпила къ землѣ. Ассаствомъ объясняется и гостепріимство западнаго Кавказа. Куда ни заходилъ «ассасъ» (перемѣ-

няющій мѣсто, по-русски — бродяга), онъ пользовался всѣми правами постоянныхъ жителей села, гдѣ гостилъ. Хозяйства были такъ незначительны, что бросить ихъ не задумывались, и ассаство было общераспространено, даже ахшаала-рабы могли въ извѣстной формѣ ассаствовать, именно отдавались подъ покровительство другихъ владѣльцевъ и перемѣняли мѣстожительство.

Главная обязанность всѣхъ членовъ союза состояла въ военной повинности. Произвола не было ни въ чемъ. Остальныя повинности каждаго класса строго опредѣлены, и ни ахлапшую ихъ увеличить, ни низшее сословіе уменьшить не могли. Не нравится—становись ассасомъ, уходи, куда приглянется, а сидя на извѣстномъ мѣстѣ, подчиняйся его условіямъ. Короче, по пословицѣ,—«вольному воля, спасенному рай». И земельныя права одинаковы для всѣхъ сословій. За исключеніемъ извѣстнаго участка частныхъ владѣній, вся остальная земля—въ общинномъ пользованіи. Лѣсъ, пастбище — общинные. Кто разчиститъ лѣсъ—тотъ разчищенный участокъ пріобрѣтаетъ въ частную собственность. Вообще приложеніе къ землѣ труда даетъ право собственности на нее. Земля, разчищенная однимъ, но засаженная другимъ, принадлежитъ послѣднему.

Общины часто враждовали между собою. Кровомщеніе было обычнымъ явленіемъ. Мстители вторгались въ другія селенія, сжигали все, убивали мужчинъ и угоняли скотъ. До послѣдняго времени совершались подобныя звѣрства. Еще недавно Чипіакъ-Ате-Ипа-Маршани убивалъ въ такихъ случаяхъ дѣтей, вырѣзывалъ груди у женщинъ. Плѣнники во множествѣ сбывались туркамъ, особенно дѣвушки и мальчики.

Въ одномъ пунктѣ мы пристали здѣсь къ берегу. Громадный валъ изъ намытыхъ волнами камней, за нимъ—песчаная проложина и чаща южнаго лѣса, пропитывающая ароматомъ знойный воздухъ. Рѣка прорывается сквозь сѣрыя скалы. Горы тутъ же—онѣ не отступаютъ отъ берега, не бѣгутъ отъ моря, а напротивъ мощно ихъ

давятъ. Вотъ тяжело и медленно пролетѣлъ мимо фазанъ, блеснувъ своими яркими перьями. Съ смѣшною неуклюжестью забирается онъ все дальше и дальше въ чащу сассапарели, откуда намъ навстрѣчу несутся задорные крики дроздовъ... Тамъ, гдѣ было побольше зелени, гдѣ ущелье нѣсколько расширялось, а рѣченка, бившаяся у берега, затихала, спокойно разливались на просторѣ веселыя пѣсни хохлатыхъ жаворонковъ, точно тысячи гармоническихъ колокольчиковъ звенѣли отовсюду — и изъ чащи луговой травы внизу, и въ синевѣ безоблачнаго неба... А дальше опять грохотъ рѣки, пробивающейся сквозь узкую щель, утесы съ черными силуэтами орловъ на ихъ вершинахъ да раздражающій нервы ароматъ цвѣтовъ...

II.

Пицунда.

У берега стояло нѣсколько заранѣе приготовленныхъ лошадей.

Сѣли—и въ ущелье.

Съ полчаса—все глушь да дичь... Но вотъ показались изгороди, опушенныя розовыми лепестками нарциссоцвѣтныхъ анемонъ, славшихъ намъ навстрѣчу свой благоуханный привѣтъ. Вотъ какой-то садъ чуть-чуть намѣтился вдали. Только и различаемъ ближе къ намъ стриженное «шапкой» дерево, увѣшанное гирляндами винограда. На одну минуту дохнули на насъ прелестныя скабіозы, крупные голубые цвѣты которыхъ разстилались тутъ же. Весь лужокъ передъ саклей былъ усѣянъ ими. Какой-то мальчепко, съ глазами больше его самого, и вьющимися локонами черныхъ, какъ смоль, волосъ, безжалостно топталъ цвѣты и боролся съ маленькимъ бѣлымъ козломъ, что, повидимому, доставляло безконечное наслажденіе его сестричкѣ, еще меньше, съ глазами еще больше и кудрями еще завидистѣе... Она хлопала микроскопическими ладошками, выкрикивала что-то, видимо,

ободряя нѣсколько струсившаго козленка, и въ восторгѣ обратилась ко мнѣ, воспѣвая, вѣроятно, похвальный спичъ братишкѣ своими пухлыми, точно пчелой ужаленными, губками. Я до того заглядѣлся на эту идилію абхазской долины, что и горы забылъ... Ужъ очень комична была солидная важность козла, который точно дѣло дѣлалъ, подставляя свой упрямый лобъ маленькому шалуну и уморительно потоптывая въ землю копытцами...

Плетневая сакля была тутъ же, но самая жалкая, бѣдная. Звѣроловъ-зырянинъ въ тундрѣ устраивается богаче по отношенію къ домашнему обиходу его жилья; хотя, разумѣется, для того же зырянина, запирающагося на всю долгую зиму въ свою избу, невозможна ни та благоухающая чистота, какую мы встрѣтили въ этой нищенской лачугѣ, ни то изящество обращенія съ гостемъ, которое абхазцы переняли у демократическихъ общинъ адыге. Въ самомъ дѣлѣ, странствуя по Кавказу, я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что неуклюжъ и грязенъ бываетъ только рабъ или сынъ раба, несумѣвшій сбросить съ себя еще этого наслѣдія своихъ отцовъ и дѣдовъ. Человѣкъ свободный — не бываетъ неповоротливъ, грубъ. Возьмите вы любого крестьянина, — грузина, абхазца, горца—какъ онъ красивъ, ловокъ; какъ онъ сумѣетъ всюду и при всякой обстановкѣ отстоять свое достоинство, не растеряться, не ударить въ грязь лицомъ... И въ этой бѣдной семьѣ абхазскаго поморья мы встрѣтили такой изящный пріемъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ горнаго Кавказа... Обитатель этого шалаша нисколько не стыдился своей бѣдности, и владѣтельный принцъ едва ли могъ бы принять насъ съ такимъ же достоинствомъ и радушіемъ, какъ этотъ полудикарь.

— Мы живемъ бѣдно... Не стоитъ. Тепло!..

И дѣйствительно, плетеныя стѣны, свободно пропускающія благоуханный воздухъ, — гораздо лучше каменной темничной кладки, возведенной точно для того, чтобъ внутри ея копились смрадъ и духота отъ безчислен-

ныхъ, плодящихся тамъ, поколѣній... Гораздо лучше въ Абхазіи—жилища мертвыхъ. Они тщательно огорожены, лучше отстроены, ихъ окружаютъ старательно поддерживаемыми цвѣтами. Могила здѣсь не предметъ суевѣрнаго страха, а, напротивъ, родъ храма, святыня, къ которой весь околотокъ относится съ глубокимъ религіознымъ благоговѣніемъ...

Шалашъ, куда вошли мы, былъ только началомъ абхазскаго поселка или, лучше, починка. За полверсты—стояла другая лачуга, отъ нея сажень за полтораста третья. Четвертая въ сторону забилась, пятая на верхушку холма забралась и закуталась тамъ отъ постороняго взгляда въ зеленое облако дубовой рощи... Всего—хижинъ двадцать, а разбросались верстъ на восемь. Абхазецъ выбираетъ жилье по душѣ, мало думая о необходимости скучиваться. Въ центрѣ починка—оголоданныя временемъ развалины большой круглой башни. Очевидно, основаніе ея было нѣсколько больше верхушки. Узкія бойницы начинаются сажень за пять отъ земли. Здѣсь вся эта абхазская деревушка спасалась, когда ей грозило нашествіе джигетовъ съ сѣвера или свапетовъ съ запада. Разбойничьимъ шайкамъ этимъ оставалось одно только удовольствіе — сжечь всѣ хижины, истребить сады, угнать скотъ, который еще не успѣли спрятать хозяева, и поджигитовать и помолодечествовать передъ башней... въ почтительномъ разстояніи отъ ея бойницъ, откуда сыпались на грабителей мелкія пульки или, ранѣе — острыя стрѣлы защитниковъ. Про башню починка, гдѣ были мы, разсказывали даже легенду изъ этого смутнаго времени. Давно дѣло было. Напали какъ-то джигеты, сожгли все, истребили сады. Народъ думалъ, что уйдутъ враги—нѣтъ, стоятъ кругомъ башни, измором донять хотѣли! Кровь, видите ли, на этомъ селѣ была. Обитатели его, въ свою очередь, лѣтъ десять назадъ напали на джигетовъ и перебили ихъ не мало... Надоѣло абхазцамъ въ башнѣ отсиживаться. Собрались молодцы, кто посмѣлѣе былъ, и темною ночью ударили

на джигетовъ. Много враговъ убито было, но и отважная дружина легла до послѣдняго. Остались въ башнѣ старики, женщины и дѣти. Что было дѣлать. Еще недѣлю сидѣли — весь хлѣбъ съѣли, всю воду выпили—а дождя нѣтъ, какъ нѣтъ... Голодъ начался... Еще два дня прошло—до отчаянія осада эта довела населеніе башни... На третій день, зная, что у врага пощады не будетъ, матери рѣшили съ самой верхушки башни побросать дѣтей, а потомъ и самимъ — внизъ головой, хотя бы на подставленныя копья и шашки... Только что вышли наверхъ—грянулъ громъ, и видимо-невидимо ангеловъ стало вокругъ башни. Бросятъ ребенка, а ангелы его на лету подхватываютъ и невредимо черезъ станъ враговъ переносятъ за лѣсъ, въ темное ущелье. Обрадовались взрослые, всѣхъ дѣтей побросали такъ — и сами вслѣдъ за ними. Ангелы и ихъ подхватывали на раскрытыя крылья... Въ ущельи — дѣти окружали какую-то женщину чудной красоты, которая ихъ кормила тамъ молокомъ, хлѣбомъ и виномъ поила... Только что показались взрослые — женщина и исчезла, точно облакомъ, окруженная ангелами... Это сама Маріамъ-богородица была, и благодарные абхазцы воздвигли ей храмъ, величаво и одиноко стоящій теперь въ развалинахъ, среди со всѣхъ сторонъ заполонившей его чащи... Въ одномъ храмѣ по вечерамъ рыдаетъ филинъ-пугачъ, воетъ тоскливая чекалка, и только разъ въ году, въ ночь на Рождество Христово—чудное сіяніе наполняетъ его, подъ сводами раздается громкое пѣніе невидимыхъ духовъ, и пламя тысячи кадилъ колеблется въ воздухѣ. Только и видны кадила да огоньки несмѣтныхъ свѣчей... Кто кадитъ, кто держитъ свѣчи—различить нельзя... Что-то смутное, точно бѣлый туманъ, волнуется въ этомъ чудномъ сіяніи... Это сама Маріамъ приходитъ служить въ свой забытый и заброшенный храмъ.

— Ты самъ видѣлъ?—спрашиваю я у разсказчика.

— Развѣ у меня три головы?..

— Откуда же ты знаешь?

— Старухи говорили... Братъ ѣхалъ за двѣ горы отъ этой церкви—и то слыхалъ пѣніе...

— Что же онъ не подошелъ ближе?

— Развѣ можно! Да у насъ не мало такихъ мѣстъ. Вотъ въ башнѣ часто дитя плачетъ по ночамъ, поди-ка послушай.

— Какое дитя?

Да, видите, дѣло такое было... Мать одна бросила ребенка и мужа и ушла къ любовнику далеко-далеко, въ турецкую страну... Никого въ селѣ не было, мужъ догонять кинулся ее—но турки его убили. Одинъ ребенокъ въ башнѣ остался и съ голоду умеръ. Съ тѣхъ поръ онъ по ночамъ и плачетъ: ѣсть проситъ... А мать осуждена на другую муку... Она по ночамъ выходитъ изъ своей далекой могилы, у ися хлѣбъ въ рукахъ, хочетъ накормить ребенка — ходитъ кругомъ башни, да дверь ей остается невидима... Ну и стонетъ она, и бьется о стѣны, такъ что утромъ на нихъ кровь видна бываетъ...

Абхазцы ужасно шумны и болтливы.

Еще не успѣли мы оглянуться, какъ сакля наполнилась народомъ. Всякій наперерывъ лѣзъ съ вопросами, разсказывали нѣсколько человѣкъ разомъ, съ жестикуляціей, съ огонькомъ, поспѣшно, точно слушатель собирался сію минуту убѣжать отъ нихъ...

Пока вся эта орава такъ отчаянно ораторствуетъ, набросаемъ по матеріаламъ кавказскаго городского управленія весьма немногосложную исторію этого племени за послѣднія сто лѣтъ.

Когда одновременно съ паденіемъ Византіи рушилось и Грузинское царство, раздѣлившееся на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній, турки распространили свое вліяніе на восточный черноморскій берегъ. Генуэзцы еще вели борьбу съ ними, но когда пала Кафа, османы сдѣлали Абхазію своимъ вассальнымъ владѣніемъ. Турки, впрочемъ, не вмѣшивались во внутреннюю безурядицу страны, а только содержали въ ней пашу съ небольшимъ гарнизономъ, получали дань, вывозили отсюда невольниковъ и

дѣятельно распространяли исламъ. Только въ нѣкоторые моменты Турція принимала болѣе сильное участіе въ дѣлахъ страны. Такъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда страна возстала противъ владѣльческой фамиліи тавадовъ, Манучара Шервашидзе и двухъ его братьевъ Ширвана и Зораба, Турція приняла сторону народа и выгнала тавадовъ. Только нѣсколько лѣтъ спустя, Зорабъ вернулся и сталъ править Абхазіей, какъ вассалъ блистательной Порты. Мирное согласіе съ послѣдней продолжалось недолго. Въ 1771 году Зорабъ выгналъ турокъ изъ гнѣзда ихъ на абхазскомъ берегу—Сухума, но, въ свою очередь, былъ захваченъ ими и взятъ въ Турцію. Во время пребыванія его въ этой странѣ, въ его отчизнѣ усилилась фамилія тавадовъ Дзяпшъ-ипа. Въ отсутствіе Зораба Абхазіей правилъ его племянникъ Келишъ-бей. Вернувшись, Зорабъ сблизился съ Дзяпшъ-ипа, женилъ племянника на одной изъ дѣвушекъ этой фамиліи, но Келишъ-бей вскорѣ выгналъ жену вонъ и даже сталъ съ ненавистью относиться къ своему сыну отъ нея Асланъ-бею, желая передать владѣльческія права Сеферъ-бею, другому своему сыну, рожденному отъ матери изъ сословія Анхаи... Дзяпшъ-ипа составили заговоръ, въ немъ принялъ участіе Асланъ-бей. Келишъ-бей, узнавъ обо всемъ во время, убилъ главныхъ представителей враждебной ему фамиліи, остальные ея члены бѣжали въ горную область Цебельду. Асланъ-бей остался въ живыхъ и въ 1808 году убилъ отца своего Келишъ-бея, занялъ Сухумъ и объявилъ себя владѣтелемъ Абхазіи. Сеферъ-бей, наслѣдникъ Келиша, бѣжалъ въ Мингрелію къ Дадіанамъ, принялъ тамъ подданство Россіи, которая въ 1810 г. заняла Сухумъ, изгнала отцеубійцу Аслана и предоставила владѣльческія права Сеферъ-бею, принявшему христіанство. Одиннадцать лѣтъ продолжалось спокойствіе, но послѣ смерти Сеферъ-бея, Асланъ-бей, въ союзѣ съ братомъ Гассаномъ, возмутилъ абхазцевъ противъ владѣтеля Димитрія (Омеръ-бея), былъ вновь разбитъ русскими, при чемъ Гассанъ схваченъ и безъ церемоніи, несмотря на его царственное происхожденіе, со-

сланъ въ Сибирь, въ каторжную работу. Въ 1830 г. русскіе возводятъ здѣсь укрѣпленія Бомборы, Пицунду и Гагры, а въ 1864 г., сообразивъ, что владѣльческая власть страны, отдавшейся подъ русское покровительство, можетъ быть удобно замѣнена кѣмъ-либо изъ кавказскихъ майоровъ или полковниковъ, упразднили ее совсѣмъ, посадили въ Сухумъ-Кале володѣти и правити нѣкоего г. Кравченко, обративъ великое царство Абхазское (здѣсь въ Пицундѣ была когда-то столица всей Грузіи) просто и не въ губернію, а въ отдѣлъ. Насажденіе прелестей гражданскаго благоустройства началось немедленно. Къ абхазцамъ стали водворять поселенцевъ, не спрашивая согласія исконныхъ обладателей страны; участки, весьма значительные и весьма невредные для самихъ абхазцевъ, розданы для поощренія россійскимъ генераламъ, кои, по пословицѣ, какъ собаки, лежа на сѣнѣ, и сами его не ѣдятъ, и другимъ не даютъ. Наконецъ, и по отношенію къ населенію, военная власть разъ доказала, насколько цивилизація выше дикости. Право свободнаго перехода съ одного мѣста на другое—ассаство—было ограничено, потомъ и вовсе отнято, да и другіе народные обычаи встрѣтили точно такое же «покровительство». Также изъ другого самостоятельнаго государства Самурзакани, составлявшаго часть Абхазіи, мы, по простотѣ души, въ 1850 г. сдѣлали приставство... И просто, и скоро, и, главное, выгодно. Насколько же управленіе нашихъ приставовъ и полковниковъ лучше для народа, чѣмъ управленіе Келишъ, Сафаръ, Гассанъ и другихъ беевъ—объ этомъ скажемъ впослѣдствіи...

Нѣсколько поогляднвшись, я замѣтилъ, что хижина абхазская, куда мы пристали, состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ такимъ же плетнемъ. Отдѣленіе прекраснаго пола здѣсь не такъ педантично наблюдается, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ. Красивая абхазка сидѣла въ углу, вмѣстѣ съ сестрой, которая только лицо свое завѣсила, да и то такъ, не по необходимости, не потому, чтобъ это было въ обычаѣ, а чтобъ показать, что и мы де прличія знаемъ. Изъ-за перегородки мы-

чала корова, даже пахло навозомъ. Въ другихъ лачужкахъ скотъ помѣщается отдѣльно. Въ половинѣ, гдѣ были мы—низенькія лавки, мангалъ съ горячими угольями на срединѣ. На скамьяхъ—постели, въ углу сундукъ—внизу большой, выше средній, потомъ поменьше и, наконецъ, маленькій ящичекъ. Пирамидой все это.

— Зажиточные хозяева, должно быть!

— Это вы почему заключаете?

— Ишь сундуковъ у нихъ сколько.

— Да, много—только внутри пусто.

— Какъ?

— Да такъ — пусто! Можетъ быть, на всѣ то пара тряпокъ приходится. Это они изъ тщеславія наставили. У другихъ еще до самой кровли сундуки. Подумаешь, Ротшильдъ, а у этого Ротшильда абаза за душой нѣтъ...

Окошечки такія, что едва-едва кулакъ просунешь. Да и не надо: свѣтъ сквозь стѣны сакли отлично проходитъ, и воздуху полный доступъ. Часто хижинки строются совершенно круглыя—тогда это точь-въ-точь краали африканскихъ негровъ. Развѣ внутри, по богатой оправѣ оружія, развѣшаннаго по стѣнамъ, да по тому, что моды временъ Адама и Евы до грѣхопаденія здѣсь неизвѣстны, только и можно заключить о сравнительно высшей культурѣ.

Какія микроскопическія коровы здѣсь! Я даже засмѣялся, увидѣвъ одну тощую у хозяина. Нашъ годовой теленокъ, пожалуй, больше будетъ. Кормиться ихъ прямо въ лѣсъ выгоняютъ. Надзоръ очень плохой. Абхазецъ, я самъ убѣдился въ этомъ, очень лѣнивъ. Посмотрите, какъ неохотно ковыряетъ онъ деревяннымъ крюкомъ землю, чтобы бросить туда нѣсколько сѣмянъ и сейчасъ же забыть о нихъ до слѣдующаго раза, когда нужно снимать гоми или кукурузу. Зато, какъ и всѣ лѣнивые народы, абхазцы богаты воображеніемъ. Нигдѣ такъ прочно не живетъ преданіе старины, такъ поэтично не разсказываются былины. Міръ сказокъ здѣсь — почти міръ дѣйствительности. Никто не сомнѣвается въ ихъ непреложной реальности. Абхазецъ до сихъ поръ и магометанинъ, и христіанинъ, и язычникъ.

Рядомъ съ вѣрой въ Магомета, онъ благоговѣетъ передъ крестомъ и остается вѣренъ культу своихъ языческихъ боговъ.

До чего лѣнивъ абхазецъ, видно изъ положенія мѣстнаго виноделія. Оно, благодаря близости страны къ морю, могло бы если не обогатить страну, то все же дать нѣкоторый заработокъ ея населенію. Теперь же не даетъ ничего. Обработка винограда самая небрежная. Вотъ какъ описываетъ ее г. Владыкинъ: абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на деревья, и въ такомъ видѣ онѣ достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ ухода за виноградомъ, который все-таки выходитъ хорошаго качества. Для приготовленія вина выкапываютъ въ землѣ яму, обмазываютъ ее глиной и, разложивъ на днѣ огонь, обжигаютъ... Сюда сваливаютъ кучею виноградъ, топчутъ его ногами и оставляютъ сокъ въ ямѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не перебродитъ. Потомъ вино вычерпывается и разливается по глинянымъ кувшинамъ, которые и зарываются въ землю. Персики и другіе плоды собираются возами. Абхазецъ не знаетъ хорошо счета деньгамъ и мѣняетъ свою кукурузу туркамъ на разную гниль и рвань.

Съ тѣхъ поръ, какъ св. апостолъ приказалъ абхазцамъ быть ворами, они неуклонно слѣдуютъ этой заповѣди. Воровство здѣсь не гнусный порокъ, а лихая потѣха. Какъ только мальчикъ сталъ юношей, мать опоясываетъ его саблей и, заливаясь слезами, благословляетъ:

— Помоги тебѣ Богъ добыть этой шашкой много добычи и тайно, и явно, и днемъ, и ночью...

— Что это за женихъ!—оскорбляется абхазская невѣста.—Онъ еще ни одной лошади не укралъ!

— Это не человѣкъ! — разсуждаютъ старики. — Это такъ, бабьи шальвары, до сихъ поръ два года носитъ шашку, а въ воровствѣ не замѣшанъ...

— Были времена!—жалуются абхазцы.—Теперь что, теперь урусъ пришелъ, свои порядки вводитъ, изъ горныхъ орловъ хочетъ смирныхъ курицъ сдѣлать! Прежде, бывало, по всему берегу бродимъ съ мѣста на мѣсто. Вы-

сматриваемъ, что гдѣ украсть можно. Скотъ уводимъ, дѣвушекъ, мальчиковъ крадемъ — потомъ туркамъ ихъ сбываемъ... А теперь что?.. Совсѣмъ не житье стало!

Если абхазца запрутъ въ тюрьму за кражу, онъ по освобожденіи наивно говоритъ, что былъ въ плѣну.

Удивительно красиво умѣютъ абхазцы повязывать себѣ голову башлыкомъ, служащимъ имъ вмѣсто шапки. Въ этомъ ихъ отличіе отъ черкесскаго костюма. Все остальное заняли они у племени адыге. Замѣчательно красивъ и строенъ кажется этотъ полудикарь, когда онъ стоитъ передъ вами подбоченясь и опершись однимъ плечемъ на ружьё. Стройный станъ, смѣлое лицо, развязность, даже нѣкоторый аристократизмъ пріемовъ дѣлаютъ его хорошимъ сюжетомъ для картины. Нужно прибавить къ этому, что надъ созданіемъ этого типа, кажется, потрудились всѣ племена земныя. Здѣсь были и колоніи Римской имперіи, центромъ которыхъ считалась Пицунда. Въ средніе вѣка генуэзцы осѣли здѣсь въ разныхъ пунктахъ, настроили замковъ и храмовъ по горамъ во множествѣ и главнымъ образомъ сосредоточили свою торговлю и военныя силы въ той же Пицундѣ. Старинное генуэзское оружіе и до сихъ поръ переходитъ у абхазцевъ изъ рода въ родъ. Потомъ нахлынули сюда турки, и, наконецъ, русскіе наложили на это поморье свою руку. Вся эта ассимиляція въ концѣ концовъ сдѣлала изъ горнаго племени восточнаго берега Чернаго моря какую-то космополитическую общину. Абхазецъ даже къ религіи своей равнодушенъ. Онъ столько же язычникъ, сколько христіанинъ, сколько мусульманинъ. Одинаково неусердно готовъ молиться въ каждомъ храмѣ и всякому богу. Часто случается здѣсь, что отецъ семейства мусульманинъ, жена его христіанка, и дѣти тоже принадлежатъ къ обоимъ этимъ исповѣданіямъ. Ссоръ изъ-за религіи здѣсь и слыхомъ не слыхать...

По-своему абхазецъ очень счастливъ. Страна его прекрасна—снѣжныя горы висятъ надъ чудными долинами, гдѣ остатки генуэзскихъ садовъ — апельсинныя рощи, льютъ по вѣтру свое благоуханіе. Каждую незначитель-

ную тропинку обступаютъ тѣнистые чинары... Еще недавно по всему этому поморью красовались пальмовыя рощи, цѣлыя улицы въ Сухумѣ были покрыты чащами розъ, но невѣжественная рука солдата и привыкшіе къ казарменной правильности русскіе администраторы изъ военныхъ уничтожали безжалостно эту красоту, и только группы персиковыхъ деревьевъ, перевитыя виноградными лозами, еще намекаетъ на чудноприкрасное прошлое*)... Близъ Пицунды въ сороковыхъ годахъ были превосходныя апельсинныя рощи, древнія, какъ и эти храмы, что въ величавыхъ развалинахъ своихъ молчаливо стоятъ на вершинахъ горъ, но и отъ рощъ этихъ остались только одни пни... Зачѣмъ и кому нужна была смерть этихъ прекрасныхъ деревьевъ?..

Мы долго не могли оставаться въ одинокой лачугѣ абхазскаго починка. Пароходъ далъ свистокъ, нужно было торопиться. А тамъ, съ палубы, опять этотъ рядъ вѣющихъ дикимъ величіемъ горъ, опять эти сизыя ущелья, залегающія между ними въ поэтическую глушь страны, за передними горами видны нѣсколько туманныя вершины другихъ, а на третьемъ планѣ едва-едва показываются или, лучше, слегка отдѣляются изъ голубой дымки смутныя очертанія самыхъ дальнихъ гигантовъ...

Быстро оставляемъ мы за собою всю эту красоту, и жаль оторваться отъ нея, сердце болитъ о томъ, что нѣтъ возможности самому исходить каждый уголокъ этой дивной Абхазіи.

И чѣмъ дальше, тѣмъ она лучше и краше...

Горы отступаютъ все дальше и дальше отъ берега... Передъ ними уже, словно зеленыя облака, круглятся и разстилаются рощи и лѣса... Пологій мысъ врывается впередъ, уходя далеко въ море... Зеленыя облака на немъ еще болѣе скучиваются... Растительность какъ-бы хочетъ здѣсь развернуть всю свою невиданную роскошь. Точно

---

*) Увы, невѣжественные турки теперь уничтожили по береговой полосѣ и то немногое, что оставалось отъ старыхъ генуэзскихъ садовъ.

волшебный садъ какой-то... Солнце обливаетъ золотымъ блескомъ этотъ передній планъ картины, оставляя во тьмѣ горы, составляющія фонъ ея... Даже море кажется какимъ-то изумрудным, отражая въ покойномъ зеркалѣ своемъ изумрудную зелень... Между деревьями мелькаетъ что-то круглое, какое-то красное строеніе съ конической крышей...

— Пицунда!..

Древняя столица Грузіи и Абхазіи, еще болѣе древняя колонія генуэзцевъ и римское поселеніе въ незапамятную глушь... Храмъ VI вѣка, возведенный въ царствованіе Юстиніана, до сихъ поръ стоитъ на томъ же мѣстѣ...

Еще нѣсколько вѣковъ назадъ всѣ окрестныя горы стояли покрытыя генуэзскими замками. На мысѣ Пицунды бѣлѣли мраморныя колонады, и стѣны грозной крѣпости глядѣли отсюда въ морскую даль, что такъ маняще зыблется кругомъ. За 10 верстъ путешественники слышали уже благоуханіе садовъ—ароматомъ розъ, миндаля и апельсина привѣтствовалъ ихъ поэтическій уголокъ .. А теперь!..

Казарменной известкой выкрашенъ этотъ храмъ. Точно казенная будка, реставрированъ онъ невѣжественными потомками. Маститое дерево, выросшее на его кровлѣ, срублено глупыми монахами!..

Sic transit gloria mundi.

III.

— Эко народъ какой!..—недоумѣваетъ синяя чуйка, приглядываясь къ шумной толпѣ съ ногъ до головы вооруженныхъ абхазцевъ, привалившихъ на пароходъ.

— А что?

— Точно на войну собрались .. Съ ними боязно... Пырнетъ.

— Народъ хорошій, даромъ не обидитъ.

— Здѣсь точно не обидитъ... А поди-ко-ся ты къ

нему на берегъ—онъ тебя и распотрошитъ. Нѣтъ, видно, тѣмъ же трактомъ да назадъ...

— А вы откуда?

— Мы московскіе мѣщане.

— Что же вы сюда?

— Мѣстовъ искать... Прослышали, что на Кавкази для вольнаго поселенія такія мѣста чудесныя есть... Ну, продали лавочку свою, домикъ живымъ манеромъ по боку—и сюда.

— Да вы, какъ же это, справлялись сначала, каково здѣсь?

— Нѣтъ, зачѣмъ канитель эту тянуть... Говорятъ, здѣсь мѣста такія есть... Мы и поѣхали съ братцемъ.

— Какія же мѣста?

— А способныя...

— Именно?..

— Для вольнаго поселенія мѣста... Всякіе сады и отъ казны большое поощреніе

— Да, позвольте, вѣдь, чтобы бросить все хозяйство, нужно же знать, зачѣмъ и куда ѣдешь.

— Это точно... Мы и знаемъ: земля даромъ, отъ начальства всякое удовольствіе, потому какъ дикихъ черкесовъ довольно хорошо мы истребили — мѣста и пустуютъ... Опять же это вино здѣсь, сколько хошь производи и торгуй... Ну, такъ мы и двинулись — на черкесское положеніе.

— Что же вы дѣлать-то здѣсь будете?

— Помилуйте, — даже обидился московскій мѣщанинъ...—Здѣсь говорятъ, такія мѣста есть—копнулъ ты сапогомъ—анъ тебѣ фрухта и выросла...

А еще говорятъ, что русскій человѣкъ къ мѣсту приросъ. Помилуйте, зажиточные торговцы бросаютъ дома, торговлишку, какая завелась, и ѣдутъ, Богъ знаетъ, куда — мѣстовъ искать, «на черкесское положеніе». На нашемъ пароходѣ, по-крайней мѣрѣ, семей съ десять такихъ было. Начали допрашиваться «куда ѣдете, зачѣмъ»—ничего не добьешься, видимо — они сами этого

не знаютъ. Одинъ отставной гвардейскій солдатикъ — швейцаромъ въ Питерѣ былъ, получалъ въ годъ триста рублей на всемъ готовомъ — и бросилъ, семью за собой на Кавказъ потащилъ.

— Зачѣмъ?

— Тутъ русскіе на офицерскомъ положеніи, потому что это...—взмахнулъ онъ на абхазцевъ,—орда! необразованная Азія!

Еще крестьяне бѣгутъ — дѣло понятное. Дома жутко; послѣдняя коровенка продана за недоимку, съ семьи сходитъ податей больше, чѣмъ она въ круглый годъ неустаннаго труда заработать можетъ. Хорошо еще, если всѣ сборы до 80% съ дохода оказываются, себѣ хоть 20% останется, а то тутъ же на пароходѣ былъ воронежскій мужикъ, бѣжавшій изъ благословенной Украйны, потому что съ него всякихъ поборовъ сходило на 15 рублей болѣе того, что онъ пріобрѣталъ за годъ.

— Ошалѣешь!..—объяснилъ онъ мнѣ.

— И давно это такъ?

— Да годовъ десять все растетъ подать. По горло мы въ нее ушли. Точно въ петлѣ, въ недоимкѣ этой бьемся.

Этакіе-то счастливые пейзане, пожалуй, и въ степь Сахару уйдутъ изъ своего благословеннаго отечества. Тутъ ужъ настоящее горе, а не бродяжническая жилка. Переселеніе такого плательщика понятно вполнѣ. А зачѣмъ питерскій швейцаръ бросилъ свое насиженное гнѣздо, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не одно же «офицерское положеніе» смутило его, значитъ, есть такой нервъ, что толкаетъ московскаго мѣщанина искать всевозможныхъ авантюровъ, добиваться мѣстовъ, о которыхъ онъ только и слышалъ, что «копнулъ ты землю сапогомъ — сейчасъ тебѣ фрухта и выросла!»

Еще нѣсколько ударовъ винта, и Пицунда вся ушла въ зеленыя облака низменнаго мыса — и опять нависли надъ нимъ величавыя горы съ синевою едва замѣтныхъ ущелій, съ серебряными коронами вѣчныхъ льдовъ на

своихъ недоступныхъ вершинахъ. Тутъ очень кстати будетъ сказать нѣсколько словъ какъ объ этомъ древнемъ храмѣ абхазскаго поморья, такъ и вообще о вѣрованіяхъ оригинальнаго племени, гнѣздами осѣвшаго въ плодоносныхъ долинахъ и зеленыхъ ущельяхъ этой излюбленной небомъ страны.

Индифферентные теперь ко всякой религіи, полуязычники, полумагометане, абхазцы въ древности были ревностными христіанами. Грузинская хроника Вактанга V называетъ св. Сумеона Кананита, который въ 40 году послѣ Р. Х. пришелъ сюда вмѣстѣ съ св. Андреемъ Первозваннымъ. Первый вскорѣ умеръ здѣсь близъ устья р. Псырты, а второй отправился далѣе въ Мингрелію. «У самыхъ воротъ этой рѣки, образуемыхъ двумя почти сошедшимися горами, стоятъ развалины великолѣпнаго храма, который и до сихъ поръ носитъ имя Сумеона Кананита. Онъ былъ совершенно цѣлъ до 1859 года, когда одинъ изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, абхазецъ маіоръ Гассанъ Маргани, выстроилъ себѣ домъ изъ остатковъ этого храма». Разобранъ сводъ его—и теперь этотъ могучій памятникъ старины окончательно разваливается. Нѣкто г. А — въ производилъ раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщался престолъ, и нашелъ серебряную монету Комненовъ съ изображеніемъ св. Алексѣя и Евгенія. Позади храма въ скалѣ была пещера, гдѣ будто бы жилъ Сумеонъ Кананитъ. Всякій, проникавшій сюда, поражался смертью. Потомъ образовалась трещина ниже пола пещеры, въ скалѣ, и газы, убійственные для дыханія, минуя самую келью, нашли себѣ другой выходъ. Вѣроятно, вслѣдъ за постройкой этого храма, христіанство здѣсь подвергалось сильнымъ гоненіямъ и было истреблено, какъ и въ сосѣдней Мингреліи. Только въ половинѣ VI вѣка абхазцы уже рѣшительно пріобщаются къ стаду Христову и принимаютъ къ себѣ пастырей, тотчасъ же занявшихся общипываніемъ сихъ простосердечныхъ агнцевъ. Стригомые прилѣплялись къ храму и съ страстностью южной натуры старались водрузить своихъ па-

стырей и въ языческой средѣ окружавшихъ ихъ народовъ. Эпохи эти плохо изслѣдованы; въ нашемъ очеркѣ мы пользуемся прекрасными монографіями абхазца Званбая и статьей г. А—ва «Религіозныя вѣрованія абхазцевъ», напечатанной въ сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Уже въ VI вѣкѣ Юстиніанъ, хлопотавшій о томъ, чтобы уничтожить привычку абхазцевъ производить кастратовъ, которыми они торговали, воздвигаетъ въ Пицундѣ храмъ. До тѣхъ поръ по всему абхазскому поморью существовало только одно укрѣпленное мѣсто—Себастополисъ, но отъ основанія Пицунды — черезъ нѣсколько вѣковъ — мы уже видимъ въ XI столѣтіи эту береговую полосу, кипящую промышленною жизнью, покрытую цвѣтущими городами, монастырями, укрѣпленными замками. Море кишмя кишитъ торговыми судами, цѣлые флоты идутъ сюда и отсюда изъ Константинополя и назадъ. Правда, Абхазія постоянно мѣняла своихъ властителей: то ею верховодили византійскіе императоры, то грузинскіе цари, то собственные государи, но благосостояніе береговой полосы все росло и росло. Въ Пицундѣ наконецъ устроилась каѳедра главы абхазской церкви—католикоса. Здѣсь же все время находилась и столица этого богатаго края. Попробуемъ сопоставить далекое прошлое и настоящее абхазскаго поморья. Теперь берегъ этотъ пустыненъ. Храмы и замки—въ развалинахъ, охваченныхъ со всѣхъ сторонъ могучею южною порослью; въ руинахъ монастырей гнѣздятся совы да чакалки, отъ садовъ и рощъ генуэзскихъ нѣтъ и слѣда, города изчезли съ лица земли, и даже мѣста ихъ неизвѣстны невѣжественному потомку болѣе культурныхъ поколѣній, неоставившихъ даже могилъ своихъ среди общей мерзости запустѣнія. Море—пустынно: вмѣсто цѣлыхъ флотовъ торговыхъ кораблей — изрѣдка пробираются вдоль горныхъ береговъ турецкія филюги, едва замѣтными точками чернѣютъ абхазскіе каюки, да изрѣдка, въ недѣлю разъ, пропыхтитъ пароходъ. Вмѣсто богатой столицы — Пицундры,—нѣсколько монаховъ и жалкій монастырь; вмѣсто

царей, правившихъ согласно волѣ и указаніямъ свободнаго народа, — военное управленіе въ лицѣ сухумскаго полковника; вмѣсто просвѣщенныхъ и богатыхъ колонистовъ Греціи и Генуи, — безграмотные крестьяне, или питерскіе швейцары, ищущіе офицерскаго положенія. Ущелья, оглашавшіяся говоромъ жизни, умолкли: горы, откуда свѣтили маяки многочисленнымъ пловцамъ, стоятъ пустынныя, и ни одинъ оттуда не укажетъ пути одинокому судну... Докторъ Панглоссъ, чтобы сказалъ ты, посѣтивъ этотъ берегъ? А насколько нынѣшніе инородческіе властители этого края отличаются уваженіемъ къ старинѣ—видно изъ примѣра знаменитаго маіора Гассана Маргани, разобравшаго великолѣпный храмъ для постройки себѣ смрадной лачуги, и не менѣе знаменитыхъ администраторовъ военнаго вѣдомства, вырубившихъ улицы розъ въ Сухумъ-Кале и пальмовыя рощи абхазскаго поморья. Какъ не сопоставить съ этимъ мѣстныхъ простолюдиновъ, несмотря на исламъ, оказывавшихъ такое уваженіе памятникамъ древности своей, что при занятіи нашими войсками Пицунды, уже заброшенной и оставленной, въ 1830 году въ алтарѣ ея было найдено старинное евангеліе и церковная утварь... Всѣ цѣнныя вещи, образа и облаченіе католикосовъ были перевезены отсюда въ Геллатскій монастырь, гдѣ они хранились въ полной неприкосновенности до послѣдняго времени. Недавно случилась извѣстная исторія. Ризница монастыря оказалась обворованной. При этомъ обокрадены были и древнія реликвіи Пицунды.

Мы выше сказали, что пастыри стада Христова въ Абхазіи въ тѣ древніе времена ревностно стригли своихъ агнцевъ. Преданіе разсказываетъ, что промыселъ абхазскихъ язычниковъ—приготовленіе кастратовъ, всецѣло перешелъ къ смиреннымъ инокамъ, которые въ этомъ благочестивомъ занятіи достигли высокаго искусства и чистоты работы; а былины Самурзакани и до сихъ поръ передаютъ въ назиданіе потомству имя столь же смиреннаго и благопотребнаго старца Георгія, добротолюбиваго инока, который, ревнуя, вѣроятно, о пользахъ своей

обители и о благолѣпіи храма, организовалъ въ широкихъ размѣрахъ продажу дѣтей въ Турцію, за что и самъ былъ изгнанъ туда же обозлившимися абхазцами.

Съ паденіемъ Пицунды пало здѣсь и христіанство. Всего оригинальнѣе, что это случилось именно «со времени принятія абхазцами подданства христіанской державы». Только въ селахъ Лыхны (Саукъ-су), гдѣ и теперь красуются развалины древняго храма, да въ Иллори— народъ держался прежней своей вѣры.

Иллорійскій храмъ даже славился собственнымъ своимъ чудомъ. Оно нисколько не уступало крови св. Януарія или слезамъ Богородицы въ Италіи. Храмъ былъ посвященъ св. Георгію, который каждое 10-го ноября чудесно низводилъ въ ограду быка съ позолоченными рогами. Появленіе этого мистическаго посланника восторженно встрѣчалось многочисленными толпами, сходившимися сюда не только изъ Абхазіи, но и изъ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи. Одинъ изъ Дадіановъ, ревнителей храма, закалывалъ этого посланника, иноки тотчасъ-же разрѣзывали его на мельчайшіе куски, которые *продавались* богомольцамъ за высокую цѣну. Мясо быстро высыхало и порчѣ не подвергалось, что служило доказательствомъ святости быка. Чудесное появленіе его прекратилось съ водвореніемъ русскихъ, которые дошли до такой дерзости и непочтенія къ смиреннымъ и братолюбивымъ инокамъ, что пожелали воочію убѣдиться въ дѣйствительности сверхъестественнаго появленія четвероногаго посредника между небомъ и землею.

Мусульманство здѣсь было распространено сначала торгашами, являвшимися изъ Турціи, потомъ зажиточными абхазцами и мѣстными аристократами. Уже впослѣдствіи явились муллы, которые стали фанатизировать народъ противъ русскихъ притѣснителей. Однако древніе христіанскіе обряды всецѣло сохранялись здѣсь. Въ Пасху абхазскіе мусульмане рѣжутъ ягненка и обмѣниваются крашеными яйцами; въ дни, соотвѣтствующіе Троицѣ, устраиваются гулянья въ рощахъ; въ Рождество Христово молятся ночью, поздравляютъ другъ друга и обмѣ-

ниваются подарками. При всѣхъ религіозныхъ обрядахъ абхазцы употребляютъ восковыя свѣчи и куреніе ладаномъ. Церковь—мѣсто неприкосновенное и даруетъ право убѣжища даже преступнику. Магометане въ развалинахъ храмовъ принимаютъ присягу въ справедливости своихъ словъ. «Присяга въ развалинахъ храма на горѣ Дудрюпшъ считается самою священною, и не найдется абхазца-магометанина, который бы тамъ рѣшился ложно свидѣтельствовать». По словамъ г. Владыкина, въ 1866 году, къ пицундскому военному начальнику, Воронову, пришли абхазцы съ просьбою допустить ихъ принять присягу въ монастырѣ по одному своему дѣлу.

— Вы, или ваши соотечественники, недавно украли желѣзо съ крыши этого храма, а теперь хотите присягать въ немъ! И Вороновъ отказалъ имъ въ этомъ, хотя, воруя, абхазцы были совершенно правы, — вѣдь, какъ мы говорили въ первой статьѣ нашей, «Абхазское поморье», самъ св. Симеонъ Кананитъ приказалъ имъ воровать! И уваженіе къ святынѣ не мѣшаетъ имъ, какъ видите, содрать съ нея, при случаѣ, желѣзную кровлю, или разобрать сводъ для постройки своей жалкой лачуги.

Рядомъ съ христіанскими вѣрованіями, абхазскіе магометане сохраняютъ и преданность своимъ языческимъ богамъ. Какая-то яишница выходитъ! Мѣсиво несообразное! Въ помощь Богу абхазская мифологія даетъ множество разныхъ божествъ. Божества эти, такъ сказать, докладчики и секретари. Они передаютъ молитвы верховному существу, къ которому прямо обратиться такъ же немыслимо, какъ немыслимо обратиться съ жалобой прямо въ кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, помимо окружнаго суда и судебной палаты. Богъ-ах и ах-даръ самъ никогда не сходитъ на землю, а посылаетъ своихъ помощниковъ. Изъ нихъ — первая покровительница посѣвовъ Джаджи, ей молятся два раза—весной и въ ноябрѣ послѣ уборки кукурузы. Молятся—каждое семейство отдѣльно. Въ день молитвы ѣдятъ только хлѣбъ и плоды, воздѣланные хозяиномъ. Затѣмъ слѣдуетъ Ай-

таръ—пенатъ домашняго скота и блюститель хозяйства. Ему молятся въ одну изъ субботъ, при чемъ варятъ кашу на молокѣ недавно отелившейся коровы; иногда при этомъ рѣжутъ теленка. Вокругъ котла съ кашей становятся пастухи, и старшій изъ нихъ, съ восковой свѣчей въ рукѣ, произноситъ молитву объ избавленіи стада отъ хищныхъ звѣрей и объ умноженіи приплода, затѣмъ три ложки варева бросаетъ на уголья жаровни—и всѣ приступаютъ къ трапезѣ. Ажвешахъ—нѣчто въ родѣ лѣсничаго. Его дѣло беречь лѣса и дикихъ звѣрей. Это богъ охотниковъ, которые передъ отправленіемъ на промыселъ покупаютъ козла и молитвенно жарятъ бородатаго философа, при чемъ каждый изъ Немвродовъ, кидая въ жаровню кусочки ладана, назначаетъ животное, какое онъ хотѣлъ бы убить. Водамъ покровительствуетъ Дзынъ-ланъ. Ей молятся женщины, или наканунѣ вышедшія замужъ, или только что родившія. Безъ этой молитвы имъ нельзя бы идти за водой, потому что на несчастныхъ нападутъ рѣчныя русалки, наяды, называйте, какъ хотите. Если мужчина случайно подсмотритъ моленіе женщины Дзынъ-ланъ, онъ наказывается одною непріятною и для супружеской жизни крайне неудобною болѣзнью. Старухи—жрицы Дзынъ-ланъ, онѣ же и акушерки. Джикер-салат-ах-ду—направляющій мысли человѣка. Этому салату молятся всего разъ въ годъ и непремѣнно подъ открытымъ небомъ. Каждый заранѣе заботится о приготовленіи жертвы, выбирая между цыплятами курочку и надрѣзывая ей гребешекъ, послѣ чего курочка считается посвященною Джикеръ-салату. Когда она подрастетъ, ее варятъ безъ соли и перцу; къ вареву прибавляютъ четыре маленькихъ четыреугольныхъ хлѣбца, и все это яство складывается въ чашку. Молящійся беретъ жертву и черепокъ съ угольями и выходитъ изъ дому, такъ, чтобы его не видѣлъ никто; бросивъ ладанъ на уголья, онъ произноситъ «Джикер-салат-ах-ду! ты, который управляешь разумомъ человѣческимъ, просвѣти мой умъ свѣтомъ твоимъ, остереги меня отъ всѣхъ необдуманныхъ поступковъ и

научи меня жить со всѣми въ согласіи». Послѣ, бросивъ кусокъ курицы и хлѣба на уголья, онъ возвращается въ домъ. Если молящійся дурного характера, то не только никто изъ постороннихъ, но люди, близкіе ему, не прикоснутся къ жертвѣ, принесенной имъ Джикеръ-салату.

Шесшу — богъ кузнецовъ и слесарей; чествуютъ его наканунѣ новаго года: хозяинъ рѣжетъ барана, а хозяйка по пѣтуху на каждаго члена семейства и приготовляетъ пирогъ изъ пшеничной муки съ свѣжимъ сыромъ. Печенки и сердца жарятся отдѣльно, на палочкѣ изъ орѣховой вѣтки. Когда кушанья принесены въ кузницу, хозяинъ складываетъ свои инструменты на наковальнѣ, вблизи ея ставитъ жаровню съ угольями, и все семейство его располагается на колѣняхъ кругомъ. Снявъ башлыкъ и поясъ (доказательство, что открыты сердце и мысль), кузнецъ зажигаетъ восковую свѣчу, бросаетъ ладанъ въ жаровню и молится, чтобы всѣ желѣзныя орудія послужили ему въ пользу. Потомъ хозяинъ бросаетъ куски мяса въ жаровню, говоря: «До тѣхъ поръ, пока я не буду въ состояніи этими кусочками накормить всѣхъ Шервашидзевыхъ и Анчибадзевыхъ *), пусть никто не болѣетъ въ моемъ семействѣ.

Божество, имя коего было призвано всуе, немедленно наказываетъ провинившагося, каждое своимъ спеціальнымъ способомъ. Афы, распоряжающійся грозою, не можетъ, напримѣръ, наказать чрезъ посредство огнестрѣльнаго и холоднаго оружія находящихся въ вѣдомствѣ Шешу. Вслѣдствіе обычая абхазцевъ, за каждую обиду разсчитываются кинжаломъ или винтовкой, оружіемъ, покровительствуемымъ Шешу, онъ пользуется въ народѣ преимущественнымъ уваженіемъ, и ему большею частью приносится присяга.

«Если я виноватъ, то пусть Шешу разобьетъ мою голову на наковальнѣ», говоритъ присягающій и ударяетъ

*) Анчибадзе — тавады Абхазіи, фамилія весьма многочисленная и, по преданію, управлявшая краемъ до Шервашидзевыхъ.

три раза молоткомъ по наковальнѣ. Вбиваютъ двѣ палки, одну близъ другой, на нихъ вѣшаютъ заряженныя ружья, обращая ихъ дулами въ интервалъ, гдѣ становится присягающій, произнося: «если я сказалъ ложь, то пусть Шесшу пронзитъ мою голову пулями!».

Громъ, молнія, буря — все это въ завѣдываніи бога Афы. Это самый важный департаментъ абхазскаго неба. Когда лѣтомъ стада угоняются въ горы и осенью возвращаются оттуда, пастухи совершаютъ ему торжественное моленіе, выбирая для этого самые живописные уголки лѣсного захолустья, поближе къ ручью или рѣкѣ. При этомъ закалываются бараны. Въ засуху молятся тому же богу, молятся соборнѣ, при чемъ самый ветхій старикъ читаетъ очень поэтическую молитву:

— «О, Афы, повелитель грома, молніи и дождя! Сжалься надъ бѣднымъ твоимъ народомъ. Наши посѣвы засохли, трава выгорѣла, скотъ издыхаетъ безъ корма, намъ самимъ грозитъ голодная смерть. Повели скатиться дождевымъ тучамъ, повели загремѣть грому, засверкать молніи и пошли дождь для спасенія погибающаго народа!»

Затѣмъ поются гимны въ честь Афы: «о ты, который съ молніей съ неба нисходишь и съ громомъ на небо возносишься, которому извѣстно число звѣздъ на небѣ и число песку на днѣ морскомъ» и т. д.

Если молнія убьетъ домашнее животное — сейчасъ же нужно принести жертву Афы, иначе онъ посѣтитъ опять стада. Хозяинъ на мѣстѣ, гдѣ было убито оно, строитъ вышку, торжественно съ пѣніемъ молитвъ возноситъ туда животное и оставляетъ на жертву хищнымъ птицамъ. Афы благодарятъ за посѣщеніе и просятъ его, между прочимъ, чтобъ онъ избавилъ семью впередъ отъ своихъ посѣщеній. Затѣмъ убиваютъ быка. Если человѣка убьетъ молнія — никто не смѣетъ плакать, иначе всѣхъ убьетъ Афы однимъ громовымъ ударомъ. Убитаго кладутъ въ гробъ и ставятъ на вышку.

Еще сильнѣе Афы другой богъ — Аныбсъ-Ныха-Дудрюпшъ. Резиденція его—гора Дудрюпшъ. Поднявшійся туда

ослѣпнетъ. У Аныбса никакой спеціальности нѣтъ, но онъ могущественнѣе всѣхъ другихъ боговъ. Мѣстопребываніе его находится подъ надзоромъ фамиліи Чичба, которые эксплоатируютъ этимъ, продавая право на жертвоприношеніе. Въ Пицундскомъ округѣ часто являются вдохновляемые Аныбсъ-Ныхой женщины-пророчицы. Онѣ разрѣшаютъ споры и тяжбы, повелѣваютъ именемъ Аныбса, пользуясь громаднымъ вліяніемъ на весь околотокъ...

Вечерѣло... Западъ гасъ... Въ розовомъ блескѣ сіяла морская даль. Вершины горъ еще блистали тусклымъ отсвѣтомъ отгоравшаго дня, а снизу, изъ ущелій и долинъ, уже подымались сѣрые туманы, окутывая скаты и утесы... Высокая лѣсистая гора плаваетъ въ цѣломъ морѣ однообразной мглы... Но, спустя нѣсколько минутъ, и она уже тонетъ въ сумеркахъ быстро подступающей ночи... Гаснетъ море... Взглядъ уже ничего не различаетъ — ни берега, ни безконечной дали на западъ. На пароходѣ зажигаютъ огни... Слышится какая-то грустная пѣсня... То замретъ, то снова чуть-чуть затрепещется въ тепломъ мглистомъ воздухѣ...

— Завтра въ Сухумѣ будемъ. Вотъ уголокъ, увидите благословенный.

— А что?

— Да тутъ бы не жалкой деревушкѣ, а чему-нибудь получше стоять.

— Да развѣ Сухумъ-Кале деревушка?

— А еще бы. Мало, что названіе города носитъ, — хуже иного села.

Мы шли очень близко къ берегу. Оттуда пахло какимъ-то тонкимъ ароматомъ...

— Вѣдь, вотъ и хорошій край, а пустыня!

— Некому жить?

— Было бы кому, коли бы сносно жилось... Жили же прежде! Вонъ близъ рѣки Ацы—посмотрите, какія развалины. Есть тамъ генуэзскій замокъ одинъ, до сихъ поръ сохранился, точно живутъ еще въ немъ. Красота, сила, прочность! А теперь что — лачуги жалкія да деревянные

домишки на курьихъ ножкахъ. Вы, вонъ, мертвымъ поморьемъ назвали берегъ до Гагръ, гдѣ прежде убыхи да шапсуги жили. Дѣйствительно мертвое поморье — а это развѣ лучше?..

— Ну, все же... Хоть жилье видно, люди есть...

— Какое жилье! Нѣтъ, посмотрите, въ умѣлыхъ рукахъ что бы это за красота была! Пустите-ка сюда американца, — да онъ милліоны на этомъ берегу соберетъ, желѣзныя дороги построитъ. Весь берегъ между Новороссійскомъ и Сухумомъ сплошнымъ бы городомъ былъ, потому что самою судьбою предназначенъ для торговли, для жизни... А тутъ еще управленіе прежде было, которое болѣе о затрещинахъ, чѣмъ объ умиротвореніи помышляло... Вы спросите, есть ли здѣсь школы, а если найдутся—то какія? Такъ—дрянцо, а народъ-то вѣдь способный, хорошій, хотя и лѣнивый. Этому ли народу не учиться?..

Пароходъ начало покачивать, мы ушли въ каюту.

Книжный магазинъ П. П. Сойкина

СПБ., Невскій, № 98, уг. Надеждинской.

Немедленно исполняетъ требованія на всѣ находящіяся въ продажѣ книги и учебныя пособія.

Требованія исполняются за наличныя или съ наложеннымъ платежемъ.

Мелкія суммы до одного рубля можно высылать почтовыми или гербовыми марками.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

УДАВЫ.

Романъ Георгія Борцова, изъ современной кавказской жизни, въ двухъ частяхъ, съ предисл. *В. Л. Величко.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Волкъ въ овечьей шкурѣ.—Въ берлогѣ.—У сообщницы.—Бѣсовская паутина.—Первый блинъ.—Обреченная.—Молитва матери.—Милліонерша.—Грузинка Бабалэ и „русскія собаки".—Невольники.—Жертва преступница.—Смерть лучше позора.—Горькіе сюрпризы.—Диспозиція къ атакѣ.—Гастролеръ.—Кровавыелохмотья.—Лукерья.—Тушинскій сыръ.—Урханъ-Бекъ.—Загадочная женщина.—Заря любви.—Неожиданное вмѣшательство.—Замокъ очарованія.—Голосъ изъ-за гроба.—Англійскій ученый.—Страшная ночь.—Душенька.—„Убьютъ и выпотрошатъ"—Проданная.—Похищеніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Исчезнувшіе.—Разбойники.—Надъ пропастью.—На краю гибели.—Облава.—Передъ разлукой.—У духоборовъ.—Духанщикъ-паукъ.—Отецъ Петръ.—Переполохъ.—Мстительница.—Молод. счастье и живые мертвецы.—„Не пущаютъ".—Командировочка.—Шантажъ.—Старый князь.—Катастрофа.—Не всегда хоту масляница.—Горчишникъ.—Арестъ—Поджигатели.—Мать.—Таинственный гость.—Подсудимая.—Жестокій ударъ.—Смерть.—Грозныя тучи.—Тайныхъ дѣлъ мастера.—Встревоженные хищники.—Допросъ.—Эпилогъ. 360 стран. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЕВРЕЙСКІЙ УМЪ.

Сочиненіе **Морисъ Мюрэ**, переводъ съ франц. **Е. Отецкой** (безъ предварительной цензуры).

Содержаніе: Расовое мышленіе.—Израильская раса. Психологія еврея.—Спиноза (1632—1677): Спиноза, евреи и іудаизмъ. Еврейскіе источники спинозизма. Еврейскія и антихристіанскія идеи Спинозы.—Генрихъ Гейне (1797—1856): Человѣкъ и писатель. Религіозное развитіе Генриха Гейне. Трехцвѣтное Евангеліе Генриха Гейне.—Государственный человѣкъ-еврей. Лордъ Биконсфильдъ (1804—1881): Другъ народа. Семитическій теорикъ. Іудейство и соціализмъ. Карлъ Марксъ (1818—1883): О еврейскомъ происхожд. соціализма. Іудейскій элементъ въ марксизмѣ.—Георгъ Брандесъ (1842): Брандесъ и Данія. Европейская критика Георга Брандеса. Отъ 1789 до 1848 гг. Ненависть къ христіанскому уму.—Максъ Нордау (1849): Антихристіанская соціологія. Наука противъ религіи. Состояніе еврейской души. Краткое обозрѣніе и заключеніе. XIX+308 страницъ. Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

ПЯТЬ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Дневники А. Дрейфусъ.

Переводъ съ франц. С. Молоцкаго. 316 стран. Цѣна 1 руб.

Общедоступная философія

въ изложеніи АРКАДІЯ ПРЕССА.

Платонъ.—Пиръ. Республика. Спб. 1900 г. Цѣна 40 к.

Аристотель.—Этика. Политика. Спб. 1900 г. Цѣна 40 к.

Макіавелли.—Государь. Разсужденія о Титѣ-Ливіи. Спб. 1901 г. Цѣна 40 к.

Локкъ.—О государствѣ. Цѣна 40 к.

Гоббсъ.—Левіаѳанъ. О человѣкѣ (психологія). О государствѣ. Цѣна 40 к.

Гроцій.—О правѣ войны и мира. Ц. 40 к.

Монтескье.—О духѣ законовъ. Спб. 1901 г. Цѣна 40 к.

Декартъ.—Размышленія о первой философіи. Цѣна 40 к.

Изданія П. П. Сойкина—Спб., Невскій, № 96.

„Библіотека Романовъ"

(Приключенія на сушѣ и на морѣ)

Новый Робинзонъ. Луи-де-Русмонъ. Необыкновенныя приключенія швейцарца, прожившаго 30 лѣтъ среди людоѣдовъ. 380 стран., съ 138 рисунк., въ роскошн. коленкоров. перепл., тисненомъ красками и золотомъ, **2 руб.**

Приключенія Сирано-де-Бержерака. *Л. Галле*, въ 2-хъ томахъ, 376 стран., съ 50 рисунк. Т. I. **Роковой документъ.** Т. II. **Капитанъ сатана.** Цѣна за 2 тома на обыкнов. бум. **75 коп.**, въ роскошномъ коленк., тисненомъ золотомъ и краской пер., на веленев. бумагѣ **1 руб. 25 коп.**

Лѣсной бродяга. *Габріеля Ферри*, въ 3-хъ томахъ, 800 стран., съ 36 рисунками. Т. I. **Искатель приключеній.**—Т. II. **Красный карабинъ.**—Т. III. **Орелъ снѣжныхъ горъ.** Цѣна за 3 тома на обыкнов. бум. **1 р. 25 к.**, въ роскошн. коленк., тисненомъ золотомъ и краской пер., на вел. бум. **2 руб. 50 коп.**

Желѣзный Пиратъ. Ром. *Макса Пембертона*, съ 12 рис., 216 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошн. коленк. пер., тисненомъ золотомъ и красками, на велен. бум. **1 руб.**

Морскіе волки. Романъ *Макса Пембертона*, съ 9 рис., 144 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошн., тисненомъ золотомъ и красками пер., на велен. бум. **1 руб.**

Жанъ-Мари Кабидулекъ. Романъ *Жюля Верна*, съ 9 рис., 168 стр. Цѣна **50 коп.** Въ роскошн. пер., тисненомъ золотомъ и красками, на веленевой бумагѣ **1 руб.**

Юный дикарь. Ром. *Капитана Марріэта*, съ 6 рисунк., 221 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошн., тисненомъ золотомъ и красками переплетѣ, на велен. бум. **1 руб.**

Приключенія собаки. Романъ *Капитана Марріэта*, съ 6 рис., 256 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошн., тисненомъ золотомъ и красками пер., на веленевой бумагѣ **1 р.**

Королевская Собственность. Ром. *Капитана Марріэта*, съ 6 рис., 207 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошн. переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками, на велен. бумагѣ **1 руб.**

Подъ водами океана. Романъ *Жюля Рангада*. Изданіе 2-ое, 244 страницы, съ 24 рис. Цѣна **1 руб.**, въ переплетѣ **1 р. 25 коп.**

Путешествіе на кораблѣ Бигль. Извѣстн. всемірн. ученаго *Чарльза Дарвина*. Переводъ съ англійскаго д-ра *К. З. Яцута*. 176 страницъ, съ 78 рисунками. Цѣна **1 руб.**, въ коленкоровомъ переплетѣ, тисненъ. краской, **1 р. 50 коп.**

Докторъ Безымянный. Романъ *Поль д'Ивуа* въ перев. *А. А. Энквистъ*. Съ 116 рис., 440 стр. Ц. **2 р.** въ коленк. перепл., тисненъ. краск. и золотомъ **2 р. 50 к.**

Отъ Океана къ Океану. Поперекъ Чернаго материка. Путеш. маіора *Серпа Пинто* черезъ Африку. По запискамъ путешественн. разск. *А. И. Красницкій*. 240 стран., съ 40 рис., въ роскошн. коленкор. перепл., тисн. краск. и золот., **1 руб. 50 коп.**

Въ невѣдомыхъ міpахъ. Необ. прикл. русскаго учен. Астрон. ком. въ 2-хъ том. Сочин. *Ле-форъ и Графиньи*, съ предисл. *Камилла Фламмаріона*. Перев. *В. Семенова*. Изд. 2-е. Каждый томъ заключ. до 400 стр. текста и до 150 рис. въ худож. исп. *Н. Н. Каразинымъ* обл. Т. I. **Путешествіе на луну.** Т. II. **Вокругъ солнца.** Каждый томъ предост. вполнѣ законч. ром. Ц. каждаго том. **2 р. 50 к.**

Выписывающіе изданія Сойкина изъ его книжнаго магазина (СПБ., Невскій, 96, уг. Надеждинской), на сумму не менѣе одного рубля, за пересылку не платятъ, кромѣ тѣхъ изданій, за которыя пересылка оплачена особо.

Изданія П. П. Сойкина.—Спб., Невскій, № 96.

„Библіотека Романовъ“

(Приключенія на сушѣ и на морѣ)

Великій лѣсъ. Романъ *Жюля Верна*, съ 12 рис., 156 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошномъ коленк.пер., тисненомъ золотомъ и краской, на веленевой бумагѣ **75 коп.**

Островъ сокровищъ. Романъ *Р. Стивенсона*, съ 6 рис., 170 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошномъ коленкор. переплетѣ., тисненомъ золотомъ и краской, на велен. бум. **1 руб.**

Лагерь въ горахъ. Романъ *Э. Эллиса*, съ 4 рис., 158 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошномъ, тисненомъ золотомъ и краскою переплетѣ, на веленевой бум. **1 руб.**

Исторической крушеніе. Романъ *Р. Стивенсона* и *Осборна*, 254 стр. **50 к.** Въ роскошномъ, тисненомъ золотомъ и краскою переплетѣ, на веленевой бумагѣ **1 руб.**

Понтіакъ, вождь Оттавевъ. Романъ *Э. Эллиса*, съ 8 рис., 142 стран. Цѣна **50 коп.** Въ роскошномъ, тисненомъ золотомъ и краскою переплетѣ, на велен. бум. **1 руб.**

Искатели каучука (Приключенія въ Бразиліи). Романъ *Э. Эллиса*, съ 4 рисунк., 164 страницы. Ц. **50 коп.** Въ роскошномъ, тисненомъ золотомъ и краскою переплетѣ, на веленевой бумагѣ **1 руб.**

Ледяной адъ. Романъ *Л. Буссенара*. Въ 3-хъ част. (208 стран.), съ 12 рис. Цѣна на обыкнов. бум. **50 к.** Въ коленкоровомъ переплетѣ, тиснен. золот. и краск., на веленевой бум. **75 коп.**

Вторая родина. Новый романъ *Жюля Верна* (272 стр.), съ 18 рис. Цѣна на обыкн. бумагѣ **75 коп.** Въ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и краскою, на веленевой бумагѣ **1 руб.**

Стеклянный городъ. Романъ *А. Броунъ*. 247 стран. Цѣна **75 коп.**, въ переплетѣ **1 руб.**

Луговые разбойники. Романъ *Фр. Гериштеккера*, въ 2-хъ част., 320 стран. Ч. I. Подъ личиною рисы. Ч. II. Законъ Линча. Цѣна за обѣ части на обыкн. бум. **75 коп.** Въ коленкоровомъ перепл., тисненомъ золотомъ и краскою, на веленевой бумагѣ **1 руб. 25 коп.**

Африканскій конный чулекъ. *К. Фалькенгорста*, въ 3-хъ томахъ, 552 стран., съ рис. Т. I. Нѣжное сердце. — Т. II. Танганайкскій левъ.—Т. III. Корсаръ пустыни. Цѣна за 3 тома на обыкновенной бумагѣ **1 руб. 25 коп.**, въ роскошн. коленк., тиснен. краск. и золотомъ перепл., на веленевой бумагѣ **2 руб.**

Копи царя Соломона. Романъ *Р. Хаггарда*, 192 стран., съ рис. Цѣна на обыкновенной бум. **50 к.** Въ кол. пер., тисненомъ золот. и краскою, на вел. бум. **75 коп.**

Не чужихъ волнамъ. Первое путешествіе русскихъ вокругъ свѣта. Повѣсть *А. И. Красницкаго*, 248 стран., съ 20 рис. Цѣна въ коленкор. пер.. тиснен. золот. и краск., на велен. бум. **1 р. 50 коп.**

Христоферъ Колумбъ. Историческій романъ изъ эпохи открытія Америки. *Евгенія Шрежника*, въ 2-хъ частяхъ. 350 стран. Цѣна **2 руб.**, въ переплетѣ **2 р. 50 к.**

Сокровища Перу. Романъ *К. Взрисгофера*, въ 2-хъ частяхъ, 368 стран., съ 17 рис. Ч. I. Скитанія молодого бѣглеца. Ч. II. Черезъ дебри и пустыни. Ц. за обѣ части на обыкн. бум. **1 р.** Въ роск. коленк. перепл., тиснен. золот. и краск., на веленевой бум. **1 руб. 50 коп.**

Выписывающіе изданія Сойкина изъ его книжнаго магазина (СПБ., Невскій, 96, уг. Надеждинской), на сумму не менѣе одного рубля, за пересылку не платятъ, кромѣ тѣхъ изданій, за которыя пересылка показана особо.

Изданія П. П. Сойкина. — Спб., Невскій, № 96.

Тихія пѣсни. Стихотворенія. *Вл. П. Лебедева.* 218 стран. Ц. 1 р.

Бѣглецъ. Романъ изъ пограничной жизни. *Ѳ. Ѳ. Тютчева.* 340 страницъ съ 40 рисун. художн. А. А. Чикина. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Для декламаціи. Сборникъ избранныхъ стихотвореній. Составилъ членъ кружка любителей художеств. чтенія и музыки въ Спб. *С. П. Елисѣевъ* при содѣйствіи артистовъ Императорскихъ театровъ: П. А. Стрепетовой, Н. Л. Глазунова, Ю. Э. Озаровскаго, В. И. Петрова, М. И. Писарева, а также гг. А. А. Захарьина, В. В. Чехова и другихъ. 380 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 руб.

Гр. В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву Въ 2-хъ част. *И. Н. Захарьина* (Якунина). 216 стран съ 2-мя портретами и факсимиле гр. В. А. Перовскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Хива. „Зимній походъ въ Хиву графа Перовскаго въ 1839 г". „Первое посольство въ Хиву" въ 1842 г. Составилъ по записямъ очевидцевъ *И. Н. Захарьинъ* (Якунинъ). 206 стран. Ц. 50 к.

Люди темные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. *И. Н. Захарьина.* (Якунина). 400 стран. Ц. 1 р.

Сорокъ пьесъ изъ жизни народа. Одноактныя драмы, комедіи и шутки. 822 стран. съ рисунками художника А. Апсита. Цѣна 2 руб.

Драмы, комедіи, водевили и феерія. 1) Шутъ Балакиревъ. Историч. Ком. въ 4-хъ дѣйств.—2) Русскіе богатыри. Драма въ 4 дѣйств.—3) Уголовное дѣло „Убійство на мельницѣ". Драма въ 5 дѣйств.—4) Господа на часъ. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств.—5) Домъ сумасшедшихъ. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств.—6) Домашній воръ. Комедія въ 1-мъ дѣйств.—7) Маня Гроссъ (Ворона). Комедія въ 1-мъ дѣйств.—8) Сапоги ушли. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств.—9) Подъ арестомъ. Комедія въ 1-мъ дѣйств.—10) Ночная тревога. Водевиль въ 1-мъ дѣйств.—11) Изъ петли въ петлю. Водевиль въ 1-мъ дѣйств.—12) Чертъ черта хитрѣе. Водевиль въ 1-мъ дѣйств.—13) Канарейка. Картинка съ натуры въ 1-мъ дѣйств.—14) Крашеный зять. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств.—15) Путаники. Водевиль въ 1- дѣйств.—16) Тысяча рублей. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств.—17) Женихъ въ критическомъ положеніи. Водевиль въ 1-мъ дѣйств.—18) Заколдованный пѣтухъ. Народная феерія въ 7 картинахъ. 480 стран. Цѣна 1 руб.

На родной землѣ. Повѣсти и разсказы изъ народнаго быта.—1) Метель.—2) До горькаго конца.—3) Страшная ночь.—4) Ночь послѣ Бородинской битвы.—5) Солдатикъ.—6) Посидѣлки.—7) На родинѣ.—8) Тревога на большой дорогѣ.—9) Деревенская свадьба.—10) Утопленникъ.—11) Рабочая пора.—12) Подъ огнемъ.—13) Сиротская копѣйка.—14) Разбитое сердце.—15) Чужая жена.—16) Рыбаки.—17) Домовой.—18) Казачій пикетъ.—19) Барыня.—20) Оборотень. 410 стран. съ 20 рисунками. Цѣна 75 коп.

Послѣдніе дни Іерусалима. Историческая повѣсть. *Д. Л. Мордовцева.* 138 стран. Цѣна 75 коп.

Царскій духовникъ. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. *Вл. П. Лебедева.* 208 стр. Цѣна 50 к.

Великій страдалецъ. Историческая повѣсть изъ жизни патріарха Гермогена. *Вл. П. Лебедева.* 160 стр. Ц. 50 к. На фонѣ глубоко-интереснаго времени владычества поляковъ въ Москвѣ и кровопролитн. сраженій въ ея окрестн. выдѣляется мощная личность великаго страдальца, патріарха Гермогена.

За святую обитель. Историческая повѣсть изъ эпохи смутнаго времени на Руси. *Вл. П. Лебедева.* 240 стран. Цѣна 50 к.

Довментовъ мечъ. Историческая повѣсть *Вл. П. Лебедева.* 156 стр. Ц. 25 к.

Сквозь мракъ къ свѣту, или на разсвѣтѣ христіанства. Повѣсть изъ временъ Нероновскаго гоненія на христіанъ. *Ф. Фаррара,* въ излож. *Ф. Волгина,* 168 стран., изд. 2-е. Цѣна 25 коп.

Пути провидѣнія. Повѣсть изъ временъ Константина Великаго. Переводъ съ англійскаго. 190 стран. Цѣна 25 к.

Въ дали вѣковъ. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. *А. И. Лаврова.* 192 стр. Цѣна 50 к.

Святитель Алексій. Историческая повѣсть. *П. А. Россіева.* 190 стр. Ц. 25 к.

Патріархъ Никонъ. Историческій романъ въ 2-хъ томахъ. *М. А. Филиппова* 818 стран. Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к.

Выписывающіе изданія Сойкина изъ его книжнаго магазина (СПБ., Невскій, 96, уг. Надеждинской), на сумму не менѣе одного рубля, за пересылку не платятъ, кромѣ тѣхъ изданій, за которыя пересылка показана особо.

PG 3467 .N4 P55 1903 C.1
Pod gorlachim solntsem :
Stanford University Libraries
3 6105 039 978 395

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004